

- Семь слов о Лазаре
    - Слово 1
      - Сказано в следующий день после Календ в Антиохии против пьянствующих и входящих в корчемницы и устрающих пляски в городе, и о том, что учителю не должно отчаяваться в учениках, хотя бы в настоящее время они не убеждались, и о бедном Лазаре и о богатом
    - Слово о Лазаре, и о том, что души умерших насильственной смертью не делаются демонами, и о суде и милостыне
    - Слово о Лазаре и о том, почему не сказал Авраам: «приял еси благая твоя в животе твоём», но «восприял», и почему праведники часто подвергаются опасностям, а грешники избегают их
    - Слово о богатом и Лазаре, и о том, что совесть обыкновенно припоминает нам прежние грехи, и об Иосифе
    - Слово на слова апостола: «не хочу же вас, братие, не ведети о усопших, да не скорбите» (1 Сол. IV:13), также об Иове и Аврааме
    - Слово о землетрясении, и о богатом и Лазаре, и о том, откуда произошло рабство
    - Слово против тех, которые ушли на воинския ристалища, и о евангельском изречении: «внидите узкими вратами, яко пространная врата и широкий путь вводят в пагубу, и мнози суть входящие им» (Мф. VII:13), а к концу о богатом и Лазаре
  - Примечания
    - 1
-

Семь слов о Лазаре

Слово [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#)

Семь слов о Лазаре, т. е. на евангельскую притчу о богатом и Лазаре, произнесены святителем Иоанном в Антиохии в течение 387 года, с некоторыми промежутками времени. Первое из них сказано на другой день после «Слова на Новый год», как можно заключать из его содержания и видно из полного заглавия его — такого:

Сказано в следующий день после Календ в Антиохии против пьянствующих и входящих в корчемницы и устроющих пляски в городе, и о том, что учителю не должно отчаяваться в учениках, хотя бы в настоящее время они не убеждались, и о бедном Лазаре и о богатом

1. Вчерашний день, бывший сатанинским праздником, вы сделали праздником духовным, приняв слова мои с великою благосклонностию, и большую часть дня проведши здесь, насладившись питием, исполненным любомудрия, и ликовавши вместе с Павлом. Таким образом вы получили двойную пользу: уклонились от безчинной пляски пьянствующих, и предавались восторгам духовным, совершающимся с великою благопристойностию; пили из чаши, не вино изливающей, но исполненной духовнаго учения, и сделались свирелью и кифарою для Святаго Духа; тогда как другие ликовали в честь диавола, вы, соделав себя чрез пребывание здесь органами и сосудами духовными, предоставили Духу коснуться ваших душ и вдохнуть благодать Свою в ваши сердца; оттого вы и возгласили стройную песнь, услаждающую не только людей, но и горния силы. Посему и сегодня вооружим язык против пьянства и возстанем против нетрезвой и распутной жизни; обличим провождающих ее не для того, чтобы их стыдить, но чтобы избавить их от стыда; не для того, чтобы их осуждать, но чтобы исправить их; не для того, чтобы их выставить на позор, но чтобы удалить от гнуснаго позора и вырвать из рук диавола, потому что, кто проводит время в пьянстве, разгуле и объядении, тот подпал жестокой власти самого диавола. И о, если бы произошла какая-нибудь польза от слов моих! Впрочем, если они и после увещания останутся в том же состоянии, я и тогда не перестану предлагать им совет. Источники текут, хотя бы никто не черпал из них, и родники источают воду, хотя бы никто не брал ея, и реки бегут, хотя бы никто не пил из них; так и проповедник, хотя бы никто не внимал ему, должен исполнять все от него зависящее. Ибо вам, принявшим служение Слова, постановлен человеколюбивым Богом закон — никогда не оставлять своего дела и не молчать, хотя бы слушали нас, хотя бы убегали. Когда Иеремия, изрекавший иудеям много угроз и предсказывавший будущия бедствия и за то поносимый слушателями и осмеиваемый целый день, хотел прекратить такая пророчества, по слабости человеческой не могши переносить насмешек и злословий, то послушай, что сам он говорит в следующих словах: «бых в посмех весь день, рекох... не возглаголю... ниже восмомяну имене Господня... И бысть в сердца моем, яко огонь горящъ, палящъ в костех моих, и разслабех отвсюду, и не могу носити» ([Иер. XX:7, 9](#)). Смысл слов его такой: я хотел прекратить пророчество — говорит он — потому что иудеи не слушали; но как только я решился на это, сила Духа, как огонь, напала на душу мою и опалила все внутренности, измождая и снедая кости мои, так что я не мог вынести этого жара. Если же тот, кто каждый день подвергался осмеянию, поношению и злословию, испытал такое мучение, когда решился замолчать; то как могли бы удостоиться прощения мы, если бы, не потерпев еще ничего такого, по небрежности некоторых впали в малодушие и перестали предлагать им учение, и особенно тогда, когда есть столько внимающих?

2. Впрочем я говорю это не для своего утешения и ободрения; я убедил душу свою, чтобы, доколе буду дышать и Богу угодно будет продолжать мою настоящую жизнь, исполнять это служение и делать повеленное, будет ли кто слушать меня, или не будет слушать; но так как есть такие люди, которые расслабляют руки у многих и кроме того, что сами не приносят никакой пользы для нашей жизни, ослабляют усердие и в других, насмехаясь, издеваясь и говоря: оставь советовать, перестань увещавать; не хотят слушать тебя; не сообщайся с ними; —

так как есть некоторые говорящие это, то, желая исторгнуть из души народа эту злобную и безчеловечную мысль и дьявольский навет, я поведу речь об этом подолее. Я знаю, что даже и вчера произносили такие слова многие, которые, увидев некоторых проводивших время в корчемнице, с насмешкою и издевательством говорили: так хорошо они убедились; совсем никто не пошел в корчемницу; все отрезвились! Что говоришь ты, человек? Разве я обещал уловить всех в один день? Если бы убедились только десять человек, если бы только пять, если бы даже один: не достаточно ли и этого для моего утешения? Скажу еще большую крайность. Пусть будет, что никто не убедился моими словами, хотя невозможно, чтобы осталось бесплодным слово, посеянное в слух столь многим; но пусть это будет так; однако и в таком случае слово мое не бесполезно. Если они и входили в корчемницу, то входили уже не с таким безстыдством; и за столом часто вспоминали о словах моих, укоризне, обличении, и вспоминая стыдились, краснели мысленно, и делали обычные дела уже не с такою наглостию. А вполне почувствовать стыд, вполне осудить свои дела, это — начало спасения и прекрасной перемены. Кроме того произошла от этого и другая не меньшая польза для меня. Какая? Та, что трезвых я сделал более степенными и словами своими убедил в том, что лучше всех ведут себя те, которые не увлекаются толпою. Я не возстановил болящих? Но здоровых сделал более благонадежными. Слово не отклонило некоторых от порока? Но живущих добродетельно сделало более внимательными. Присовокуплю к этому и нечто третье. Не убедил я сегодня? Но, может быть, успею убедить завтра. И завтра не успею? Но, может быть, послезавтра, или еще в последующий за тем день. Кто сегодня слушал и отверг слышанное, тот, может быть, завтра послушает и примет; а кто сегодня и завтра оказал пренебрежение, тот, может быть, спустя много дней окажет внимание к словам моим. Так и рыболов нередко, целый день закидывая сеть напрасно и уже намереваясь уйти, вечером уловляет во весь день убегающую от него рыбу, и с нею уходит. Если бы мы, вследствие всегдашних случающихся неудач, вздумали оставаться в праздности и отстать от всех дел, то у нас разстроилась бы вся жизнь и погибло бы все не только духовное, но и житейское. Так, если бы земледелец, вследствие случившейся один и два и несколько раз дурной погоды, решил бросить земледелие, то мы все скоро погибли бы от голода. И если бы кормчий, вследствие случившейся один и два и несколько раз бури, оставил море, то никто из нас не плавал бы по морю, и от этого жизнь наша опять потеряла бы много полезного. И в каждом искусстве, если о нем будешь так же судить и внушать, все совершенно погибнет, и земля сделается необитаемою. Зная это, все, хотя один и два и несколько раз не достигают окончания дел, которыми занимаются, однако опять принимаются за них с одинаковым усердием.

3. Зная все это, и мы возлюбленные, увещаю вас, не будем так рассуждать, не станем говорить: какая нам нужда в столь многих словах? Никакой нет пользы от этих слов. Земледелец, засеявши один и два и несколько раз одну и ту же ниву и не получив плода, однако опять возделывает ее, и часто в один год вознаграждает убыток всего прежнего времени. И купец часто, потерпев много кораблекрушений, не отстает от пристани; но стаскивает судно, подряжает корабельщиков и, занявши денег, принимается за те же дела, хотя будущее ему так же неизвестно. И всякий, чем бы кто ни занимался, обыкновенно поступает так же, как земледелец и купец. Если же они оказывают такое усердие к житейскому, хотя окончание дел им неизвестно, то неужели мы, как скоро слова наши не будут выслушиваемы, тотчас перестанем говорить? Какое же мы будем иметь прощение, какое оправдание? Притом тех в случае неудач никто не вознаградит за потери; напр. если море потопит корабль, то никто не избавит от обеднения потерпевшего кораблекрушение; если наводнение затопит ниву и заглушит семена, то земледелец должен уйти домой с пустыми руками. Но с нами, говорящими и увещающими, бывает не так; но, если ты повергаешь семена, и слушатель не примет их и не

принесет плода послушания, тебе уготована награда от Бога за совет, и ты получишь такое же воздаяние — хотя он не послушался — какое ты получил бы, если бы он и послушался; потому что ты исполнил все с своей стороны. Наш долг не убедить слушателей, но только посоветовать; наше дело предложить увещание, а убедиться — их дело. Как, если они сделают много добрых дел без наших увещаний, вся награда будит принадлежать им одним, а нам не будет никакой пользы, потому что мы не предлагали совета; так и если они не послушаются наших увещаний, все наказание постигнет их, а нам не будет никакого осуждения, но еще будет дана великая награда от Бога, потому что мы все свое исполнили. Нам повелевается только «вдати сребро... торжником» ([Матф. XXV:27](#)), сказать и предложить совет. Скажи же и сделай увещание брату. Но он не послушался? А тебе уготована награда, только бы ты всегда делал это, только бы не отставал, доколе не убедишь, доколе не воодушевишь его. Окончанием совета пусть будет послушание принимающего увещание. Дьявол непрестанно противодействует нашему спасению, сам не получая от этого усердия никакой пользы, но еще испытывая величайший вред; и однако он одержим таким неистовством, что нередко отваживается даже на невозможные дела, и нападает не только на тех, которых надеется непременно побороть и низвергнуть, но и на тех, которые, вероятно, преодолеют козни его. Так услышав, что Иова хвалит ведущий все сокровенное Бог, он возымел надежду, что успеет низложить и его, и не переставал, коварный, употреблять все меры и хитрости, чтобы побороть этого человека, и не отчаявался в этом нечистый и злейший демон, хотя сам Бог признал в праведнике такую добродетель. После этого, скажи мне, как нам не стыдиться и не краснеть, если, тогда как дьявол никогда не отчаявается в нашей гибели, а всегда ожидает ее, мы будем отчаяваться в спасении братьев? Ему надлежало бы, и не делая опыта, отступить от борьбы, потому что Бог свидетельствовал о добродетели праведника; однако он не отступил, но по великому неистовству своему против нас, и после свидетельства Божия, надеялся преодолеть того доблестного мужа. А нас ничто такое не заставляет впасть в отчаяние, и однако мы отступаем. Дьявол, не смотря на воспрещение Божие, не отступает от борьбы с нами; а ты уклоняешься, когда Бог располагает и побуждает тебя к поднятию падших? Дьявол слышал Бога, изрекшаго: «человек незлобив, истинен... богочестив, удаляйся от всякаго зла», и «несть такова от сущих на земли» ([Иов. II:3](#)), и однако после столь многих и столь сильных похвал продолжал говорить: а может быть непрерывностию и великостию наводимых на него бедствий я успею преодолеть его и низложить эту великую башню!

4. Какое же будет прощение нам, возлюбленные, и какое оправдание, если злой демон с таким неистовством действует против нас, а мы не окажем и малой части подобного усердия к спасению наших братьев, имея притом Бога своим помощником? Итак, когда ты увидишь брата жестоким и непокорным и невнимательным к тебе, скажи сам себе: может быть, со временем не успеем ли убедить его? Так и Павел повелел делать: «рабу же Господню не подобает свариться, но тиху быти ко всем... с кротостию наказующу противныя, еда како даст им Бог покаяние в разум истины» ([2 Тим. 2:24—25](#)). Не видишь ли, как отцы, нередко уже отчаившись в своих сыновьях, садятся при них, плачут, горюют, целуют их и делают все с своей стороны до последняго издыхания? Так и ты поступай с братом. Они плачем и слезами не могут ни прогнать болезнь, ни отклонить угрожающую смерть; а ты нередко можешь, с терпением и настойчивостию, плачем и слезами привлечь и восстановить отчаянную душу. Ты советовал, и не убедил? Плачь, и приступай к нему часто; стеной горько, чтобы он, устыдившись твоей попечительности, обратился ко спасению. Что успею сделать я один? Я не могу один каждый день быть со всеми вами; мне недостает сил одному беседовать с таким множеством. Если же вы захотите принять участие в спасении друг друга, и взять на себя каждый по одному из безпечных братьев, то у нас быстро пойдет вперед дело назидания. Нужно ли говорить о тех,

которые исправляются после тщательного увещания? Даже и о тех, которые страдают неисцельною болезнию, не следует отчаяваться и нерадеть, хотя бы мы предвидели ясно, что они и после долгаго о них попечения и вразумления не получают никакой пользы. Если эти слова кажутся вам странными, то я подтверждаю верность их тем, что сделал и сказал Христос. Мы, люди, не знаем будущего, и потому не можем утверждать о слушателях, убедятся ли они, или не убедятся нашими словами; а Христос, ясно зная и то и другое, не переставал до конца исправлять того, кто имел оказаться непослушным Ему. Зная, что Иуда не отстанет от предательства, Христос не переставал отклонять его от этого предательства советами, увещаниями, благодеяниями, угрозами и всяким способом вразумления, и постоянно удерживать словом, как бы какую уздою. Он делал это, научая и нас, чтобы мы, хотя бы и знали наперед, что братия не послушаются, исполняли все с своей стороны, так как нам за совет уготована награда. Смотри же, как Он постоянно и мудро удерживал Иуду Своими словами: «един от вас предаст Мя» ([Матф. XXVI:21](#)); и еще: «не о всех вас глаголю: Аз бо вею; ихже избрах» ([Иоан. XIII:18](#)); и еще: «един от вас диавол есть» ([Иоан. VI:70](#)). Ему угодно было подвергнуть безпокойству всех, чтобы не выставить на позор предателя и явными обличениями не сделать его более безстыдным. А что эти слова причиняли и прочим (ученикам) безпокойство и страх, хотя они не сознавали за собою ничего худого, послушай, как каждый из них говорил с смущением: «еда аз есмь, Господи» ([Матф. XXVI:22](#))? Но не только словами, но и делами Христос вразумлял Иуду. Так как Он часто и во всем являл Свое человеколюбие, очищая прокаженных, изгоняя демонов, исцеляя больных, воскрешая мертвых, укрепляя разслабленных, всем благодворил, но никого не наказывал и постоянно говорил: «не приидох... да сужду мирови, но да спасу мир» ([Иоан. XII:47](#)): то, дабы не подумал Иуда, что Христос может только благодворить, а не наказывать, Господь научает его и этому, т. е., что Он может и наказывать и карать согрешающих.

5. Посмотри, как мудро и целесообразно Он и Иуду научил, и никого из людей не подверг наказанию и не покарал. Как же (Он поступил), чтобы ученик познал карательную силу Его? Если бы Он наказал кого-нибудь, то показалось бы, что Он противоречит собственным словам Своим: «не приидох... да сужду мирови, но да спасу мир». С другой стороны, если бы Он никого не наказал, ученик остался бы невразумленным, не узнав на деле карательной силы Его. Чему же надлежало быть? Чтобы и ученик утратился и не сделался по небрежности худшим, и никто из людей не был поражен и не потерпел наказания и кары, Христос являет эту силу на смоковнице, сказав: «да николиже от тебе плода будет» ([Матф. XXI:19](#)), и простым словом тотчас изсушив ее. Таким образом и люди все остались невредимыми, и Он явил Свою силу, когда наказанию подверглось дерево. Ученик же, если бы он был внимателен, получил бы великую пользу от этого наказания; однако он и чрез это не исправился. А Христос, хотя и предвидел это, сделал и кроме этого еще другое, гораздо большее. Когда иудеи, вооружившись на Него мечами и кольями, хотели наложить на Него руки, тогда Он ослепил всех их; ибо это выражает Он словами: «кого ищите» ([Иоан. XVIII:4](#))? Так как (Иуда) часто говорил: «что ми хотите дати, и аз вам предам Его» ([Матф. XXVI:15](#)), то Господь, желая и иудеев убедить и его вразумить в том, что Он добровольно идет на страдание и что все зависит от Него, а злоба Иуды не может преодолеть Его, в то время, как сам предатель стоял вместе со всеми, говорит: «кого ищите?» Разве Иуда не знал Того, кого намеревался предать? Но Господь ослепил его зрение; и не только это сделал, но поверг их всех на землю Своими словами ([Иоан. XVIII:6](#)). Когда же и это не сделало их более кроткими и не отклонило от предательства нечестивца, который остался неисцельным, и тогда Христос не оставил еще Своего благоволения и попечения о нем, но посмотри, как трогательно касается безстыдной души его, и произносит слова, которые могли бы смягчить и каменную душу. Когда Иуда устремился облобызать Его, тогда что Он говорит?

«Иуда, лобзанием ли Сына человеческого предаши» ([Лук. XXII:48](#)), не стыдишься и самого способа предательства? Это сказал Христос, чтобы тронуть его и напомнить ему о прежнем общении. Но не смотря на то, что Господь столько и делал и говорил, Иуда не сделался лучшим, не по немощи Вразумлявшего, но по собственной беспечности. А Христос, хотя и предвидел все это, не переставал, с начала до конца, делать все с своей стороны. Итак, зная все это, возлюбленные, и мы должны непрерывно и постоянно исправлять и дружески вразумлять беспечных братьев наших, хотя бы и не было никакой пользы от увещания. Если такое попечение о человеке, не хотевшем воспользоваться вразумлением, имел Тот, Кто знал, что таков будет конец; то можем ли удостоиться прощения мы, когда, не зная исхода дел, так нерадим о спасении ближних, оставляя их после первого и второго увещания? После всего сказанного, обратим внимание и на себя самих, как мы ежедневно ослушиваемся Бога, каждый день вещающего нам чрез пророков и апостолов, и однако Он не перестает всегда вещать и убеждать непокорных и невнимательных. И Павел взывает так: «по Христе молим, яко Богу молящу нами; молим по Христе, примиритесь с Богом» ([2 Кор. V:20](#)). Если можно сказать еще нечто удивительное, то достоин не таких похвал тот, кто предлагает увещание, зная наперед, что принимающий увещание непременно послушается, каких — тот, кто многократно говорил, и советовал, и не имел успеха, и однако не переставал делать это. Первого, хотя бы он был ленивее всех, возбуждает к увещанию надежда, что слушатель убедится; а последний, постоянно увещевая и не видя послушания и однако не переставая делать это, представляет доказательство пламеннейшей и искреннейшей любви, как не ободряемый никакою подобною надеждою, но единственно по любви к слушателю не оставляющий попечения о брате. Впрочем довольно уже доказано, что не должно никогда оставлять падших, хотя бы мы наперед знали, что они не послушаются нас. Надобно наконец перейти к обличению предающихся веселию; ибо, доколе продолжается этот праздник и диавол наносит раны опьянения душам пьянствующих, дотоле и нам должно прикладывать к ним врачевства.

6. Вчера мы приводили против них Павла, который говорит: «еще... ясте, еще ли пиетé, еще ли ино что творитé, вся[н] в славу Божию творитé» ([1 Кор. X:31](#)). А сегодня укажем им на Владыку Павлова, Который не только увещевает и советует воздерживаться от веселья, но и наказывает и карает живущаго в весельи; ибо повествование о богатом и Лазаре, и о судьбе того и другого, указывает не на что-либо иное, как именно на это. Впрочем, чтобы нам не сделать это поверхностно, я прочитаю вам притчу с самого начала. «Человек... некий бе богат и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло. Нищ же бе некто, именем Лазарь, иже лежаше пред враты его гноен и желаше насытитися от крупиц падающих от трапезы богатаго: но и пси приходяще облизаху гной его» ([Лук. XVI:19—21](#)). Для чего Господь говорил притчами, и почему одне из них изъяснял, а другия не объяснял, и что такое притча, и все подобные вопросы отложим до другого времени, чтобы не уклониться от предстоящего теперь предмета речи; а пока скажем вам только о том, кто из евангелистов повествует, что Христос сказал эту притчу. Кто же? Один Лука. Необходимо знать и то, что из сказанного (И. Христом) одно изложили все четыре (евангелиста), а другое каждый особо. Для чего же? Для того, чтобы и чтение прочих (евангелистов) было для нас необходимо и видно было совершенство их согласия; ибо, если бы они все сказали о всем, то мы не всем им внимали бы прилежно, так как и один мог научить всему: а если бы они все говорили о всем различно, то не видно было бы совершенства их согласия. Посему они о многом написали и все вообще, и каждый особо. Итак, эту притчу Христос научает следующему. Некоторый человек, говорит Он, был богат, жил весьма порочно, не испытывал никакого несчастья, но все притекало к нему, как бы из источников. Что с ним не случалось ничего неожиданного, никакого повода к унынию, никакой житейской неприятности, на это самое указывают слова: «веселяся на вся дни». А что он жил

порочно, это видно и из постигшей его кончины, и еще прежде кончины, из оказанного им презрения к бедному. Этот самый бедняк доказал собою, что богач не имел сострадания не только к нему, лежавшему у ворот, но и ни к кому другому; ибо, если даже тому, который припадал постоянно к воротам и лежал пред глазами, котораго он по необходимости, входя и выходя, ежедневно видел, и не раз, и не два, а многократно: потому что (бедняк) лежал не на распутии и не в тайном и тесном месте, но там, где богач непрестанно входил и выходил, и невольно должен был видеть его, — если он не оказал сострадания даже тому, который находился в таком жестоком страдании и жил в такой нищете, или лучше — во всю жизнь мучился болезнью, и болезнью жесточайшею, то к кому же из встречавшихся с ним был он сострадатель? Если он в первый день прошел мимо (Лазаря), то во второй надлежало бы ему почувствовать что-нибудь; если же и в этот день пренебрег им, то в третий, или в четвертый, или в последующий день ему непременно надлежало бы тронуться, хотя бы он был свирепее диких зверей. Но он не чувствовал никакого сострадания, а был жесточе и безжалостнее того судии, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился ([Лук. XVIII:2—5](#)); того, сколь он ни был жесток и суров, настойчивость вдовы заставила оказать милость и склонила на просьбу; а этого ничто не могло склонить на помощь бедному, хотя и просьба была не одинакова, но просьба этого бедного была гораздо удобоисполнимее и справедливее. Та просила судию против врагов своих, а этот просил утолить голод его и не презреть погибающего; та беспокоила частыми просьбами, этот же многократно в день являлся богатому лежащим в молчании: а это очень может смягчить даже и каменную душу. Когда часто беспокоят нас, то мы раздражаемся; но когда видим, что нуждающиеся стоят с полным молчанием и не говорят ничего, что они, и не достигая никогда успеха, не негодуют, но только молчаливо являются к нам, тогда мы, хотя бы были безчувственнее самых камней, трогаемся, стыдясь их чрезмерной скромности. Кроме того было и нечто другое, не меньшее этого, именно: самый вид бедного был жалкий, изможденный голодом и продолжительною болезнью. Однако все это несколько не смягчило богача жестокосердного.

7. Итак, первый порок богатого — жестокость и безчеловечие в высшей степени. Ибо не все равно — не помогать нуждающимся тому, кто живет в бедности, или пренебрегать другими, измождаемыми голодом, тому, кто наслаждается таким веселием. Опять не все равно, — раз или два раза увидя бедного пройти мимо его, или видеть его каждый день и даже эту непрерывность зрения не пробудиться к жалости и человеколюбию. Опять не все равно — не помогать ближним тому, кто сам находится в несчастиях, скорбях и в дурном расположении духа, или оставлять без внимания других, измождаемых голодом, тому, кто наслаждается таким веселием и постоянным благоденствием, ожесточиться и не сделаться более человеколюбивым даже от самых радостей. Вы знаете, что мы, хотя бы были жестокосерднее всех, от благополучия обыкновенно делаемся благосклоннее и добрее. Но этот богач и от благополучия не сделался лучшим, но оставался зверским или, лучше сказать, своими нравами превзошел жестокость и безчеловечие всякаго зверя. И однако, живший в пороках и безчеловечный наслаждался благополучием, а праведный и преданный добродетели находился в крайнем злополучии. А что Лазарь был праведен, это также показала кончина его, и еще прежде кончины самое терпение среди бедности. Как вам кажется, не видите ли вы самая дела их пред собою? У богатого корабль был полон товара и плыл при попутном ветре. Но не дивитесь: он поспешал к кораблекрушению, потому что не хотел обращаться с грузом осторожно. Хочешь ли, я покажу тебе, в чем состоял и другой порок его? В том, что он каждый день веселился без опасения. Ибо и это крайнее зло, не только теперь, когда требуется от нас такое любомудрие но и прежде — в ветхом завете, когда такое любомудрие еще не было открыто. Послушай, что говорит пророк. Горе вам, «приходящие в день зол, приближающиеся и прикасающиеся субботам лживым?»

([Ам. VI:3](#)). Что значит: «прикасающиеся субботам лживым»? Иудеи думают, что суббота дана им для праздности. Но не эта причина (установления субботы), а та, чтобы они, воздерживаясь от житейских дел, весь досуг употребляли на дела духовные. Что действительно суббота назначена не для праздности, а для духовной деятельности, это видно из самых обстоятельств. Священник в этот день делает двойное дело: тогда как каждый день приносится простая жертва, в этот день повелевается приносить двойную. А если бы суббота решительно назначена была для праздности, то священнику прежде всех надлежало бы быть праздным. Посему, так как иудеи, освободившись от дел житейских, не занимались духовными — целомудрием, скромностью и слушанием божественных вещаний, но делали противное этому, угождая чреву, упиваясь, пресыщаясь, предаваясь веселию, за это и осуждал их пророк. Сказав: горе вам, «приходящие в день зол», и присовокупив: «прикасающиеся субботам лживым», этим прибавлением он объяснил, как у них ложны были субботы. Как же они делали их ложными? Совершая беззакония, предаваясь веселью, упиваясь и делая множество постыдных и злых дел. А что это действительно так, выслушай последующее, ибо то, что я говорю, выражает и пророк, тотчас присовокупляя следующие слова: «спящие на одрех от костей слоновых, и ласкосердствующие на постелях своих, ядущие козлища от паств, и телцы млеко питаемы от среды стад; пьющие процеженное вино, и первыми вонями мажущися» ([Амос. VI:4—6](#)). Ты получил субботу для того, чтобы освободить душу от пороков, а ты делаешь их еще более. Что может быть хуже этой изнеженности, как спать на ложах из слоновой кости? Другие грехи доставляют хотя малое какое-нибудь удовольствие; например — пьянство, корыстолюбие, сладострастие; а спать на ложах из слоновой кости — какое удовольствие, какое утешение? Неужели красота ложа делает сон приятнее и слаще? Скорее от этого он бывает самым тяжелым и самым неприятным, если мы благоразумны; ибо, если ты представишь, что, когда ты спишь на ложе из слоновой кости, другой не может и хлеба вкушать спокойно, то не осудит ли тебя совесть и не возстанет ли с обвинением против такой несообразности? Если же предосудительно спать на ложах из слоновой кости, то какое мы будем иметь оправдание, когда они еще будут со всех сторон обложены серебром? Хочешь ли видеть красоту ложа? Я покажу тебе теперь благолепие ложа, принадлежащего не простолюдину и не воину, а царю. Я знаю, что ты, хотя бы был самолюбивее всех, не захочешь иметь ложа благолепнее царского, и, что еще важнее, не какого-нибудь царя, но первого и знаменитейшего из всех царей, и доньше воспеваемого по всей вселенной; я покажу тебе ложе блаженного Давида. Какое же оно было? Оно было со всех сторон украшено не серебром и золотом, но слезами и исповеданиями (грехов). Об этом сам он говорит так: «измью на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу» ([Пс. VI:7](#)). Слезы, как жемчужины, виднелись на нем со всех сторон.

8. И посмотри, какая у него боголюбивая душа: так как днем беспокоили и развлекали его многочисленныя заботы о правителях, военачальниках, племенах, народах, воинах, сражениях, мире, о делах общественных и домашних, дальних и близких, то свободное время, которое все мы проводим во сне, он проводил в исповедании (грехов), молитвах и слезах. И это делал он не одну ночь, а в другую успокоивался, не две и не три ночи, а в промежутки переставал, но каждую ночь делал это: «измью, — говорит он, — на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу», указывая на обилие и непрерывность слез. Когда все покоились и находились в тишине, он один взывал к Богу, и неусыпающее Око было присуще скорбевшему и плакавшему, и исповедывавшему грехи свои. Такую постель и ты устрой; потому что постель, обложенная серебром, и в людях возбуждает зависть, и свыше воспламеняет гнев. А такие слезы, каковы Давидовы, могут погасить самый гееннский огонь. Хочешь ли покажу тебе и другое ложе? Разумею ложе Иакова. Он имел под собою землю, а под головою своею камень; посему и увидел духовный Камень и ту лестницу, по которой восходили и нисходили ангелы ([Быт.](#)

XXVIII). Такие постели устроим и мы, чтобы видеть такие же сны. Если же будем лежать на серебряном ложе, то не только не получим никакого удовольствия, но и потерпим скорбь; ибо, когда ты представишь, что в крайнюю стужу, среди ночи, когда ты спишь на ложе, бедняк лежит на соломе в преддверии бань, прикрывшись тростником, дрожа, корчась от холода и терзаясь голодом, то хотя бы ты был каменным больше всех, я уверен, осудишь себя за то, что сам нежишься сверх нужды, а ему не даешь пользоваться и необходимым. «Никтоже воин бывая, — говорит (апостол), — обязуется куплями житейскими» ([2 Тим. II:4](#)). Ты воин духовный, а такой воин спит не на ложе из слоновой кости, но на земле, и не намащется маслом; потому что такая забота свойственна людям сладострастным и испорченным, живущим на сцене и в безопасности; а тебе должно благоухать не мастьми, но добродетелию. Ничего нет нечище души, когда тело имеет такое благовоние; потому что благовоние тела или одежды может быть доказательством внутренняго зловония и нечистоты. Когда диавол, приступив к душе, изнеживает ее и ввергает в великое расслабление, тогда она нечистоту своего растления отражает и на теле посредством благовоний. И как страждущие насморком и катарром марают и одежду, и руки, и лицо, постоянно отирая текущую из носа влагу, так и душа сообщает телу нечистоту своей дурной влаги. Кто подумает что-нибудь благородное и доброе о человеке, который пахнет мастьми и уподобляется женщине, или лучше — блуднице и подражает жизни пляшущих? Пусть благоухает душа твоя духовным благовонием, чтобы тебе приносить величайшую пользу и себе самому и живущим с тобою. Нет, нет ничего хуже веселья. Послушай, что еще говорит о нем Моисей: «уты, утолсте, расшире... и отвержеся возлюбленный» ([Втор. XXXII:15](#)). Не сказал «отступил», но «отвержеся возлюбленный», показывая нам упрямство и непокорливость его. И еще в другом месте: «ясти будеши и насытишися... Вонми себе, не забуди Господа Бога твоего» ([Втор. VIII:10—11](#)). Так веселье обыкновенно доводит до забвения. Ты же, возлюбленный, когда сядешь за трапезу, вспомни, что после трапезы тебе должно молиться: и затем умеренно наполняй чрево, чтобы, обременивши себя, не сделаться бессильным преклонить колено и помолиться Богу. Не видите ли, что подъяремныя животныя от яслей выступают в дорогу, несут тяжести и исполняют свою службу? А ты после трапезы бываешь неспособен и негоден ни к какому делу; не будешь ли ты хуже и самых ослов? Почему? Потому, что тогда особенно и должно не спать и бодрствовать; ибо время после трапезы есть время благодарения, а благодарящему должно не пьянствовать, но не спать и бодрствовать. Будем же от трапезы обращаться не на ложе, но на молитву, чтобы нам не быть бессмысленнее безсловесных.

9. Знаю, что многие осудят эти слова, как вводящая в жизнь обычай новый и странный, но я еще более осужу дурную привычку, теперь владеющую нами. Что за пищу и трапезою должны следовать не сон и покой, но молитвы и чтение божественных Писаний, это весьма ясно показал Христос. Напитав тогда в пустыне несметное множество народа, Он не отослал его на ложе и ко сну, но призвал к слушанию божественных вещаний. Он не переполнил их чрева пищею и не довел до упоения, но, удовлетворив их потребности, привел к пище духовной. Так и мы будем поступать и приучимся употреблять пищи столько, сколько необходимо только для поддержания жизни, а не для пресыщения и отягощения. Ибо мы не для того родились и живем, чтобы есть и пить, но для того едим, чтобы жить. Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована от начала. А мы, как будто для ядения пришли в мир, так все проживаем на это. Но, чтобы обличение веселья было сильнее и больше коснулось живущих в нем, теперь обратим опять речь к Лазарю. Таким образом увещание и совет будут у нас вернее и действительнее, когда вы не из слов, но из дел увидите, как вразумляются и наказываются преданные пресыщению. Итак, богач жил в таком нечестии и веселился каждый день и одевался блистательно, навлекая на себя жесточайшее наказание, приготавливая большой пламень,

заслуживая себе осуждение неумолимое и мучение неотменяемое. А бедный лежал у порога его, и не роптал, не богохульствовал и негодовал; не сказал самому себе, как говорят многие: что это значит? — Этот человек, живущий в нечестии, жестокости и безчеловечии, пользуется всем сверх потребности, и не терпит ни печали, ни какого-либо другого неожиданного бедствия, которых много бывает с людьми, но наслаждается чистым удовольствием, а я не могу получить и необходимой пищи; к нему, проживающему все на тунеядцев и льстецов и на пьянство, все течет, как из источников; а я, истощаемый голодом, лежу притчею для зрителей, позором и посмешищем; ужели это от Промысла? Ужели какая правда надзирает за делами человеческими? Ничего такого он не сказал и не подумал. Из чего это видно? Из того, что ангелы, окружая его, отнесли и положили в лоно Авраама, столь великой чести он не удостоился бы, если бы был богохульником. Многие удивляются этому человеку потому только, что он был в бедности; а я могу насчитать девять мучений, которых он вытерпел не в наказание, но для того, чтобы сделаться более славным, что и исполнилось. И бедность действительно есть бедствие; это знают испытывавшие ее; никакое слово не может изобразить той скорби, какую терпят живущие в нищете и не умеющие любомудрствовать. Но у Лазаря не одно это было бедствие, и присоединялась к тому и болезнь, и притом чрезмерная. И смотри, как (Господь) показывает, что то и другое несчастье дошло до крайности. Что бедность Лазаря была тогда выше всякой бедности, это Господь выразил, сказавши, что он не получал и крупниц, падавших от трапезы богатого; а что и болезнь его дошла одинаково с бедностью до той меры, далее которой простираться уже невозможно было, это самое также Господь выразил, сказавши, что псы лизали раны его. Лазарь был так слаб, что и псов не мог отгонять, и лежал живым трупом, видя их, прибегающих к нему, но прогнать их не имея сил. Так у него члены были расслаблены, так изсушены болезнью, так измождены страданием! Видишь ли, что и бедность и болезнь с крайнею жестокостию осаждали тело его? Если же каждое из этих бедствий само по себе невыносимо и ужасно, то, когда они соединились вместе, не адамант ли какой был терпевший их? Многие часто бывают больны, но не нуждаются в необходимой пище; другие живут в крайней бедности, но наслаждаются здоровьем, и одно бывает облегчением другого; но здесь сошлись вместе то и другое зло. Ты, может быть, назовешь мне кого-нибудь, который находится в болезни и бедности? Но — не в такой беспомощности. Тот, лежа на открытом месте, мог, если не от себя и не от домашних, то от видевших его получить помощь; а у этого вышесказанного бедствия еще более отягчались отсутствием каких-либо помощников; и эту беспомощность опять еще более тяжкою делало то, что он лежал в воротах богатого. Если бы он так страдал и был пренебрежен, лежа в пустыне и месте необитаемом, ему было бы не так больно: ибо то самое, что никого нет, невольно заставляет переносить приключаемое; но лежать посреди столь многих упивающихся и благоденствующих и ни от кого не получать ни малейшего сострадания, это еще более усиливало в нем чувство скорби и еще более производило уныние. Мы, обыкновенно, страдаем в несчастиях, не столько тогда, когда нет помощников, сколько тогда, когда и есть они, но не хотят подать руку помощи, отчего тогда и он страдал. Не было никого, кто бы или словом успокоил, или делом утешил его: ни друга, ни соседа, ни сродника, никого из видевших его: потому что развращен был весь дом богатого.

10. Притом скорбь его умножало еще и то, что он видел другого благоденствующим; не потому, чтобы он был завистлив и зол, но потому, что все мы обыкновенно яснее сознаем свои несчастия при благоденствии других. А при богатом было нечто другое, что еще более могло мучить Лазаря. Он сильнее чувствовал свои бедствия не только от сравнения собственного злополучия с благоденствием богатого, но и от мысли о том, что этот при жестокости и безчеловечности своей во всем счастлив, а он, при своей добродетели и кротости, терпит крайняя бедствия; от этого он страдал неутешною скорбию. Если бы богач был человек

праведный, кроткий, дивный и исполненный всякой добродетели, то не опечалил бы Лазаря, а теперь, когда он живет порочно, и дошел до крайней степени нечестия, и такое показывает безчеловечие, и питает самое враждебное расположение, и проходит мимо его, как мимо камня, безстыдно и безжалостно, и после всего этого наслаждается таким благополучием, — представь, какими непрерывными, так сказать, волнами он вероятно заливал душу бедного; представь, каково было Лазарю видеть, как тунеядцы, льстецы, слуги поднимались вверх, сходили вниз, выходили, входили, бегали, шумели, упивались, скакали и делали всякия другия безчинства. Как будто пришедши для этого именно, чтобы быть свидетелем чужого благополучия, он лежал в воротах, имея в себе жизни столько, чтобы только чувствовать собственные бедствия, испытывая кораблекрушение в пристани, близ источника мучась в душе жесточайшею жаждою. Сказать ли еще о другом бедствии сверх того? Он не мог видеть другого Лазаря. Мы, хотя бы терпели безчисленные бедствия, можем, возревши на него, получить достаточное утешение и иметь великую отраду; потому что для скорбящих бывает великое утешение, когда они находят соучастников своих бедствий, на самом ли то деле, или в рассказах. Но он не мог видеть никого другого, страдавшего одинаково с ним; не мог даже и слышать, чтобы кто-либо из его предков так же страдал; а это — в состоянии омрачить душу. Можно к этому прибавить еще и то, что он не мог сколько-нибудь любомудрствовать о воскресении, но думал, что настоящие дела оканчиваются с настоящею жизнью; ибо он был из числа живших до благодати. Если же теперь между нами, при таком богопознании, при радостных надеждах воскресения, при ожидающих там грешников наказаниях и уготованных добродетельным благам некоторые бывают так малодушны и жалки, что не исправляются и этими ожиданиями; то как должен был страдать он, не имея и этого якоря? Он еще не мог ни о чем таком любомудрствовать, потому что еще не наступило время этих догматов. Было при этом и еще нечто другое, — то, что неразумные люди могли иметь о нем превратное мнение. Обыкновенно толпа, видя кого-нибудь в непрестанном голоде и недуге и в крайних бедствиях, составляет о таких людях недоброе мнение, от несчастия заключает о жизни, и думает, что они так бедствуют непременно за свои пороки, и много другого подобного говорит между собою, хотя неразумно, однако говорить: «если бы этот человек был любезен Богу, Он не попустил бы ему бедствовать в нищете и других несчастиях». Так было и с Иовом и с Павлом. Тому говорили: «еда множицею глаголаю ти бысть в труде? тяжести же глагол твоих кто стерпит? аще бо ты научил еси многи, и руце немощных утешил еси, немощныя же воздвигл еси словесы, коленом же немощным силу обложил еси. Ныне же прииде на тя болезнь... ты же возмутился еси. Еда страх твой есть не в безумии?..» ([Иов. IV:2—6](#))? Смысл этих слов такой: если бы ты сделал что-нибудь доброе, то не потерпел бы того, что ты потерпел; но ты несешь наказание за свои грехи и беззакония. Это более всего и огорчало блаженного Иова. И о Павле тоже говорили варвары: ибо, когда они увидели повисшую на руке его змею, то не подумали об нем ничего доброго, но сочли его за одного из величайших беззаконников, как видно из слов их: «егоже спасена от моря, — говорили они, — суд Божий жити не остави» ([Деян. XXVIII:4](#)). А обыкновенно и это не мало возмущает нас. И однако, когда волны были столь многочисленны и неслись одна за другою, ладья (Лазаря) не потонула; но находясь в раскаленной печи, он любомудрствовал так, как бы прохлаждался непрерывною росою.

11. Он не сказал в самом себе ничего такого, что обыкновенно говорят многие: «если этот богач по смерти будет там наказан и предан мучению, то одно за одно; а если и там он будет наслаждаться такими же почестями, то два — не одно». Не носят ли многие из вас с этими словами по торжищам и из конского ристалища и языческих театров не вносят ли их в церковь? Я стыжусь и краснею, что высказал эти слова пред всеми, но надобно сказать о них, чтобы вы избавились от непристойного смеха и срама, и вреда, происходящего от этих слов. Их многие

часто произносят, смеясь, но и это — дело диавольской злобы: под видом шутливых слов вводит в жизнь нашу неправильные мнения. Их многие непрестанно повторяют и в мастерских, и на площади, и в домах; а это происходит от крайнего неверия и безумия, поистине смешного и детского смысла. Ибо говорить: если порочные по смерти будут наказаны, и не иметь твердаго убеждения, что они непременно будут наказаны, свойственно неверующим и сомневающимся; а думать, что если и это случится, как и действительно случится, то они получают равное с праведными воздаяние, крайне безумно. Скажи мне, что это ты говоришь: «если богач по смерти наказывается там, то одно за одно?» Основательно ли это? Сколько лет хочешь ты дать ему наслаждаться здесь богатством? Хочешь ли, дадим сто? Я, с своей стороны, полагаю двести, и триста, и дважды столько, а если хочешь — и тысячу, что невозможно, потому что «дни лет наших, — говорится в Писании, — осмьдесят лет» ([Пс. LXXXIX:10](#)); но пусть будет и тысяча. Разве можешь ты, скажи мне, представить здесь жизнь, неимеющую конца и незнающую предела, какова жизнь праведных там? Итак, скажи мне, если бы кто, в продолжение ста лет, увидев в одну ночь приятный сон и во время его насладившись великим весельем, за это был наказываем сто лет, неужели он может говорить об этом: «одно за одно» и одну ночь сновидений считать равною со ста годами? Нельзя сказать этого. Так разсуждай и о будущей жизни. Что одно сновидение в сравнении со ста годами, то настоящая жизнь в сравнении с будущей жизнью, или лучше сказать — гораздо менее; что малая капля в сравнении с безпредельным морем, то тысяча лет в сравнении с будущей славой и блаженством. Что еще больше можно сказать (о будущей жизни) кроме того, что она не имеет предела и не знает конца, и какое различие между сновидениями и действительностию, такое же различие эта между настоящим и тамошним состоянием? С другой стороны порочные и живущие во грехах, еще прежде тамошняго наказания, уже и здесь наказываются. Не говори мне только о том, что этот человек наслаждается роскошным столом, одевается в шелковые одежды, окружен толпами слуг и гордо выступает по площади, но открой пред мною совесть его, и увидишь внутри великий мятеж грехов, постоянный страх, бурю, смущение; — (увидишь), что ум, как бы на судилище, возшедши на царский престол совести и восседая подобно судии, представляет помыслы, как бы палачей, истязует душу и терзает ее за грехи и громко взывает, тогда как никто не знает об этом, кроме одного всевидящаго Бога. Так прелюбодей, хотя бы был безмерно богат и не имел ни одного обвинителя, сам непрестанно обвиняет себя внутренне; удовольствие у него кратковременно, а скорбь постоянна; отсюду страх и трепет, подозрение и беспокойство; он боится переулков, страшится самых теней, собственных рабов, как тех, которые знают, так и тех, которые не знают, той самой, которую он обезчестил, и оскорбленного мужа ея; где ни ходит, везде носит с собою жестокаго обвинителя — совесть, сам осуждает себя и не может нимало успокоиться. Ибо и на ложе и за столом, и на площади и дома, и днем и ночью, и в самых сновидениях он часто видит образы своего греха, проводит жизнь Каина «стеня и трясыйся... на земли» ([Быт. IV:12](#)) и — чего никто не знает — внутри себя имеет огонь, всегда пламенеющий. То же испытывают и хищники и корыстолюбцы, то же и пьяницы и вообще каждый из живущих во грехах; потому что невозможно извратить это судилище. Хотя бы мы и не совершали добродетели, однако скорбим, что не следуем ей; и хотя бы делали зло, однако, по миновании греховнаго удовольствия, чувствуем скорбь. Не будем же говорить о живущих здесь в богатстве и пороках и о праведникам, наслаждающихся там, что «одно за одно» и что «два — не одно». Праведным и тамошнее и здешнее доставляют великое удовольствие: а порочные и корыстолюбивые и здесь и там наказываются. Они и здесь наказываются ожиданием тамошняго мучения, худым всеобщим о них мнением, и тем самым, что грешат и растлевают свою душу, и по отшествии отсюда терпят невыносимыя мучения. Напротив праведники, хотя бы здесь терпели безчисленные бедствия, питаются добрыми надеждами, вкушая удовольствие чистое,

постоянное, непоколебимое; а после получают безчисленные блага, как и этот Лазарь. Не говори мне, что он был в ранах, но обрати внимание на то, что он имел душу драгоценнее всякого золота, или лучше сказать, имел не только душу такую, но и тело; потому что доблесть тела состоит не в тучности и дородности, но в перенесении многих и столь тяжких страданий. Не тот достоин отвращения, кто имеет на теле такие раны, но тот, кто имея на душе безчисленные язвы, несколько не заботится о них, каков был и тот богач, внутренне весь изъязвленный. Как у Лазаря псы лизали раны его, так у богатого демоны — грехи его; и как первый жил в алчбе пищи, так последний — в алчбе добродетели.

12. Зная все это, будем любомудрствовать и не станем говорить, что, если бы такого-то Бог любил, то не попустил бы ему быть бедным. Это самое и служит величайшим доказательством любви Его: «его же бо любит Господь, наказует: бьет же всякого сына, егоже приемлет» ([Евр. XII:6](#)). И еще: «чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое и потерпи» ([Сир. II:1—2](#)). Отвергнем же, возлюбленные, те негодные мысли и те простонародные слова: «сквернословие, — говорит апостол, — и буетсловие, и кощунны... да не исходят из уст ваших» ([Еф. V, 4, 4:29](#)). Не будем и сами произносить их, а если увидим, что другие произносят их, заградим и им уста, сильно возстанем против них, удержим их безстыдный язык. Если бы ты увидел, что какой-нибудь предводитель разбойников бегаёт по дорогам, нападает на проходящих, похищает находящееся на полях, зарывает золото и серебро в пещерах и подземельях, и запирает там много стад, одежд и рабов, приобретая их своими набегами, то скажи мне, стал ли бы ты называть его блаженным за это богатство, и не назвал ли бы несчастным по имеющему постигнуть его наказанию? Хотя он еще не схвачен и не предан в руки судии, и не попал в темницу, и не обвинялся, и не осужден приговором, но веселится, пьянствует, наслаждается великим достатком; однако мы не считаем блаженным за настоящее и видимое, но называем несчастным по ожидающему его будущему. Так рассуждай и о богачах корыстолюбивых. Они — какие-то разбойники, засевающие при дорогах, грабящие проходящих и зарывающие имущества других в своих кладовых, как бы в пещерах и подземельях. Не станем же ублажать их за настоящее, но будем называть их несчастными за будущее, то страшное судилище и неизбежные истязания, тьму кромешную, которая постигнет их. Хотя разбойники не редко избегали рук человеческих; однако и зная это, мы и себе и врагам не желали бы их жизни и проклятого богатства. Но о Боге нельзя сказать этого: никто не избегнет Его приговора; но все, живущие любостыжанием и хищением, непременно навлекут на себя от Него наказание вечное и не имеющее конца, как и тот богач. О всем этом помышляя в самих себе, возлюбленные, будем считать блаженными не богатых, но добродетельных, а называть несчастными не бедных, но порочных; будем взирать не на настоящее, но на будущее, рассматривать не внешнее одеяние, но совесть каждого, и, стремясь к доблести и радости, проистекающей от добрых дел, будем и богатые и бедные подражать Лазарю. Он перенес не один, не два и не три только, но множество подвигов добродетели; именно: бедность, болезнь, отсутствие помощников, перенес все эти бедствия в доме, который мог прекратить их, и не удостоился ни от кого утешения, видел пренебрежение от наслаждавшегося таким весельем, и не только наслаждавшегося таким весельем, но и жившаго в нечестии, и не терпевшаго никакого бедствия; не мог видеть другого Лазаря, и не был в состоянии сколько-нибудь любомудрствовать о воскресении; кроме сказанных бедствий, терпел еще от толпы худое о себе мнение за эти несчастия, и не два или три дня, но во всю жизнь видел себя в таком несчастном состоянии, а богатого в противоположном. Какое же мы будем иметь оправдание, если, тогда как он с таким мужеством переносил все совокупившиеся бедствия, мы не перенесем и половины их? Ибо ты не можешь, не можешь указать и назвать еще другого, кто-бы потерпел столь многия и столь тяжкия бедствия. Посему Христос и выставил его на вид, чтобы мы, если

когда-либо впадем в несчастье, видя чрезмерность скорбей этого бедняка, получили достаточное ободрение и утешение от его любомудрия и терпения; он представляется общим во вселенной учителем для претерпевающих какое либо бедствие, предлагая всем смотреть на него и превосходя всех чрезмерностию собственных несчастий. Итак, возблагодарив за все это человеколюбиваго Бога, будем извлекать пользу из этого повествования, постоянно имея при себе (Лазаря) и в собраниях, и дома, и на площади и везде и тщательно собирая все богатство из этой притчи, чтобы нам и настоящим бедствия переносить безпечально и получить будущия блага, чего да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Слово о Лазаре, и о том, что души умерших насильственной смертью не делаются демонами, и о суде и милостыне

1. Я удивлялся вам, возлюбленные, когда недавно предлагал слово о Лазаре, что вы и хвалили терпение бедного и осуждали жестокость и безчеловечие богатого: это — не малые доказательства доблести. Если мы, даже и не стяжав добродетели, однако хвалим добродетель, то конечно можем и стяжать ее; и если не избегаем порока, однако порицаем порок, то конечно можем и избегнуть его. Итак, если вы приняли с великим благорасположением ту беседу, то теперь я предложу вам и остальное. Тогда вы видели Лазаря в воротах богатого, сегодня посмотрите на него в лоне Авраама; видели его облизываемого псами, посмотрите на него несомого ангелами; видели его тогда в бедности, посмотрите теперь на него в наслаждении; видели в голоде, посмотрите в великом изобилии, видели подвизающимся, посмотрите на венчаемого; видели его труды, посмотрите на его награды, — (посмотрите) и богатые и бедные: богатые, чтобы вам не почитать великим богатство без добродетели; а бедные, чтобы вам не почитать бедности злом; для тех и других он стал учителем. Ибо, если он в бедности не роптал, то какое получают прощение делающие это в богатстве? Если он в голоде и стольких бедствиях благодарил, то какое будут иметь оправдание те, которые в достатке не хотят стяжать такой же добродетели? С другой стороны, какое получают прощение бедные, которые от нищеты негодуют и ропщут, тогда как он в голоде и бедности, в беспомощности и постоянной болезни, живя в доме богатого, оставаясь в пренебрежении от всех и не видя другого страдавшего подобно ему, оказывается столь любознательным? От него научимся богатых не называть блаженными, а бедных несчастными; а лучше, если правду сказать, богат не тот, кто имеет многое, но тот, кто не нуждается во многом; и беден не тот, кто ничего не имеет, но тот, кто желает многого; это должно считать мерою бедности и богатства. Итак, если ты увидишь кого желающим многого, то считай его беднее всех, хотя бы он владел именьями всех; и с другой стороны, если увидишь кого не нуждающимся во многом, то считай его богаче всех, хотя бы он не имел ничего. Мы обыкновенно судим о бедности и богатстве по расположению души, а не по мере имущества. Как мы не назовем здоровым одержимаго непрестанною жаждою, хотя бы он имел во всем достаток, хотя бы находился при реках и источниках (ибо что пользы от этого обилия воды, когда он остается в неутолимой жажде?); так будем относиться и к богатым: непрестанно желающих и жаждущих чужого никогда не будем считать здоровыми и наслаждающимися довольством. Кто не может удержать своего желания, тот хотя бы владел именьями всех, как будет когда-либо в избытке? А тех, которые довольствуются своим и остаются при своем, не засматриваясь на чужое имущество, хотя бы они были всех скуднее, должно считать благоденствующими более всех; ибо тот и благоденствует более всех, кто не нуждается в чужом, а с любовью довольствуется своим. Впрочем, если угодно, обратимся к предположенному предмету. «Бысть», говорит Господь, «умрети» Лазарю «и несену быти ангелы» ([Лук. XVI:22](#)). Здесь хочу я исторгнуть из вашей души злой недуг. Многие из простых людей думают, будто души умерших насильственной смертью делаются демонами. Нет, нет. Демонами делаются не души умерших насильственной смертью, но души живущих во грехах, не потому, чтобы переменилось их существо, но потому, что воля их подражает злобе демонов. Указывая на это, и Христос говорил иудеям: «вы отца вашего диавола есте» ([Иоан. VIII:44](#)); сынами диавола Он назвал их не потому, чтобы они изменились в существо его, но потому, что совершали дела его; поэтому Он и присовокупил: «и похоти отца вашего хотите творити». Также Иоанн говорит: «порождения ехиднова! кто сказа вам бежати от грядущаго гнева; сотворите убо плоды достойны покаяния: и не начинайте глаголати: отца имама Авраама»

([Лук. III:7, 8](#)). Писание обыкновенно называет узамы родства не те, которые бывают от природы, но которые — от добродетели и порока; и с кем кто одинаков в нравах, того Писание называет и сыном и братом его.

2. Но для чего диавол вселил такое дурное мнение? Он хотел поколебать славу мучеников. Так как они умирают насильственной смертью, то он, желая распространить дурное мнение о них, употребил это средство, но не успел в этом; ибо они продолжают сиять своею славою. Он же сделал другое тягчайшее зло, убедив этими мнениями служащих ему чародеев убивать многих простых юношей, в надежде, что они сделаются демонами и потом будут служить им. Но это неправда, неправда! Почему же, скажешь, демоны говорят: «я душа такого-то монаха»? — Поэтому я и не верю, что говорят это демоны; потому что они обманывают слушающих. Посему и Павел заградил им уста, хотя они и правду говорили, чтобы они, воспользовавшись случаем, к истине не примешали и лжи, и не показались заслуживающими доверия. Так, когда они говорили: «сии человецы раби Бога вышняго суть, иже возвещают вам путь спасения» ([Деян. XVI:17](#)); то (Павел), наскучив этим, запретил прорицательному духу, и повелел ему выйти; между тем, что худого они говорили? «Сии человецы раби Бога вышняго суть». Но так как многие из простых людей не умеют всегда обсуживать то, что говорят демоны, то (Павел) прямо лишил их доверия. Ты, говорит он, из числа отверженных, не смеешь говорить, молчи, онемей: не твое дело проповедывать; это — право апостолов; для чего похищаешь чужое? Молчи, ты отвержен. Так сделал и Христос. Когда демоны говорили Ему: «вемы Тя, кто еси» ([Марк. I:24](#); [Лук. IV:34](#)), Он весьма строго запретил им, научая никогда не верить демону, хотя бы он говорил тебе что-либо здоровое. Зная это, не будем ни в чем верить демону, но, хотя бы он говорил что-либо истинное, отвратимся и убежим от него; потому что здоровое и спасительное учение можно узнать верно не от демонов, но из божественного Писания. А что душа, вышедшая из тела, не подлежит насилию демонов, об этом послушай, что говорит Павел: «умерый бо свободися от греха» ([Римл. VI:7](#)), т. е. уже не грешит. Если диавол не может сделать насилия душе, обитающей в теле, то, очевидно, — и вышедшей из тела. Как же, скажешь, грешат (души), если не терпят насилия? По своей воле и своему желанию предавая (греху) сами себя, а не по принуждению, не насильно; это доказали все те, которые преодолели козни диавола. Так Иова, сколько ни смущал, диавол не мог заставить произнести какое-либо богохульное слово ([Иов. II:9, 10](#)). Отсюда ясно, что мы властны следовать и не следовать его внушениям, и что не подлежим никакому принуждению и насилию со стороны его. Впрочем, не только из сказанного, но и из предложенной притчи очевидно, что вышедши из тела души не остаются здесь, но тотчас отводятся, и послушай, как. «Бысть же», говорит (Господь), «умрети нищему и несену быти ангелы» ([Лук. XVI:22](#)). Но туда отводятся души не только праведных, но и живших порочно; это видно из примера другого богача. Когда «угобзися нива» его, он сказал «в себе: что сотворю; разорю житницы моя, и большия созижду» ([Лук. XII:17—18](#)). Нет ничего жалче такой мысли. Точно, он разорил свои житницы; потому что безопасныя житницы суть не стены, но утробы бедных; а он, оставив эти, заботился о стенах. Что же говорит ему Бог? «Безумне! В сию ночь душу твою истяжут от тебе» ([Лук. XII:20](#)). Посмотри, там сказано: «несену быти ангелы», а здесь: «истяжут»; этого отвели, как узника, а того понесли с торжеством, как увенчиваемаго. Как получившаго на ристалище много ран и обагренаго кровию, потом украшеннаго венцом, стоящие пред ристалищем с великою славою берут и отводят домой, рукоплеща, восхваляя, удивляясь: так и Лазаря отвели тогда ангелы; а душу богача взяли некоторыя страшныя силы, может быть посланныя для этого; ибо душа не сама собою отходит в ту жизнь, так как это и невозможно. Если мы, переходя из города в город, имеем нужду в руководителе; то тем более душа, исторгнутая из тела и переселяющаяся в будущую жизнь, нуждается в путеводителях. Поэтому часто она, готовясь выйти из тела, то возвышается, то ниспадает, и страшится и

трепещет. Сознание грехов и всегда мучит нас, но особенно в тот час, когда предстоит нам быть отведенными на тамошния истязания и страшное судилище. Тогда похитил ли кто или присвоил себе что-нибудь, оклеветал ли кого-нибудь или враждовал против кого-нибудь несправедливо, или сделал другое какое-либо зло, — весь этот ряд грехов возобновляется; предстает пред глазами и мучит душу. И как живущие в темнице всегда бывают унылы и печальны, но особенно в тот день, в который они должны быть выведены и приведены к самым дверям судии, а стоя пред решетками судилища и слыша внутри голос судии, задыхаются от страха и бывают несколько не лучше мертвых; так и душа, хотя и в самое время греха весьма скорбит и мучится, но гораздо более тогда, когда она должна быть исторгнута и отведена отсюда.

3. Вы молчите, слушая это? Благодарю вас за это молчание более, нежели за рукоплескания; рукоплескания и похвалы делают меня славнейшим, а это молчание делает вас благоразумнейшими. Знаю, что слова мои огорчают, но и доставляют великую и невыразимую пользу. Если бы тот богач имел кого-нибудь, кто преподал бы ему подобное наставление, а не льстецов, которые предлагали все советы в угождение ему и влекли его к веселию, то он не был бы отведен в геенну, не подвергся бы невыносимым мучениям, и не раскаявался бы потом безутешно; но так как все говорили в угодность ему, то и предали его огню. О, если бы возможно было всегда и непрестанно так любомудрствовать и говорить о геенне! «Во всех словесех твоих», говорит (премудрый), «поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши» ([Сир. VII:39](#)). И еще: «уготовляй на исход дела твоя, и уготовися на село» ([Притч. XXIV:27](#)). Если ты у кого похитил что-либо, возврати, и скажи подобно Закхею: «возвращу четверицею» похищенное ([Лук. XIX:8](#)). Если ты оклеветал кого, если сделался врагом кому-либо, примиришься до судилища. Все окончи здесь, чтобы тебе без забот увидеть то седалище (судии). Доколе мы здесь, дотоле имеем добрыя надежды; а когда отойдем туда, то уже не в нашей власти будет покаяться и смыть с себя грехи. Посему должно приготовляться непрестанно к исходу отсюда. Что, если Владыке угодно будет позвать нас вечером? Что если завтра? Будущее не открыто нам, чтобы мы всегда были озабочены и готовы к отшествию туда, подобно как Лазарь постоянно был в скорби и терпении; за то и отведен был с такою честью. «Умре же и богатый, и погребоша его» ([Лук. XVI:20](#)); душа его закопана была в теле, как в могиле, и носила на себе плоть, как гроб. Он был связан, как бы какими оковами, пьянством и чревоугодием, потому и душу свою сделал недейтельною и мертвою. Не оставляй без внимания, возлюбленный, слов: «погребоша его»; но представь здесь посребренные столы, постели, ковры, покрывала, все прочия домашния вещи, масти, ароматы, множество вина, разнообразныя яства, сласти, поваров, льстецов, оруженосцев, рабов и всю прочую роскошь — померкшею и исчезнувшею. Все — пепел, все — прах и пыль, слезы и вопли; никто уже не может ни помочь, ни возвратить отшедшую душу. Тогда обличилась сила золота и великаго богатства. От такого множества прислужников он отводим был нагим и одиноким, безсильным унести отсюда что-нибудь из такого богатства, оставленным всеми, беспомощным; не было при нем никого из служивших, кто бы помог ему и избавил его от наказания и мучения, но отторгнутый от всех, он один влеком был на невыносимыя муки. Подлинно, «всяка плоть сено, и всяка слава человека яко цвет травный. Изсше трава, и цвет отпаде: глагол же Господа пребывает во век» ([Иса. XL:6—7](#)). Пришла смерть, и все это истребила, и, как пленника, взяла и отвела его, поникшаго долу, покрытого стыдом, оробевшаго, трепещущаго, уstraшеннаго, как будто во сне насладившагося всем прежним весельем; и теперь богач стал просить нищаго и нуждаться в трапезе того, кто некогда томился голодом и доступен был устам псов; так изменились обстоятельства и все узнали, кто был этот богач, и кто был этот нищий, и что Лазарь был богаче всех, а тот — беднее всех. Как на сцене являются принимающие на себя лица царей, и военачальников, и врачей, и риторов, и софистов, и воинов, на самом деле не будучи ничем этим; так и в настоящей жизни

— и бедность и богатство суть только маски. Посему, как ты, сидя в театре и увидев кого-либо из играющих внизу представляющим лицо царя, не называешь его счастливым и не считаешь за царя, и сам не пожелал бы быть таким, но зная, что это — кто-либо из обращающихся на торжище, может быть, веревочник, или медник, или другой кто-либо такой, не считаешь его счастливым за его маску и одежду, и по ним не судишь об его жизни, напротив — отвращаешься от него за ничтожество его в других отношениях; так и здесь в мире, как бы сидя в театре и смотря на играющих на сцене, когда увидишь многих богатеющими, не почитай их истинно богатыми, но только представляющими мнимыя лица богатых. Как тем, представляющим на сцене царя и военачальника, часто бывает раб или из числа продающих на рынке смоквы и виноград; так и этот богач часто бывает беднее всех. Если снимешь с него маску, раскроешь совесть и вникнешь в душу, то найдешь там великую бедность в добродетели, и его — самым безчестным из всех людей. Ибо, как в театре, по наступлении вечера и по выходе сидевших там, эти представлявшиеся всем царями и военачальниками, вышедши вон и сбросив поддельный вид, являются уже тем, что они на самом деле; так и теперь, когда приходит смерть и зрелище закрывается, все отходят туда, сложив с себя мнимые виды богатства и бедности, и только, судя по делам, оказывается, кто из них истинно богатые и кто бедные, кто — досточтимые, а кто — безчестные.

4. Часто иной из здешних богачей оказывается там беднее всех, подобно как и тот богач. Когда наступил вечер, т. е. смерть, и вышел он из зрелища настоящей жизни и сбросил мнимое лицо, то оказался там беднее всех, и столь бедным, что не имел в своем распоряжении даже капли воды, но и ея просил, и даже этого просимаго не получил. Что может быть беднее такой бедности? И, послушай, как это было. «Возвед очи свои, рече» к Аврааму: «отче, помилуй мя, и послы Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой» ([Лк. XVI:23—24](#)). Видишь ли, что значит бедствие? Когда Лазарь был близко, он пробежал мимо его; а теперь, когда тот далеко, зовет его; на кого часто, и входя и выходя, не смотрел, на того издали смотрит пристально. А для чего смотрит на него? Много раз, может быть, говаривал этот богач: «какая мне нужда в благочестии и добродетели? Все течет ко мне, как из источников; я наслаждаюсь великим богатством, великим благоденствием, не терплю никакой неприятности; для чего мне заботиться о добродетели? Этот нищий, живя в правде и благочестии, терпит безчисленные бедствия». Это же многие и ныне часто говорят. Чтобы вырваны были с корнем подобныя злыя мысли, богач видит, что и пороку уготована казнь, и подвигам благочестия — слава и венец. Но не для этого только богач смотрел на Лазаря, но и для того, чтобы ему потерпеть теперь в большей мере то, что терпел бедный; как у того усиливалось страдание тем, что он лежал в воротах богатого и видел чужое благоденствие; так и у этого наказание отягчалось теперь тем, что он лежал в геенне и видел блаженство Лазаря, так что его мучение было невыносимее не только по свойству наказаний, но и по сравнению с почестию бедного. Как, изгнавши Адама из рая, Бог поселил его «прямо рая» ([Быт. III:24](#)) для того, чтобы постоянное воззрение на рай — возобновляя скорбь, пробуждало в нем живейшее чувство потери благ, так и этого богача Он поместил прямо против Лазаря для того, чтобы он увидел, чего лишил себя. Я послал, говорит Он, к тебе в ворота нищаго Лазаря, чтобы он был для тебя наставником добродетели и предметом человеколюбия; ты пренебрег этим благом и не хотел надлежащим образом пользоваться этим средством ко спасению; прими же его, как средство к большему наказанию и мучению. Из этого мы познаем, что все, нами оскорбляемые и обижаемые, предстанут тогда пред лицом нашим. Хотя Лазарь ни в чем не был обижен богатым, так как богатый не брал его денег, и только не давал ему своих. Если же не уделявший своего имеет обвинителем того, кому не оказал милости, то похитивший чужое, какое получит прощение, когда со всех сторон окружают его обиженные? Там не нужны ни свидетели, ни обвинители, ни доказательства, ни

подтверждения: но самые дела явятся пред очами нашими в том виде, как мы их совершили. Вот человек, сказано будет, и дела его! — А не уделять из своего имущества есть также похищение. Может быть, слова мои кажутся вам удивительными; но не удивляйтесь; я представлю вам из божественных Писаний свидетельство о том, что не только похищать чужое, но и не уделять из своего другим означает хищение, и любостяжание, и отнятие. Какое же это свидетельство? Укоряя иудеев, Бог чрез пророка говорит: земля принесла плоды свои, и вы не внесли десятин; но похищенное у бедного в домах ваших ([Малах. III:10](#)). Так как вы, говорит, не дали обыкновенных приношений, то похитили собственность бедного. Этими словами Он внушает богатым, что они владеют собственностью бедных, хотя бы получили отцовское наследство, хотя бы собрали богатство каким-либо другим способом. И еще в другом месте говорит: «живота нищаго не лиши» ([Сир. IV:1](#)); а лишающий — отнимает чужое; потому что отнятием называется то, когда мы берем и удерживаем у себя чужое. Итак, из этого мы научаемся, что, когда мы не подаем милостыни, то будем наказаны наравне с похитителями. Эти имущества Господни, откуда бы мы их ни собрали; и если мы уделим из них бедным, то приобретем великое богатство. Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогая одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты уделял нуждающимся. Как казнохранитель, получивший царския деньги, если не раздаст их кому приказано, а истратит на собственную прихоть, подвергается наказанию и гибели; так и богач есть как бы приемщик денег, следующих к раздаче бедным, получивший повеление разделить их нуждающимся из его сослужителей; посему, если он истратит на себя сколько-нибудь сверх необходимой нужды, то подвергнется там жесточайшей ответственности; потому что имущество его принадлежит не ему собственно, но его сослужителям.

5. Будем же беречь имущество, как чужое, чтобы оно стало нашим. Как же нам сберечь его, как чужое? Если будешь тратить его не на излишняя надобности, и не на свои только, но и уделять в руки бедных; если ты богат, но тратишь сверх нужды, то ты дашь отчет во вверенных тебе деньгах. Это бывает и в домах вельмож; многие вверяют свои сокровища слугам своим; а получившие берегут вверенное им и не злоупотребляют сокровищами, но раздают их, кому и когда прикажет господин. Так поступай и ты; ибо не для того ты получил и принял больше других, чтобы истрачивать одному, но чтобы и для других ты был хорошим домоправителем. И то достойно разсмотрения, почему богатый видел Лазаря не у другого праведника, а в лоне Авраама. Авраам был гостеприимен; поэтому богатый видит Лазаря с ним для того, чтобы и это было обличением его негостеприимства. Тот и мимоидущих уловлял и привлекал в дом свой; а этот пренебрегал и лежавшим в доме его, и, имея такое сокровище и средство ко спасению, каждый день пробегал мимо его, и не воспользовался надлежащим образом покровительством нищему. Но патриарх поступал не так, а совсем напротив: сидя пред дверями, он уловлял всех проходивших; и подобно как рыболов, забрасывая сеть в море, вытаскивает рыбу, а часто вытаскивает и золото и жемчужины, так и он, уловляя людей, уловил некогда и ангелов, и, что удивительнее, сам того не зная. Изумляясь этому, и Павел увещевает так: «страннолюбия не забывайте: тем бо неведяще нецыи странноприяша ангелы» ([Евр. XIII:2](#)). И хорошо сказал он: «неведяще». Если бы патриарх зная принял их с такою благосклонностию, то не сделал бы ничего великаго и дивнаго; но вся заслуга его в том, что, не зная, кто были проходившие, и полагая, что это обыкновенные путники, — он с таким усердием пригласил их в свой дом. Так и ты, если покажешь великое усердие, принимая какого-нибудь знаменитаго и славнаго человека, не сделаешь ничего удивительнаго; потому что знатность гостя часто заставляет и негостеприимнаго человека показать всю готовность; но весьма важно и дивно то, когда мы и людей обыкновенных, отверженных и низких принимаем с великим радушием. Посему и

Христос, похваляя поступающих так, говорил: «понеже сотвористе единому сих меньших, Мне сотвористе» ([Матф. XXV:40](#)). И еще: «такое несть воля пред Отцем вашим, да погибнет един от малых сих» ([Матф. XVIII:14](#)). И еще: «иже аще соблазнит единого малых сих, уне есть ему, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей» (там же, ст. 6). И везде у Христа выражается великое попечение о малых и меньших. Зная это, и Авраам не спрашивал проходивших, кто они и откуда, как мы ныне делаем; но просто принимал всех проходивших; потому что оказывающий благотворительность должен не жизнь бедного исследовать, но помочь бедности и удовлетворить нужде. Одно оправдание у бедного — недостаток и нужда; ничего больше не спрашивай у него; но если он, хотя бы был порочнее всех, нуждается в необходимой пище, то утолим голод его. Так поступать повелел и Христос: «будите», говорил Он, «подобни Отцу вашему, иже есть на небесех, яко солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на неправедныя» ([Матф. V:45](#)). Милосердный есть пристань для нуждающихся, а пристань принимает всех, потерпевших кораблекрушение, и спасает от опасностей; злые ли, или добрые, или кто бы ни были те, которые находятся в опасности, — она принимает их в свои объятия. Так и ты, видя человека подвергшагося на земле кораблекрушению бедности, не осуждай и не требуй отчета, но избавь от несчастья. Для чего ты навлекаешь на себя труды? Бог освободил тебя от всякой заботы и беспокойства. Сколько стали бы многие говорить и негодовать, если бы Бог повелел — сперва с точностию разведывать жизнь, разузнавать поведение и поступки каждого, и потом уже подавать милость? А теперь мы освобождены от всякого такого затруднения. Для чего же мы сами навлекаем на себя излишняя заботы? Иное — судия, иное — податель милости. Милость потому так и называется, что мы подаем ее и недостойным. Так поступать увещевает и Павел: «доброе же творяще», говорит он, «да не стужаем си, ко всем, паче же к присным в вере» ([Гал. VI:9, 10](#)). Если мы станем спрашивать и разведывать о недостойных, то и достойные не скоро попадутся нам; а если будем подавать и недостойным, то и достойные и подобные всем им попадут в наши руки, как и случилось с блаженным Авраамом, который, не спрашивая и не разведывая о проходящих, сподобился принять некогда и ангелов. Будем же и мы подражать ему, а с ним и потомку его Иову; ибо и этот со всею точностию подражал великодушию предка, и потому говорил: «дверь моя всякому входящему отверста бе» ([Иов. XXXI:32](#)); не для такого-то открыта, а для другого затворена, но для всех вообще была открыта.

6. Так, увещеваю, будем делать и мы, ничего не разведывая сверх надлежащего. Достоинство бедного составляет одна нужда; кто бы когда ни пришел к нам с нею, не станем ничего исследовать более; потому что мы подаем не нраву, а человеку, и жалеем его не за добродетель, а за несчастье, чтобы и самим нам привлечь на себя великую милость от Господа, чтобы и самим нам, недостойным, сподобиться Его человеколюбия. Если же мы станем в сослужителях наших отыскивать и исследовать достоинства, то и с нами Бог сделает то же; и стараясь истребовать отчет от равных нам рабов, сами лишимся вышнего человеколюбия. «Имже большинство», говорит Господь, «судом судите, судят вам» ([Матф. VII:2](#)). Но обратим речь опять к своему предмету. Итак богач, увидев Лазаря в лоне Авраама, говорит: «отче Аврааме! помилуй мя, и послы Лазаря» ([Лук. XVI:24](#)). Почему он обратил речь не к Лазарю? Мне кажется, потому, что он постыдился и посовестился, и по своим с ним поступкам полагал, что Лазарь непременно будет злопамятствовать. Если я, полагал он, наслаждаясь таким богатством и не потерпев никакого оскорбления, пренебрег этим человеком, находившимся в таких бедствиях, и не уделял ему даже крупиц, то тем более он, так пренебреженный, не склонится на милость. Говорю это не в осуждение Лазаря; нет, он был не таков; но потому, что богач, убоявшись этого, не его попросил, но воззвал к Аврааму, который, по его мнению, не знал происходившаго (на земле), и попросил того перста, которому часто попускал быть лизанным

псами. Что же тот? «Чадом! восприял еси благая твоя в животе твоём» ([Лук. XVI:25](#)). Посмотри на любомудрие, посмотри на милосердие праведника. Он не сказал: безчеловечный, жестокий и презлбный, столько зла причинивший этому человеку; ты вспоминаешь теперь о человеколюбии, милости и сострадании, и не совестишься и не стыдишься? Но что сказал он? «Чадом, восприял еси благая твоя. Сердца раздраженного не превозмути», говорит премудрый ([Сир. IV:3](#)); довольно для него наказания; не будем еще нападать на него в несчастии. А с другой стороны, чтобы богач не подумал, будто Авраам по злопамятству за прошлое не посылает Лазаря, называет его чадом, как бы защищая самого себя этим названием. В чем властен я говорит он, то даю тебе: но отсюда придти туда — уже не в нашей власти. «Восприял еси благая твоя». Почему он не сказал: «приял», но: «восприял»? Великая, вижу я, бездна мыслей здесь открывается нам. Посему, тщательно соблюдая все сказанное, со всею верностию будем хранить сказанное как теперь, так и прежде; и пусть послужит это к тому, чтобы вам сделаться более способными к слышанию имеющего быть сказанным; если вам будет возможно, помните все; если же не можете всего, то вместо всего, прошу, непрестанно помните то, что не уделять бедным из своего имущества значит — похищать у бедных и отнимать у них жизнь, и что мы владеем не нашею, но их собственностию. Если мы будем так настроены, то, конечно, станем раздавать свое имение, и, напятав здесь алчущаго Христа и сложив там великое богатство, сподобимся получить будущия блага, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, держава, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Слово о Лазаре и о том, почему не сказал Авраам: «приял еси благая твоя в животе твоём», но «восприял», и почему праведники часто подвергаются опасностям, а грешники избегают их

1. Притча о Лазаре не мало пользы доставила нам, и богатым и бедным, одних научив легко переносить бедность, а других расположив не надмеваться богатством, самыми делами показав, что несчастнее всех тот, кто живет в роскоши и не уделяет никому из своего имущества. Поэтому и сегодня опять займемся тем же предметом; так и те, которые работают в рудниках, продолжают копать там, где увидят много золотых жил, и отстают не прежде, как извлеки все, что открывается. Возвратимся же к тому месту, где мы недавно остановили речь, и оттуда начнем ее. Конечно, можно было и в один день изъяснить вам всю эту притчу; но мы заботимся не о том, чтобы только сказать о многом и уйти, но чтобы вы, тщательно приняв и усвоив сказанное, получили от такой внимательности духовную пользу. Так и если чадолюбивая мать, намереваясь грудное дитя перевести на твердую пищу, станет вдруг вливать в его уста много вина, то не получает никакого успеха: потому что дитя извергает вон то, что ему дается, и заликает у себя на груди рубашку; но если мать станет вливать постепенно и понемногу, то дитя безвредно принимает данное. Посему, чтобы и вы не извергли преподанного, я не вдруг предложил вам чашу учения, но разделил ее для вас на многие дни и дал вам в промежутки этих дней успокоиться от труда слушания, чтобы и то, что уже преподано, твердо укоренилось в уме вашем, возлюбленные, и то, что имеет быть сказано, вы приняли душою спокойною и бодрою. Для этого я часто за несколько дней наперед говорю вам содержание того, о чем будет сказано, чтобы вы в эти промежуточные дни, взяв Библию, прочитав весь отдел ее и узнав, что уже сказано и что еще осталось, сделали свой ум более способным к слушанию того, о чем будет сказано после. Я всегда внушаю и не перестану внушать, чтобы вы не только здесь внимали тому, что говорится, но и дома постоянно занимались чтением божественных Писаний. Это я всегда внушал и тем, которые частным образом бывают вместе со мною. Никто пусть не говорит мне этих холодных и достойных всякого осуждения слов: я привязан к судилищу, занимаюсь делами общественными, упражняюсь в ремесле, имею жену, воспитываю детей, управляю домом, я человек мирской; не мое дело читать Писания, но тех, которые отказались от мира, поселились на вершинах гор и ведут такую жизнь постоянно. Что говоришь ты, человек, будто не твое дело заниматься Писаниями, — вследствие того, что ты развлекаешься безчисленными заботами? Нет, это — твое дело больше, нежели их; потому что они не столько имеют нужду в помощи божественных Писаний, сколько обращающиеся среди множества дел. Монахи, удалившись от торжища и от смятений торжища, устроив келлии в пустыне и не имея ни с кем никакого общения, но любомудрствуя безпрепятственно в своей мирной тишине, как бы сидя в пристани, наслаждаются великою безопасностью; а мы, волнуемые, как бы среди моря, и впадающие во множество грехов, всегда нуждаемся в постоянном и непрерывном утешении от Писаний. Те сидят вдали от борьбы, от чего и немного получают ран; а ты постоянно находишься в боевом строе и получаешь непрерывные удары; поэтому и больше нуждаешься во врачевствах. И жена раздражает тебя, и сын огорчает, и слуга приводит в гнев, и враг строит козни, и друг завидует, и сосед клеветает, и сослуживец поставляет ногу, не редко и судья угрожает, и бедность печаливает, и небрежность домочадцев заставляет плакать, и счастье надмевает, и несчастье повергает в уныние; и со всех сторон окружают нас многие случаи и поводы то к гневу, то к заботам, то к унынию и печали, то к тщеславию и гордости, и отсюда

несутся безчисленные стрелы. Посему нам постоянно нужно всеоружие Писаний. «Познавай», говорит премудрый, «яко посреде сетей минуеши и по забралом града ходиши» ([Сир. IX:18](#)). И похоти плотския сильнее возстают на обращающихся среди людей; ибо и благообразное лицо и красивое тело поражают нас чрез глаза, и постыдное слово, вошедши чрез слух, возмущает нашу мысль; а часто и песнь, искусно пропетая, нарушает доброе настроение души. Но что я говорю об этом? То, что кажется ничтожнее всего этого, именно запах благовоний, навеванный как-нибудь на пути распутными женщинами, по простой случайности увлекает человека в свой плен.

2. И много есть подобных обстоятельств, которые осаждают нашу душу; почему нам нужны божественныя врачевства, чтобы мы могли и врачевать раны, уже полученные, и предотвращать еще не полученные, но угрожающия, издали обезсиливая и отражая диавольския стрелы постоянным чтением божественных Писаний. Ибо невозможно, невозможно спастись никому, кто не упражняется постоянно в духовном чтении; но и то еще хорошо, если мы, пользуясь непрестанно этим врачевством, успеем спастись когда-нибудь. Если же, получая каждый день раны, мы не будем пользоваться никаким врачевством, то какая нам надежда на спасение? Не видишь ли, как медных, золотых и серебряных дел мастера, или занимающиеся каким бы то ни было ремеслом, берегут в целости все орудия своего ремесла, и, хотя бы принуждал голод или угнетала бедность, лучше решаются потерпеть все, нежели продать, для своего пропитания, какое-нибудь из орудий своего ремесла? Многие часто решались скорее войти в долги, чтобы прокормить дом и детей, нежели продать даже малейшее из орудий своего ремесла; и весьма справедливо. Они знают, что когда проданы будут орудия, то все мастерство будет для них бесполезно и уничтожится всякая возможность благоприобретения; а когда орудия целы, то, упражняясь постоянно в своем ремесле, они могут со временем уплатить сделанные займы; если же поспешат продать их другим, то уже не будут в состоянии найти где-нибудь облегчение своей нищеты и голода. Так и мы должны настраивать себя. Как для них орудиями ремесла служат молот, наковальня и клещи; так и для нас орудиями нашего искусства служат апостольския и пророческия книги и все Писание, богодухновенное и полезное ([2 Тим. III:16](#)). И как они теми орудиями обдeldывают всякие сосуды, за какие ни возьмутся: так и мы этими пособиями устроаем душу нашу, исправляем разстроившуюся, обновляем обветшавшую. Притом они показывают свое искусство не более, как в устройстве внешнего вида вещей: ибо не могут изменить вещества сосудов, ни сделать серебра золотом, но только изменяют формы их; а ты — не так: ты можешь сделать больше их; взяв деревянный сосуд, можешь когда-нибудь сделать его золотым. Свидетель этому Павел, который говорит так: «в велицем же дому не точию сосуди злати и сребряни суть, но и древяни, и глиняни: и ови убо в честь, ови же не в честь. Аще кто убо очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен владыце, на всякое дело благое уготован» ([2 Тим. II:20, 21](#)). Итак, не будем пренебрегать приобретением (священных) книг, чтобы нам не получить смертельных ран; не будем зарывать золото в землю, но станем собирать себе сокровище духовных книг. Золото, когда умножается, тогда особенно и вредит приобретшим его; а эти книги приносят великую пользу имеющим их у себя. Как хранящиеся где-нибудь царския орудия, хотя бы и никто не пользовался ими, доставляют великую защиту живущим в том месте, потому что ни разбойники, ни подкапыватели стен, ни другие какие-либо злодеи, не осмеливаются напасть на этот дом; так, где есть духовныя книги, оттуда прогоняется всякая сила диавольская, и живущим там бывает великое назидание в добродетели. Даже один вид таких книг делает нас более воздержными от греха; если мы и дерзаем на что-нибудь запрещенное и сделаем себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянув на эти книги, мы более осуждаем себя в совести и делаемся менее склонными к повторению тех же грехов, а если, напротив, будем жить благочестиво, то получим оттуда еще

большую пользу. Как только кто касается Евангелия, то тотчас благоустраивает ум свой, и при одном только взгляде на него — отрешается от (всего) житейского. Если же присоединится и внимательное чтение, то душа, как бы вступая в таинственное святилище, очищается и делается лучшею, так как с нею беседует Бог чрез эти Писания. А что, скажут, если мы не понимаем содержащегося в них? Даже если ты и не понимаешь содержащегося в них, от самого чтения бывает великое освящение. Впрочем невозможно, чтобы ты одинаково не понимал всего; благодать Духа для того именно и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбаки, скинотворцы, пастыри овец и коз, люди простые и неученые, чтобы никто из простых людей не мог прибегать к такой отговорке, чтобы всем было удобопонятно то, что говорится, чтобы и ремесленник, и слуга, и вдовая женщина, и необразованнейший из всех людей получали пользу и назидание от слушания; ибо не для суетной славы, как внешние (мудрецы), но для спасения слушателей сложили все это те, которые в начале удостоились благодати Духа.

3. Внешние философы, и риторы, и писатели, искавшие не общей пользы, но имевшие в виду только возбудить удивление к самим себе, если и говорили что-нибудь полезное, прикрывали это, как бы каким мраком, обычною неясностью. Но апостолы и пророки делали все напротив: они преподавали учение ясное и понятное для всех, как общие учителя вселенной, чтобы каждый и сам собою при одном чтении мог понять сказанное. Предвозвещая это и пророк говорил: «будут все научены Богом, и не научит кийждо ближняго своего, глаголя: познай Господа; яко вси познают Мя от мала даже и до великаго их» ([Иса. LIX, 13](#); [Иер. XXXI:34](#); [Иоан. VI:45](#)). И Павел говорит: «и аз пришед к вам, братие, приидох не по превосходному словеси или премудрости, возвещая вам свидетельство Божие»; и еще: «и слово мое, и проповедь моя не в препретельных человеческия премудрости словесех, но в явлении Духа и силы», и еще: «премудрость же глаголем не века сего, ни князей века престающих» ([1 Кор. II:1, 4, 6](#)). И для кого неясно все, что заключается в Евангелиях? Кто, слыша, что «блажени кротцыи, блажени милостивии, блажени чистии сердцем» ([Матф. V:5, 7, 8](#)) и подобное этому, будет нуждаться в учителе, чтобы сколько-нибудь понять сказанное? А обстоятельства знамений и чудес и исторических повествований не всякому ли понятны и ясны? Вышесказанное есть только предлог, отговорка и прикрытие лени. Ты не понимаешь того, что содержится? Но как и понять тебе, когда ты не хочешь даже просто взглянуть в книгу? Возьми в руки книгу; прочитай всю историю, понятное удержи в памяти, а неясное и непонятное прочитай несколько раз; если же и при частом чтении не в состоянии будешь понять того, о чем говорится; ступай к мудрейшему, поди к учителю, снесись с ним о сказанном, покажи великое усердие; и Бог видя, что ты употребляешь такое старание, не презрит твоей неусыпной заботливости; если человек не изъяснит тебе искомага, то Он сам несомненно откроет. Вспомни об евнухе царицы эфиопской, который, быв иноплеменником и занят множеством забот и отсюда окружен многими делами, хотя не понимал того, что читал, однако читал, сидя в колеснице. Если же он на пути показал такое усердие, то представь, каков он был, находясь дома; если во время путешествия он не хотел оставаться без чтения, то тем более, сидя в доме; если и не понимая читаемого он не оставлял чтения, то тем более после того, как стал понимать. А что он не понимал читаемого, об этом послушай, что говорит ему Филипп: «разумеешь ли, яже чтеши» ([Деян. VIII:30](#))? Он же, услышав это, не покраснел, не устыдился, но признался в своем неведении и сказал: «како убо могу, аще не кто наставит мя» ([Деян. VIII: 31](#)). Так как он, еще не имея руководителя, читал столь усердно, то за это скоро получил и руководителя. Бог увидел его ревность, принял усердие, и скоро послал ему учителя. Но ныне нет Филиппа? За то есть Дух, подвигнувший Филиппа. Не будем же возлюбленные, пренебрегать своим спасением; все это написано для нас, «в научение наше, в нихже концы век достигоша» ([1 Кор. X:11](#)). Великая защита от грехов — чтение Писаний, а незнание Писаний — великая стремнина и глубокая

пропасть; великая потеря для спасения — не знать ничего из божественных постановлений. Это незнание породило ереси; оно привело и к развратной жизни; оно перевернуло все вверх дном; ибо невозможно, невозможно, чтобы без плода остался тот, кто постоянно с усердием занимается чтением (Писаний). Вот одна притча сколько пользы принесла нам? Сколько улучшила нашу душу? Я хорошо знаю, что многие ушли отсюда, получив довольно пользы от слушания; если же есть такие, которые не столько собрали плодов, однако и они, по крайней мере в тот день, когда слушали, конечно были лучше. Не маловажное дело и один день провести в сокрушении о грехах, устремить взор к высшему любомудрию и дать душе, хотя немного, успокоиться от житейских попечений. А если мы будем делать это при каждом собрании и неопустительно, то такая непрерывность слушания произведет в нас великое и отличное благо.

4. Теперь я сообщу вам и последующия обстоятельства притчи. Что же следует? Когда богатый сказал: «посли Лазаря, да омочит конец перста своего и устудит язык мой»; послушаем, что говорит Авраам: «чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая: ныне же zde утешается, ты же страждеши. И над всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии прейти отсюда к вам, не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят» ([Лук. XVI:24—26](#)). Тяжки эти слова и много содержат в себе прискорбного для нас. Знаю это и я; но чем сильнее они действуют на совесть, тем больше приносят пользы душе испытывающих это действие. Если бы это там сказано было нам, как и богачу, то поистине надлежало бы плакать, скорбеть и сетовать о том, что нам уже не осталось времени на покаяние; но так как мы слышим это здесь, где возможно и покаяться, и омыть грехи, и приобрести великое дерзновение, и исправиться, убоявшись несчастья, случившагося с другими; то будем благодарить человеколюбиваго Бога, наказанием других избавляющаго нас от беспечности и пробуждающаго нас от сна. Для того и сказано это наперед, чтобы нам не потерпеть того же. Если бы (Бог) хотел наказать нас, то не сказал бы этого наперед; но так как Он не хочет подвергнуть нас мучению, то наперед говорит об нем, чтобы мы, вразумившись этим предостережением, не испытали мучения на самом деле. Но почему не сказал (Авраам): приял «еси благая твоя», а — «восприял»? Вы, конечно, помните сказанное мною, что здесь открывается нам великая и неизмеримая бездна мыслей. Словом: «восприял» показывается и раскрывается некоторый долг; ибо воспринимают должное. Если же этот богач был нечестив и преступен, и жесток и безчеловечен; то почему Авраам не сказал ему: приял «еси благая твоя», а — «восприял», как бы по праву принадлежащее ему и должное? Чему научаемся мы отсюда? Тому, что, хотя некоторые и нечестивы и дошли до крайности во зле, но иногда и они делали хотя одно, или два, или три добрых дела. А что я говорю это теперь не по догадке, видно из следующего. Кто был преступнее, безчеловечнее, нечестивее неправеднаго того судии, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился? Но, живя в таком нечестии, он сделал и нечто доброе: он сжалился над вдовою, которая постоянно беспокоила его, преклонился на милость, исполнил просьбу ея и наказал тех, которые обижали ее ([Лук. XVIII:2—5](#)). Так бывает, что иной воздержан, но иногда милостив; или безчеловечен, но целомудрен; если же воздержан и жесток, однако сделал когда-нибудь в жизни хотя одно доброе дело. То же, наоборот, надобно думать и о людях добрых. Как самые нечестивые иногда делают что-нибудь доброе, так и честные и добродетельные нередко в чем-нибудь погрешают; ибо «кто похвалится», говорит премудрый, «чисто имети сердце, или кто дерзнет рещи чиста себе быти от грехов» ([Притч. XX:9](#))? Посему, так как вероятно, что и богач, хотя дошел до крайняго нечестия, делал что-нибудь доброе, и Лазарь, хотя достиг верха добродетели, погрешал в чем-нибудь неважном, то посмотри, как на то и другое указал патриарх словами: «восприял еси благая твоя, и Лазарь такожде злая». Смысл слов такой: если ты сделал что-нибудь доброе и тебе за это следовала награда, то ты все уже восприял в том мире, живя в веселии и в богатстве, наслаждаясь великим

благоденствием и благополучием; и Лазарь, если сделал что-нибудь худое, то восприял все, пострадав от бедности, голода и крайних бедствий; и каждый из вас пришел сюда обнаженным — он от грехов, а ты от дел правды; посему, здесь он имеет чистое утешение, а ты терпишь безотрадную муку. Подлинно, если добрые дела наши малочисленны и незначительны, а грехов великое и невыразимое бремя, и при этом еще будем здесь наслаждаться благополучием и не потерпим никакого бедствия, то отойдем отсюда совершенно обнаженными и отчужденными от награды и за добрые дела, как уже восприявшие все здесь; равно как, если наши добродетели велики и многочисленны, а грехи малочисленны и незначительны, между тем мы потерпим какое-либо бедствие, то, сложив с себя здесь и эти немногие грехи, мы там получим чистое и совершенное воздаяние за добрые дела. Итак, когда ты увидишь, что кто-либо, проводя жизнь в нечестии, не терпит здесь никакого бедствия, не ублажай его, но плачь и сожалея о нем, как о человеке, который там подвергнется всем бедствиям, как и этот богач. Напротив, когда увидишь, что кто-либо печется о добродетели и терпит безчисленные искушения, ублажи его и подражай ему; потому что ему и здесь разрешаются все грехи, и там уготовляются многия награды за терпение, как было и с этим Лазарем.

5. Из людей одни наказываются только здесь, а другие здесь не терпят никакого бедствия, но все наказание получают там; иные же наказываются и здесь и там. Которых же из этих трех (разрядов людей) вы ублажаете? Знаю, что — первых, которые здесь наказываются и слагают с себя грехи. А после них — которых ставите вторыми? Вы, может быть, тех, которые здесь ничего не терпят, но все наказание получают там? А я не этих, но тех, которые наказываются и здесь и там; потому что кто здесь понес наказание, тот легчайшей подвергнется казни там; а кто должен там понести все наказание, тот подвергнется непременно осуждению; подобно как и этот богач, не получив здесь никакого разрешения от своих грехов, там наказан так жестоко, что не мог получить и малой капли воды. Но и из этих грешников, которые не терпят здесь никакого бедствия, более несчастными я считаю тех, которые кроме того, что не наказываются здесь, наслаждаются еще веселием и счастьем. Как то, что грешники не несут наказания за грехи здесь, приготовляет им тягчайшее наказание там; так то, что они еще наслаждаются благополучием, веселием и богатством, бывает для них поводом и причиною большего наказания и мучения там. Когда мы, несмотря на грехи наши, пользуемся милостию от Бога, то это самое наиболее может ввергнуть нас в сильнейший огонь. Если испытывающий на себе только долготерпение (Божие), но не воспользовавшийся им, как должно, подвергнется тягчайшему наказанию, то кто избавит его от такого наказания, если он, при долготерпении, будет получать еще величайшия милости, и несмотря на это пребудет в нечестии? А что пользующиеся здесь долготерпением (Божием) собирают себе полное наказание там, если не покаются, об этом, послушай, что говорит Павел: «помышляеши ли же сие, о человеце, судяй таковая творящим, и творя сам таяжде, яко ты избежиши ли суда Божия? Или о богатстве благости Его и кротости и долготерпении нерадиши, неведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия» ([Рим. II:3—5](#)). Итак, когда мы увидим, что некоторые обладают богатством, живут в роскоши, намащаются благовониями, проводят дни в пьянстве, пользуются великою властью и славою, великим блеском и знатностию и, несмотря на грехи свои, не терпят никакого бедствия, то будем плакать и сожалеть о них особенно потому самому, что они согрешая не наказываются. Как, видя кого-нибудь одержимым водяною болезнью или разстройством печени, или страждущим какою-либо заразою и со всех сторон множеством ран, и при всем том предающимся пьянству и веселию и таким образом усиливающим свою болезнь, ты не только не удивляешься ему и не считаешь его счастливым от веселья, но по этому самому особенно и называешь его несчастным; так разсуждай и о душе. Когда ты увидишь, что человек

живет в нечестии, и однако наслаждается великим благоденствием и не терпит никакого бедствия; то потому более и пожалей его, что он, подвергшись болезни и самой тяжкой заразе, усиливает болезнь, от веселья и неумеренности делаясь худшим; ибо не наказание есть зло, но грех; он удаляет нас от Бога; а наказание приводит к Богу и прекращает гнев Его. Откуда это видно? Послушай пророка, который говорит: «утешайте, утешайте люди моя, священницы, глаголите в сердце Иерусалиму, яко прият от руки Господни сугубы грехи своя» ([Исх. XL:1—2](#)). И еще: «Господи Боже наш, мир даждь нам, вся бо воздал еси нам» (XXVI, 12). А чтобы вам убедиться, что одни наказываются здесь, другие там, а иные и здесь и там, об этом, послушайте, что говорит Павел, обличая тех, которые недостойно приобщаются таинствам. Сказав, что ядущий и пьющий недостойно тело и кровь Господа, «повинен будет телу и крови Христовой», он тотчас присовокупил: «сего ради в вас мнози немощни и недужливы и усыпают довольни. Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были. Судими же от Господа наказуемся, да не с миром осудимся» ([1Кор. XI:27, 30—32](#)). Видишь ли, как здешнее наказание избавляет нас от тамошняго мучения? И о прелюбодее он говорит: «предайте такового сатане во измождение плоти, да дух спасется в день Господа нашего Иисуса Христа» ([1 Кор. V:5](#)). И из примера Лазаря видно, что, если он сделал что-либо худое, то омыл это здесь, а таким образом отошел туда чистым; то же видно и из примера разслабленного, который, быв одержим недугом тридцать восемь лет, продолжительностию болезни загладил грехи. А что он так страдал за грехи, об этом, послушай, что говорит Христос: «се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет» ([Иоан. V:14](#)). Из всего этого видно, что некоторые здесь наказываются и освобождаются от грехов.

6. А что некоторые наказываются и здесь и там, если здесь не получают наказания соответствующаго тяжести грехов, об этом, послушай, что говорит Христос, касаясь содомлян. Сказав: «иже аще не примет вас, отрясите прах ног ваших», Он присовокупил: «отраднее будет земли содомстей и гоморрстей в день судный, неже граду тому» ([Матф. X:14—15](#)). Словом «отраднее» Он показал, что и содомляне будут наказаны, но легче, потому что и здесь уже потерпели наказание. А что есть такие, которые, не потерпев здесь никакого бедствия, там понесут все наказание, это показал нам упомянутый богач, претерпевающий там неослабную казнь и не получающей нималой отрады, потому что там ожидало его все наказание. Посему, как из грешников те, которые здесь не терпят никакого бедствия, большему наказанию подвергнутся там, так и из праведников те, которые здесь терпят много бедствий, большую честь получают там. И как из двух грешников, из которых один здесь наказан, а другой не наказан, наказанный блаженнее ненаказаннаго; так и из двух праведников, из которых здесь один потерпит большия, а другой меньшия скорби, блаженнее претерпевший большия, потому что Господь каждому воздаст по делам его. Что же? Неужели, скажут, нет ни одного такого, который бы и здесь и там наслаждался спокойствием? Трудно это, человек, и даже невозможно. Невозможно, по-истине невозможно тому, кто живет здесь в нерадении и беспечности, постоянно наслаждается всем и проводит жизнь тщетно и напрасно, удостоиться чести там. Если его не мучит бедность, то мучит похоть, и он предается ей, а в этом — немалый труд; если не беспокоит болезнь, то разжигает гнев, а победа над гневом сопряжена с немалым огорчением; если не нападают искушения, то непрестанно возстают лукавые помыслы. Не легко обуздать порочную похоть, укротить тщеславие, смирить гордость, отстать от веселья, вести строгую жизнь; а кто этого и тому подобнаго не делает, тому невозможно спастись. А что живущие в весельи не спасутся, послушай, что говорит Павел о вдовице: «питающаяся пространна, жива умерла» ([1 Тим. V:6](#)). Если же это сказано о жене, то тем более о муже. И что ведущему роскошную жизнь невозможно достигнуть небес, это объяснил и Христос, сказав так: «узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его» ([Матф. VII:14](#)).

Как же, скажут, Он говорит: «иго мое благо и бремя мое легко есть» ([Матф. XI:30](#))? Если путь тесен и прискорбен, то как Он еще называет его удобным и легким? То — по свойству искушений, а это — по произволению идущих; ибо и невыносимое по свойству своему может сделаться легким, если мы примемся за него с охотою. Так и апостолы, потерпев побои возвращались с радостью о том, что удостоились принять безчестие за имя Господне ([Деян. V:41](#)); хотя мучения, по свойству своему обыкновенно причиняют боль и скорбь, но произволение потерпевших побои победило самую природу вещей. Посему и Павел говорит: «все же хотящие благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут» ([2 Тим. III:12](#)); так что, если не преследует их человек, то враждует против них диавол; и нужно нам много любомудрия и великое терпение, чтобы бдеть и бодрствовать в молитвах, чтобы не желать чужого, чтобы раздавать имение нуждающимся, чтобы решительно отказаться от всякой роскоши как в одежде, так и в трапезе, чтобы избегать любостяжания, пьянства, злословия, чтобы воздерживать язык и не кричать безчинно, как говорит апостол: «всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас» ([Ефес. IV:31](#)), чтобы не сквернословить, чтобы не произносить шуточных слов. А немалый труд — соблюдать это с точностью. Чтобы понять тебе, как трудно любомудрствовать и как не совместен с этим делом покой, послушай, что говорит Павел: «умерщвляю тело мое и порабощаю» ([1 Кор. IX:27](#)). Этими словами он указал на то принуждение и великий труд, какие необходимо употреблять желающим сделать тело свое благопокорным во всем. И Христос говорил ученикам: «в мире скорбни будете, но дерзайте: яко Аз победих мир» ([Иоан. XVI:33](#)). Эта скорбь, говорит Он, доставит вам покой; настоящая жизнь есть место борьбы; а на месте борьбы и среди подвигов не может наслаждаться покоем тот, кто хочет быть увенчанным. Итак, если кто хочет быть увенчанным, тот пусть избрет жизнь суровую и трудную, чтобы, потрудившись здесь немного времени, насладиться там вечною почестию.

7. Сколько огорчений встречается каждый день! Какова же должна быть душа, чтобы не роптать и не унывать, но благодарить, прославлять и почитать поклонением Того, Кто попускает такая искушения? Сколько неожиданностей, сколько стеснительных обстоятельств! Между тем надобно подавлять лукавые помыслы и не позволять языку произносить что-нибудь неуместное, как и блаженный Иов, претерпевая безчисленные скорби, не переставал благодарить Бога. А есть такие, которые, если потерпят в чем-нибудь неудачу или услышат злословие от кого-либо, или подвергнутся болезни, напр. ног или головы, или какой-нибудь другой, тотчас начинают богохульствовать, и таким образом тяжесть болезни несут, а пользы от ней лишаются. Что делаешь ты, человек, произнося хулу на своего Благодетеля, Спасителя, Заступника и Промыслителя? Или не чувствуешь, что ты несешься к пропасти и ввергаешь себя в бездну крайней гибели? Неужели ты облегчишь свое страдание, если будешь богохульствовать? Нет, ты только увеличиваешь его и делаешь свое мучение более тяжким. Для того диавол и наводит безчисленные бедствия, чтобы низринуть тебя в эту бездну; и если видит, что ты богохульствуешь, то немедленно умножает и усиливает горести, чтобы мучимый ими, ты опять возроптал; а если видит, что ты переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более благодаришь Бога, то он тотчас отступает, как уже нападающий тщетно и напрасно. Как пес, стоя у стола и видя, что человек, вкушающий пищу, часто бросает ему что-нибудь из лежащего на столе, остается тут безотлучно; если же, постоявши раз и два раза, не получит ничего, то отходит прочь, как пристававший тщетно и напрасно; так и диавол постоянно стоит пред нами с открытою пастью; если бросишь ему, как псу, богохульное слово, то он, схватив его, опять приступит; если же всегда будешь благодарить Бога, то уморишь его голодом и скоро отгонишь и заставишь отбежать. Но ты не можешь молчать, страдая от горести? И я не запрещаю тебе говорить, но вместо хулы — благодарение, вместо ропота —

благословение. Исповедуйся, Господу, громко восклицай — молясь, громко восклицай — прославляя Бога; от этого у тебя и страдание облегчится, так как диавол отбежит вследствие благодарения, а помощь Божия приблизится. Если ты будешь богохульствовать, то и помощь Божию отстранишь и диавола усилишь против тебя, и себя подвергнешь большим страданиям; если же будешь благодарить, то и козни лукавого демона отразишь и привлечешь к себе помощь Бога-промыслителя. Часто язык по привычке порывается произнести худое слово. Но когда он будет порываться, то, прежде нежели он произнесет такое слово, прикуси его крепко зубами. Лучше ему теперь истечь кровию, нежели тогда, почувствовав нужду в капле воды, не получить этого утешения; лучше ему потерпеть временную боль, нежели тогда подвергнуться наказанию вечным мучением, подобно как и язык того богача, опаляемый огнем, не получил никакой прохлады. Бог заповедал тебе любить твоих врагов, а ты отвращаешься и от любящего тебя Бога? Заповедал превозносить поносящих, благословлять клянущих, а ты злословишь Благодетеля и Покровителя, не потерпев ничего худого? Разве Он не мог отвратить искушения? Но он попустил для того, чтобы ты сделался опытнее. Но вот, говоришь ты, я падаю и гибну. — Не от свойства искушения, а от собственной твоей беспечности. Что легче, скажи мне, хула или благодарение? Та не делает ли слышащих ее врагами тебе и неприятелями, не ввергает ли в уныние и не причиняет ли потом великой скорби? А это не доставляет ли тебе бесчисленных венцов за добродетели, бесчисленных знаков удивления от всех и великих наград от Бога? Почему же ты, оставляя полезное, удобное и приятное, вместо этого гонишься за тем, что вредит, печалит и мучит? Кроме того, если бы причиною богохульства была тяжесть искушения и бедности, то всем бедным надлежало бы богохульствовать; а между тем многие из живущих в крайней бедности, постоянно благодарят Бога; а другие, наслаждаясь богатством и весельем, не перестают богохульствовать. Таким образом не существо вещей, а наше произволение бывает виною того и другого. Для того я и прочитал эту притчу, чтобы ты знал, что беспечному не поможет и богатство, а внимательному и бедность не может повредить. Что я говорю, бедность? Если совокупятся даже все бедствия человеческия, то и они не возмутят души боголюбиваго и добродетельнаго, и не принудят оставить добродетель (свидетель этому Лазарь); равно как нерадивому и изнеженному никогда не могут принести пользы ни богатство, ни здоровье, ни постоянное благоденствие, ни что-либо другое.

8. Итак, не будем говорить, что бедность, и болезнь, и нападения опасностей принуждают богохульствовать. Не бедность, а безумие; не болезнь, а небрежность; не нападения опасностей, а скудость благочестия доводит невнимательных и до богохульства и до всякаго зла. Но почему, скажешь, одни наказываются здесь, другие там, а не все здесь? Почему? Потому что, если бы так было, мы все погибли бы; так как все мы подлежим наказанию. С другой стороны, если бы никто не наказывался здесь, очень многие сделали бы еще небрежнее, а многие сказали бы, что нет и Провидения; ибо, если и теперь так многие богохульствуют, хотя и видят, что многие из порочных наказываются, то чего они не сказали бы, если бы и этого не было? До какого зла не дошли бы тогда? Посему Бог одних здесь наказывает, а других не наказывает; наказывает некоторых, отсекая их грехи и облегчая для них тамошнее наказание, или и совершенно освобождая их от него, и наказанием их вразумляя живущих в нечестии; а других напротив не наказывает, чтобы они, если будут внимательны к самим себе, покаявшись и устыдившись долготерпения Божия, избавились и от здешняго наказания и от тамошняго мучения; а если пребудут в нечестии, не вразумляясь долготерпением Божиим, то подверглись бы большему наказанию за свою крайнюю небрежность. Если же кто из считающих себя сведущими станет говорить, что наказываемые терпят несправедливость (потому что они могли бы покаяться), то мы скажем, что, если бы Бог предвидел их раскаяние, то и не наказал бы их. Если Он терпит тех, о которых знает, что они останутся неисправимыми, то тем более тех, о которых бы знал, что

они употребят во благо Его долготерпение, пощадил бы в настоящей жизни, чтобы они отсрочкою времени воспользовались для покаяния. Между тем, поражая их ранее, Он и для них облегчает тамошнее наказание, и других вразумляет их наказаниями. А для чего Он это делает не со всеми грешниками? Для того, чтобы остающиеся (в живых) вразумились страхом и наказаниями других, и, восхвалив долготерпение Божие и устыдившись Его снисхождения, оставили нечестие. Но они, скажешь, ничего такого не делают? В этом уже виновен не Бог, а беспечность тех, которые не захотели воспользоваться такими пособиями к своему спасению. А чтобы тебе увериться, что для этого Он так поступает, послушай. Смешал некогда Пилат кровь галилеян с кровию жертв, о чем некоторые, пришедши, возвестили Христу; Он же сказал: «мните ли, яко Галилеяне сии грешнейши бяху; ни, глаголю вам: но аще не покаетесь, вси такожде погибнете» ([Лук. XIII:2—3](#)). Еще другие восемнадцать погибли под развалинами некоторой башни; и о них Он сказал то же ([Лук. XIII:4—5](#)). Словами: «мните ли, яко сии грешнейши бяху; ни, глаголю вам», Он выразил, что и оставшиеся в живых подлежали тому же; а словами: «аще не покаетесь, вси такожде погибнете», показал, что и тем Бог попустил пострадать для того, чтобы оставшиеся в живых, устранившись случившагося с другими и покаившись, соделались наследниками царствия. Что же, скажешь, другой наказывается для того, чтобы я сделался лучше? Не для этого он наказывается, а за свой грех; но кроме того для внимательных он становится средством ко спасению, страхом случившагося с ним делая их более исправными. Так поступают и господа: часто, наказав одного слугу, они страхом делают других более благоразумными. Итак, когда увидишь, что некоторые или погибли при кораблекрушении, или задавлены зданием, или истреблены пожаром, или потонули в реке, или другим каким-нибудь насильственным образом окончили жизнь; между тем как другие, грешившие подобно им или еще хуже, ничего такого не потерпели; не смущайся и не говори: почему согрешившие одинаково не пострадали одинаково? Но рассуждай так, что Бог одному попустил быть убитым и задавленным, чтобы облегчить ему тамошнее наказание, или и совсем освободить от него; а другому не попустил потерпеть ничего такого, чтобы он, вразумившись наказанием перваго, сделался благонравнее; если же он будет оставаться в тех же грехах, то, по собственной своей беспечности, навлечет на себя неизменное наказание, и Бог не будет виною этого невыносимаго мучения. Опять, если увидишь, что праведник скорбит или терпит все вышесказанное, не падай духом: эти бедствия служат ему к получению светлейших венцов. И вообще всякое наказание, если оно постигает грешников, облегчает тяжесть грехов, а если праведников, то делает душу их более светлою; и для тех и других бывает величайшая польза от скорби, только бы мы переносили ее с благодарностию; ибо это и требуется от нас.

9. Для того история божественнаго Писания наполнена множеством таких примеров и представляет нам злостраждущими и праведных и порочных, чтобы, праведник ли кто, или грешник, имея такая примера, переносил несчастья великодушно. Но она представляет тебе грешников не только страждущих, но и благоденствующих, для того, чтобы ты не возмущался их счастьем, узнав из случившагося с этим богачем, какой после ожидает их огонь, если они не исправятся. Итак нельзя, скажет, и здесь и там наслаждаться покоем? Нельзя. Поэтому праведники и проводили здесь многотрудную жизнь. Что же, скажешь, Авраам? Но кто потерпел столько бедствий? Не оставил ли он отечества? Не отделился ли от всех сродников? Не терпел ли голода в чужой земле? Не переходил ли постоянно, как скиталец из Вавилона в Месопотамию, отсюда в Палестину, а оттуда в Египет? Что сказать о борьбах его за жену, о битвах с варварами, о плене родственнаго ему семейства, о других безчисленных неприятностях? Когда же он получил сына, то не тягчайшую ли претерпел скорбь, услышав повеление заклать собственными руками своего вожделеннаго и возлюбленнаго? А обреченный на заклание Исаак не постоянно ли был гоним отвсюду соседями? Не был ли лишен жены, как и

отец, и не оставался ли столько времени бездетным? А Иаков, воспитанный дома, не потерпел ли бедствий еще более жестоких, нежели дед его? Но чтобы нам, перечисляя все, не сделал слова продолжительным, послушай, что говорит он о всей своей жизни: «малы и злы быша дние лет жития моего: не достигоша во дни лет жития отец моих» ([Быт. XLVII:9](#)). Кто, увидев своего сына сидящим на царском престоле и пользующимся столь великою славою, не забыл бы прошедших несчастий? Но он так был сокрушен скорбию, что и при таком счастье не забыл прежних бедствий. А что Давид? Какая он испытал печали? Не то же ли, что Иаков, и он выражает словами: «дние лет наших, в нихже семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь» ([Псал. LXXXIX:10](#))? А что Иеремия? Не проклинает ли он и день своего рождения, вследствие непрерывных бедствий ([Иерем. XX:10, 14](#))? А что Моисей? Не говорил ли он в изнеможении: «убий мя, аще тако ты твориши мне» ([Числ. XI:15](#))? А Илия, эта небесная душа, заключивший небо, после многих чудес не вопиял ли с плачем к Богу: «возми от мене душу мою, Господи, яко несмь аз лучший отец моих» ([3 Цар. XIX:4](#))? Но для чего говорить о каждом из них? Павел о всех их вместе повествует так: «проидоша в милотех, и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени, ихже не бе достоин (весь) мир» ([Евр. XI:37, 38](#)). И вообще, желающему угождать Богу и быть добродетельным и чистым, совершенно необходимо вести жизнь не спокойную, приятную и безпечную, но прискорбную и исполненную многих трудов и подвигов; «ибо никто», говорит (апостол), «не венчается, аще незаконно будет подвизатися» ([2 Тим. II:5](#)); и в другом месте говорит: «всяк же, подвизайся, от всех воздержитя» ([1 Кор. IX:25](#)), и от слова, и от взгляда, и от звука постыднаго, и от злословия, и от хуления, и от срамословия ([Кол. III:8](#)). Отсюда мы научаемся, что, если и не постигнет нас искушение отвне, то мы сами должны каждый день упражнять себя постом, суровою жизнью, скудною пищею, простою трапезою, избегая роскоши во всем; ибо иначе нельзя угодить Богу. Никто не говори мне этих пустых слов, будто такой-то наслаждается и здешними и тамошними благами; это не может быть с людьми, живущими в богатстве, веселии и во грехах. Но, если надобно это сказать, о поражаемых бедствиями и скорбями можно сказать, что они наслаждаются и здешними и тамошними благами: тамошними, получая награду, а здешними, питаясь надеждою тех благ и не чувствуя настоящих бедствий от ожидания будущих благ. Но выслушаем и то, что следует далее: «и над всеми сими», говорит (Авраам), «пропасть велика утвердися между нами и вами» ([Лук. XVI:26](#)). Итак справедливо сказал Давид, что «брат не избавит, не даст Богу измены за ся» ([Псал. XLVIII:8](#)); ибо не возможно это, хотя бы то был брат, хотя бы отец, хотя бы сын. Посмотри: Авраам назвал богача чадом, но ничего отеческаго оказать ему не мог, богач назвал Авраама отцем, но отеческим благоволением, каким обыкновенно пользуется сын, воспользоваться не мог, дабы ты знал, что ни родство, ни дружба, ни сострадание, ни другое что-либо не может принести пользы тому, кто ранее предал себя собственной жизни.

10. Говорю это потому, что многие часто, когда мы убеждаем их быть внимательными к себе и бодрствовать, остаются безпечными, обращают увещание в смех и говорят: ты заступишься за меня в тот день, и — я ободряюсь и не боюсь. А другой говорит: у меня отец — мученик; а иной: у меня дед — епископ; другие еще указывают на всех домашних своих. Но все это пустяга слова; ибо тогда не может принести нами пользы добродетель других. Вспомни о тех девах, котором не уделили ея пяти девам: сами они вошли в брачный чертог, а те остались за дверями. Великое благо иметь надежду спасения в собственных добрых делах; а никакой друг никогда не защитит там. Если и здесь, где от нас зависит перемена, Господь говорит Иеремии: «ты же не молися о людех сих» ([Иер. VII:16](#)); то тем более там. Что говоришь ты? У тебя отец — мученик? Это самое особенно и может послужить к большему твоему осуждению, когда ты, имея дома примеры добродетели, окажешь себя недостойным добродетели предков. Но ты

имеешь доблестного и дивного друга? И он тебе не поможет тогда. Как же говорит Христос: «сотворите себе други от мамоны неправды, да, егда оскудеете, примут вы в вечныя кровы» (Лук. XVI:9)? Не дружба здесь является защитой, а милостыня. Если бы одна дружба защищала, то надлежало бы сказать просто: «сотворите себе други»; между тем, желая показать, что не дружба одна защищает, Он присовокупил: «от мамоны неправды» (богатством неправедным). Может быть, кто-нибудь скажет: я могу без мамоны приобрести себе друга, и гораздо лучшего, нежели от мамоны. Но чтобы ты знал, что милостыня служит защитой для тебя, твое собственное дело и твоя добродетель, для этого Он повелел тебе полагаться не просто на дружество святых, но на дружество, приобретаемое чрез мамону. Итак, зная все это, возлюбленные, будем внимательны к самим себе со всем тщанием; наказываемся ли мы, будем благодарить; наслаждаемся ли благоденствием, будем беречь себя, и, вразумляясь бедствиями других, будем изъяснять благодарность покаянием и сокрушением и непрестанным исповеданием; и если мы предались какому-либо греху в настоящей жизни, то, отвергнув его и с великим усердием очистив душу свою от всякой скверны, будем молить Бога, чтобы Он удостоил всех нас, по отшествии отсюда придти туда так, чтобы нам не с богачем, а с Лазарем успокоиться в лоне патриарха и наслаждаться вечными благами, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

Слово о богатом и Лазаре, и о том, что совесть обыкновенно припоминает нам прежние грехи, и об Иосифе

1. Сегодня надобно окончить притчу о Лазаре. Вы, может быть думаете, что у нас все сделано; но я не хочу воспользоваться вашим неведением для обмана, и не отстану, пока не возьму из притчи всего, что только представится, и тогда отойду; и земледелец, снявши весь виноград, не уходит дотол, пока не оборвет и последние ягоды. Так и я теперь вижу, что под словами (притчи), как бы под листьями, скрываются еще мысли, которые теперь и соберу тщательно, употребив вместо серпа слово. Виноградник, раз быв обобран, остается без плода, с одними листьями; но не так бывает с духовным виноградником божественных Писаний; но, хотя бы мы взяли все, что видим, в нем остается еще более. Многие конечно и прежде нас говорили об этом предмете; многие, может быть, будут говорить и после нас: но никто не будет в состоянии исчерпать все его богатство. Таково свойство этого богатства: чем более станешь проникать в глубину, тем более будут истекать божественныя мысли; это источник неизсякающий. Надлежало бы отдать вам этот долг еще в предшествовавшее собрание; но я признал не безопасным пройти молчанием подвиги блаженнаго Вавилы и двоицы святых мучеников после него бывших¹; поэтому я отсрочил уплату долга, сберегая вам полную уплату до настоящего дня. Теперь же, когда мы и отцам воздали славу, не по достоинству их, а по нашим силам, я преподам и вам остаток повествования о Лазаре. Но вы не утомляйтесь, пока я не дойду до конца, начав слово с того, на чем прежде остановил его. На чем же я остановил его? На пропасти, отделяющей праведных от грешников. Когда богач сказал: «посли Лазаря», Авраам отвечал ему: «пропасть велика утвердися между вами и нами, яко да хотящии прейти отсюда к вам, не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят» ([Лук. XVI:26](#)). Я много уже говорил в доказательство того, что, после человеколюбия Божия, должно полагать надежду спасения в собственных делах, не рассчитывая на отцев, дедов и прадедов, ни на сродников, друзей, домашних и соседей, ибо «брат не избавит: избавит ли человек» ([Псал. XLVIII:8](#))? Сколько бы ни просили и ни умоляли отшедшие отсюда с грехами, все слова их будут тщетны и напрасны. И пять дев просили елея у своих сверсниц, но не получили ([Матф. XXV:9](#)); и скрывший в землю талант, хотя много оправдывался, однако был осужден ([Матф. XXV:28](#)); и не напившие Христа алчущаго и не напоившие жаждующаго, хотя думали защититься неведением, но не получили прощения и оправдания ([Матф. XXV:45](#)). А другие даже ничего не могли сказать, как напр. тот, который одет был в нечистую одежду: когда он был обвиняем, то молчал ([Матф. XXII:12](#)). И не только этот, но и другой, который, злопамятствуя на ближняго, требовал ста динариев и потом за это самое был обвиняем господином в жестокости и безчеловечии, также ничего не мог сказать ([Матф. XVIII:28—34](#)). Отсюда ясно, что нам ничто не поможет там, если не будем иметь добрых дел, но, станем ли мы умолять и просить или молчать, одинаково постигнет нас наказание и мучение. Послушай, как и этот богач, обратившись к Аврааму с двумя просьбами, не успел ни в одной из них. Сперва он просил о себе словами: «посли Лазаря»; потом уже не о себе, а о братьях; но не успел ни в той, ни в другой просьбе. Первая была неисполнима, а вторая о братьях была излишня. Впрочем, если угодно, выслушаем внимательно самыя слова их. Если в то время, когда начальник, выведши подсудимаго на площадь и поставив около него палачей, начнет пытаться его, все поспешно стекаются, чтобы услышать, что будет спрашивать судия, и что станет отвечать подсудимый, то тем более здесь должно со вниманием слышать, о чем просит этот подсудимый, т. е. богач, и что отвечает ему праведный Судия чрез Авраама. Ибо не патриарх был судиею, хотя он говорил; но как в мирских судах, подсудимых разбойников и убийц законы поставляют вдали от судии и не

позволяют им слышать голос его, обращая и это между прочим к безчестию их, но какой либо посредник передает вопросы судии и ответы подсудимых; так было и тогда. Подсудимый не слышал голоса Божия к нему, но Авраам был посредником, передававшим слова Судии подсудимому; ибо он не от себя говорил то, что говорил, но изрекал богатому законы Божии и передавал приговоры, произносимые свыше; поэтому богатый и не мог прекословить.

2. Будем же усердно взимать словам (притчи). Я с намерением останавливаюсь на ней, и четвертый день не отстаю от нея потому, что вижу великую пользу от этого повествования и для богатых, и для бедных, и для тех, которые смущаются благоденствием порочных и бедностию и скорбию праведных. Подлинно, ничто столько не соблазняет и не смущает народ, как то, что богатые, живущее нечестиво, наслаждаются великим благоденствием, а праведники, живущие добродетельно, впадают в крайнюю бедность, и терпят множество других бедствий более тяжких, нежели бедность. Но эта притча может доставить врачевство, вразумляя богатых и утешая бедных; тех научая не превозноситься, а бедных утешая в настоящих бедствиях; тем внушая не восхищаться, когда порочные не терпят наказания здесь, так как они подвергнутся тягчайшей муке там, а бедных убеждая не смущаться при виде чужого благоденствия и не думать, будто нет о нас промысла, когда праведный здесь страдает, а порочный и нечестивый наслаждается постоянным благополучием. Тот и другой получают должное там, один — венцы за страдание и терпение, другой — наказание и мучение за нечестие. Эту притчу напишите и богатые и бедные: богатые — на стенах домов ваших, а бедные — на стенах души; и если она когда-либо изгладится от забвения, опять начертайте чрез воспоминание. А лучше, и богатые напишите ее прежде, чем на стенах дома, на сердце, и всюду носите с собою, и будет она для вас училищем и источником всякаго любомудрия. Если мы всегда будем иметь ее написанною на сердце, то ни радостныя обстоятельства настоящей жизни не возмогут надмить нас гордостию, ни печальныя — повергнуть в уныние и отчаяние, но на те и на другия мы будем смотреть так же, как на картины, написанныя на стенах. Как видя на стене изображение богатаго и беднаго, мы ни тому не завидуем, ни этого не презираем, потому что видимое нами есть тень, а не действительность; так, узнав свойство богатства и бедности, славы и безчестия, и всего другого печальнаго и радостнаго, мы будем свободны от смущения, ими производимаго. Все это обманчивее тени, и человека возвышеннаго и благороднаго не может ничто блестящее и славное надмить гордостию, и ничто смиренное и уничиженное довести до отчаяния. Впрочем уже время нам выслушать слова богатаго. «Молю тя, отче», говорит он, т. е. прошу, умоляю, «да послещи Лазаря в дом отца моего; имам бо пять братий, яко да засвидетельствует им, да не и тии приидут на место сие мучения» ([Лук. XVI:27, 28](#)). Не успев в просьбе о себе, он просит о других. Посмотри, как человеколюбив и кроток он стал от наказания. Тот, кто презирал Лазаря, бывшаго при нем, заботится о других отсутствующих; тот, кто проходил мимо лежавшаго пред глазами его, теперь вспоминает о тех, которых не видит, и с великим почтением и усердием просит, чтобы сделано было им какое-либо внушение для избежания угрожающих им зол. Он просит послать Лазаря в дом отца его, где открыто было ему место подвигов и поприще добродетелей; пусть, говорит, увидят Лазаря увенчанным те, которые видели его подвизавшимся; свидетели его бедности, голода и множества бедствий, пусть будут теперь свидетелями происшедшей с ним перемены, его чести и славы, дабы они, вразумившись тем и другим и узнав, что дела наши не окончатся с настоящею жизнью, приготовились так, чтобы могли избежать будущаго наказания и мучений. Что же Авраам? «Имут», говорит он, «Моисея и пророки, да послушают их» ([Лук. XVI:29](#)); ты, говорит, не столько печешься о своих братьях, сколько создавший их Бог; Он приставил к ним множество учителей, которые убеждают, советуют, внушают. Что же опять богатый? «Ни, отче, но аще кто от мертвых идет к ним», поверят ему ([Лук. XVI:30](#)). Это — слова народной толпы. Где теперь те, которые говорят: кто

приходил оттуда? Кто воскресал из мертвых? Кто сказал о том, что в аде? Сколько такого и тому подобного говорил самому себе богач, когда веселился. Не без причины он просил, чтобы возстал кто-либо из мертвых, но потому, что сам, слушая Писания, пренебрегал ими, насмехался и считал сказанное в них баснями; и как сам относился к ним, так думал и о братьях. И они, говорит он, рассуждают так же: но, если кто из мертвых придет, они не будут не верить ему, не станут насмехаться, но скорее внемлют словам его. Что же Авраам? «Аще Моисея и пророков не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры» (31). А истину того, что не слушающий Писаний не слушает и воскресших из мертвых, доказали иудеи: так как они не слушали Моисея и пророков, то не уверовали и тогда, когда видели мертвых воскресшими, но то искали убить Лазаря, то нападали на апостолов, хотя многие воскресли из мертвых во время крестной смерти (Христовой).

3. Но чтобы тебе и другим образом убедиться, что учение пророков достовернее сказания умерших, прими во внимание то, что каждый из умерших есть раб, а то, о чем говорят Писания, изрек Владыка; поэтому, хотя бы мертвый воскрес, хотя бы ангел сошел с неба, Писания достовернее всех, потому что их дал в виде закона Владыка ангелов, Господь мертвых и живых. А что желающие, чтобы мертвые пришли оттуда, требуют излишняго, это, кроме сказанного, можно доказать и примером нынешних судилищ. Геенна невидима для неверующих: для верующих она очевидна и ясна, а для неверующих невидима; но судилища видимы, и каждый день мы слышим, что такой-то наказан, имущество такого-то описано, иной работает в рудниках, другой сожжен на огне, иной погиб другим родом казни и мучения. Однако, слыша это, порочные, злодеи и обманщики не вразумляются. Но что я говорю: не вразумляются никогда не подвергавшиеся этим наказаниям? Многие даже из осужденных, избежав наказания, подкопав темницу и убежав из нея, нередко обращались к тем же преступлениям и совершали гораздо тягчайшие дела. Итак не будем стараться услышать от мертвых то, чему гораздо яснее каждый день учат нас Писания. Если бы Бог признавал, что воскресшие из мертвых могут принести пользу живым; то Он, устрояющий все на пользу нашу, не оставил бы и не опустил бы столь полезного средства. Кроме того, если бы мертвые постоянно воскресали и извещали нас о всем тамошнем, то и это опять с течением времени было бы пренебрежено; а притом и диавол весьма удобно вводил бы нечестивое учение. Он часто мог бы показывать призраки, или, показывая некоторых притворно умерших и погребенных как бы воскресшими из мертвых, чрез них уверять умы обольщаемых во всем, в чем бы ни захотел. Если теперь, когда нет ничего такого, не редко обманывают и обольщают многих ночные призраки, представляющиеся в образе умерших, то гораздо более тогда, если бы это было на самом деле и утвердилось в умах людей, т. е. будто многие из умерших опять приходили сюда, нечистый демон строил бы безчисленные козни и вводил бы в жизнь великое обольщение. Посему Бог заключил двери (вечности), и не попускает никому из отшедших возвращаться и возвещать о тамошней жизни, чтобы диавол, воспользовавшись этим, не ввел чего-либо от собственного (измышления). Так, когда были пророки, он воздвигал лжепророков; когда были апостолы, — лжеапостолов; когда явился Христос, — лжехристов; когда введены были здоровые догматы, он ввел нездоровые, повсюду разсеивая плевелы. Таким образом, если бы и то случилось, он и под это постарался бы подделаться чрез свои орудия, не на самом деле воскрешая мертвых, но обольщая зрителей какими-нибудь призраками и обманами, или, как я прежде сказал: представляя некоторых притворно умершими, и все превратил бы вверх дном и привел в беспорядок. Но Бог, предвидя все это, преградил ему путь к таким козням, и, щадя нас, не попустил, чтобы кто-либо приходил оттуда возвещать живущим о тамошнем, научая нас признавать божественныя Писания достовернейшими всех. Он явил нам такие дела, которые разительнее явления мертвых: обратил (к вере) всю вселенную, развеял заблуждение, ввел истину; совершил все это чрез рыбаей и

простых людей, и повсюду представил нам достаточные доказательства Своего промысления. Не будем же думать, что дела наши ограничиваются пределами настоящей жизни, но будем верить, что непременно настанет суд и воздаяние за все, здесь нами сделанное. Это так ясно и очевидно для всех, что и иудеи, и язычники, и еретики, и все вообще люди согласны в этом. Хотя не все мыслят, как должно, о воскресении, но касательно суда, наказания и тамошних судилищ все согласны в том, что есть там воздаяние за здешние дела; ибо, если бы этого не было, то для чего Бог распростер столь великое небо, распространил землю, расширил море, разлил воздух, явил такое промысление, — (для чего все это), если бы Он не хотел до конца иметь о нас попечение?

4. Не видишь ли, сколь многие из живших добродетельно претерпели многочисленные бедствия и отошли, не получив ничего добраго; а другие, напротив, жили весьма нечестиво, похищали чужое имущество, грабили и притесняли вдов и сирот, наслаждались богатством, роскошью и безчисленными благами, и отошли, не потерпев ни малейшаго бедствия? Когда же первые получают награду за добродетель, а последние понесут наказание за нечестие, если дела наши оканчиваются с здешнею жизнью? Если Бог существует, как и действительно существует, то всякий скажет, что Он праведен; если же Он праведен, то несомненно и то, что и тем и другим Он воздаст по достоинству. Если же Бог имеет воздать тем и другим по достоинству, а здесь никто из них не получил, тот — наказания за грехи, а этот — награды за добродетель, то, очевидно, будет еще время, когда и тот и другой получат должное воздаяние. Иначе для чего Бог поставил в душе нашей этого непрерывно бодрствующаго и неусыпнаго судию, т. е. совесть? Нет, подлинно нет между людьми ни одного судии, столь неусыпнаго, как наша совесть. Внешние судии и деньгами подкупаются, и лестью смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других средств, извращающих правоту их суда; а судилище совести ничему такому не подчиняется, но хотя бы ты давал деньги, хотя бы льстил, хотя бы угрожал, или другое что делал, она произносит справедливый приговор против греховных помыслов, и согрешивший осуждает сам себя, хотя бы никто другой не обвинял его. Притом совесть делает это не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь; и хотя бы прошло много времени, она никогда не забывает сделаннаго, но сильно обличает нас и при совершении греха, и до совершения, и по совершении, и особенно — по совершении. При самом совершении греха мы, упоенные удовольствием, бываем не так чувствительны (к упрекам совести); но, когда преступление сделано и окончено, тогда особенно, за исчезнувшим удовольствием, наступает язвительное чувство раскаяния, — противоположно тому, что бывает с рождающимися женами. Оне до рождения младенца терпят великое и невыносимое страдание и жестокия муки с расторгающими их (ложесна) болями; а после рождения чувствуют облегчение, как будто вместе с плодом выходит и болезнь; здесь же — не так; но пока мы зачинаем и рождаем незаконныя намерения, дотоле радуемся и веселимся; когда же родим злое изчадие — грех, тогда, увидя гнусность рожденнаго, скорбим и мучимся тяжелее рождающих женщин. Посему убеждаю вас не принимать в самом начале порочной похоти, а если примем, то подавлять в себе эти семена; если же по безопасности и это не сделаем, то перешедший в дело грех умерщвлять исповедью слезами, осуждением самих себя; ибо ничто столько не губительно для греха, как его обличение и осуждение, с покаянием и слезами. Ты осудил свой грех? Через это ты сложил с себя бремя. Кто говорит это? Сам Судия — Бог. «Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» ([Иса. XLIII:26](#)). Почему, скажи мне, ты стыдишься и стесняешься сказать грехи свои? Разве ты сказываешь человеку, который станет упрекать тебя? Разве исповедуешься пред равным тебе рабом, который разгласит их? Владыке, промыслителю, человеколюбцу, врачу, ты показываешь рану. Разве Тот, Который знает наши дела еще до совершения их, не будет знать, если ты не скажешь? Разве грех от обличения его делается тяжелее? Напротив, сноснее и легче.

Бог требует от тебя признания не для того, чтобы наказать, но чтобы простить; не для того, чтобы Ему узнать грех твой, — разве Он и без этого не знает? — но для того, чтобы ты узнал, какой долг Он прощает тебе. Он хочет показать тебе величие Своей благодати для того, чтобы ты непрестанно благодарил Его, чтобы ты был медлительнее на грех и ревностнее к добродетели. Если же ты не скажешь, как велик твой долг, то не узнаешь и превосходства благодати. Я не заставляю тебя, говорит Он, выйти на средину зрелища и окружить себя множеством свидетелей; Мне одному, наедине, скажи грех, чтобы я уврачевал рану и избавил тебя от болезни. Вот для чего вложил Он в нас совесть, которая действует с любовью более, нежели отеческою. Отец, однажды или дважды или трижды или десять раз наказав сына, если увидит его неисправимым, в отчаянии отрекается от него, изгоняет его из дома и исключает из родства; но не так поступает совесть; хотя бы однажды или дважды или трижды или тысячу раз ты не послушал ее голоса, она снова будет говорить и не отстанет до последнего твоего издыхания; и в доме, и на распутиях, за трапезою, и на торжище, и на пути, а часто и в самых сновидениях она представляет нам образы и виды соделанных грехов.

5. И посмотри на премудрость Божию. Бог не сделал обличение совести ни непрерывным (ибо мы, непрестанно быв обличаемы, не снесли бы этой тяжести), ни столь слабым, чтобы она, после первого или второго увещания, прекратила его. Если бы она стала угрызать нас каждый день и час, мы были бы подавлены унынием; а если бы, напомнив однажды или дважды, перестала обличать, мы не много получили бы пользы. Поэтому Он сделал это обличение, хотя и всегдашним, но не непрерывным: — всегдашним, чтобы мы не впали в беспечность, но, слыша всегда ее напоминания, пребыли до самой кончины бдительными; — не непрерывным и не непрестанным, чтобы мы не падали духом, но ободрялись, получая некоторое облегчение и отраду. Как совершенное равнодушие ко грехам пагубно и порождает в нас крайнюю безчувственность, так непрерывное и чрезмерное сокрушение о них вредно. Чрезмерное уныние, не редко отнимая естественную рассудительность, может подавить душу и сделать неспособною ни к чему доброму. Посему Бог и устроил, чтобы обличение совести возставало на нас с промежутками времени, так как оно весьма жестоко, и обыкновенно уязвляет грешника сильнее всякого остря. Совесть сильно возстает и громко вопиет против нас, не только тогда, когда мы сами грешим, но и когда другие грешат, подобно нам. Блудник, прелюбодей, вор — чувствует как бы на себе удары не только, когда обвиняют его самого, но и когда слышит, что других обвиняют в подобных преступлениях; ибо укоризны, делаемыя другим, напоминают ему об его собственных грехах; обвиняют другого, а он, и не подвергаясь обвинению, терпит поражение, если виновен в таких же, как тот, преступлениях. То же бывает и относительно добрых дел: когда другие прославляются и увенчиваются, тогда и совершившие подобныя дела радуются и восхищаются, как бы не те, а сами они были прославляемы. Что же может быть несчастнее грешника, если он мучится и тогда, как другие бывают обвиняемы? Что блаженнее добродетельнаго, если он радуется и торжествует и тогда, как другие прославляются, — от похвал других получая напоминание о собственных добрых делах? Это — дела премудрости Божией; это — знаки величайшаго Его промышления о нас. Обличение совести есть как бы некоторый священный якорь, не допускающий нас совершенно погрузиться в бездну греха. Часто совесть, не только в то время, когда мы грешим, но и по прошествии многих лет напоминает нам о прежних грехах; и на это я представляю ясное доказательство из самых Писаний. Продали некогда Иосифа братья, не за какую-либо вину его, а за то, что он видел сны, предвещавшие будущую славу его. Видел я, говорил он, что «ваши снопы поклонятся моему снопу» ([Быт. XXXVII:7](#)). За это надлежало бы беречь его; потому что он имел быть венцем всего дома и славою всего рода своего. Но такова зависть; она идет против собственного блага, и завистливый лучше решится терпеть тысячу бедствий, нежели видеть ближняго прославляемым,

хотя бы последствия этого прославления имели перейти на него самого. Что может быть жалче этого? Этой страсти предались и братья Иосифа; увидев его издали, несшаго к ним пищу, они говорили друг другу: «приидите, убием его, и узрим, что будут сония его» ([Быт. XXXVII:20](#)). Если уже ты не устыдился его, как брата, и не уважил (единства) природы, то по крайней мере постыдился бы самой трапезы и услуги его, пришедшаго с пищею для тебя. Заметь, как они даже против своей воли пророчествуют: «приидите, — говорят, — убием его, и узрим, что будут сония его». Если бы они не замыслили зла, не устроили козней и не составили этого безстыдного замысла, то не узнали бы силы тех слов; ибо не одно и то же, взойти ли на престол египетский, не претерпев никакого бедствия, или после стольких препятствий и затруднений достигнуть такой же славы. Если бы братья не замыслили зла, то не продали бы Иосифа в Египет; если бы не продали его в Египет, то не воспламенилась бы госпожа страстию к нему; если бы госпожа не воспламенилась страстию, то он не был бы ввержен в темницу, не толковал бы снов, не достиг бы царского достоинства; а если бы не достиг этого достоинства, то братья не пришли бы за покупкою хлеба и не поклонились бы ему. Таким образом чрез то самое, что погубили его, они узнали значение снов его. Что же? Они ли были виновниками всех последующих благ и славы его? Нет; они замыслили предать его смерти, скорби, рабству и крайним бедствиям; но премудрый Бог направил злобу строивших козни к прославлению того, кого они продали и замыслили погубить.

6. А чтобы мы не думали, будто события жизни зависят от какого-то случая, или от непостоянства вещей, Бог чрез тех самых людей, которые противодействуют и препятствуют, приводит в исполнение то, чему они препятствуют; Он врагов Своих употребляет в орудия Своей славы, чтобы ты знал, что определения Божии никто не разстроит и высокой десницы Его никто не отвратит; чтобы ты, когда будет кто злоумышлять против тебя, не упал духом и не негодовал, но был уверен, что умысел будет иметь для тебя добрый конец, только бы ты великодушно переносил случающееся. Вот и здесь зависть братьев приобрела Иосифу царское достоинство, ненависть доставила диадиму и принесла престол; замышлявшие против него сами довели его до этой великой власти; тот, против кого строились козни, получил царство, а строившие козни сделались рабами; тот принимал поклонение, а эти кланялись. Итак, когда будут постигать тебя частыя и непрерывныя бедствия, не смущайся и не унывай, но ожидай конца; потому что непременно последует достойное великой благодати Божией, если только ты с благодарностию будешь переносить все, случающееся с тобою. И Иосиф хотя после тех снов был доведен до крайней опасности и продан братьями, хотя подвергся наветам госпожи, и потом был ввергнут в темницу, но не сказал самому себе: что же это такое? Сны эти были обман, я изгнан из отечества, лишен свободы; для Бога я не покорился госпоже, склонявшей к прелюбодеянию; за целомудрие и добродетель терплю наказание; и Он не отмстил и не простер руки, но попустил, чтобы я предан был постоянным узам и непрестанным бедствиям: после рва — рабство, после рабства — злоумышление, после злоумышления — клевета, после клеветы — темница. Но все это не смутило его; напротив, он пребывал в твердой надежде и уверенности, что слово Божие никогда не останется без исполнения. Бог, конечно, в тот же день мог исполнить слово Свое; но, чтобы показать и Свою силу и веру рабов Своих, Он дает пройти долгому времени и встретиться многим препятствиям, дабы ты и познал Его силу в том, что Он исполняет Свои обещания даже тогда, когда повидимому не остается никакой надежды, и увидел терпение и веру рабов Его, которые не теряют доброй надежды, что ни случилось бы с ними. Между тем, братья Иосифа, как я сказал, пошли в Египет, когда голод, как воин какой, насильно гнал их и привел к начальствующему Иосифу, и хотели купить хлеба. Что же он говорит им? «Соглядатаи есте» ([Быт. XLII:9](#)). Они подумали: что это значит? Мы пришли купить хлеба; почему же подвергаемся опасности жизни? По справедливости; он принес вам

некогда пищу, и подвергся опасности жизни; только он пострадал на самом деле, а вы терпите мнимую опасность; потому что он не враг, а только принял вид врага, чтобы вернее узнать о доме (родительском). Так как они были злы и неблагодарны к нему, а он не видел с ними Вениамина, то, опасаясь за этого отрока, не пострадал ли он, подобно ему, Иосиф повелевает одного из них связать и оставить в Египте, а всех прочих отпускает с хлебом назад, угрожая им смертью, если не приведут своего брата. Когда это происходило и он сказал им: оставьте кого-нибудь здесь и приведите вашего брата; иначе будете преданы смерти; тогда что они говорили друг другу? «Ей, во гресех есмы брата ради нашего, егда моляшеся нам» ([Быт. XLII:21](#)). Видишь ли чрез сколько времени они вспомнили о своем грехе? Отцу своему они сказали: «зверь лют снеде Иосифа» ([Быт. XXXVII:33](#)); но в присутствии и в слух Иосифа исповедали грех свой. Что может быть удивительнее этого? Суд происходит без обличений, оправдание — без обвинения и доказательство — без свидетелей; сами сделавшие дело обличают себя и обнаруживают сделанное втайне. Кто убедил, кто принудил их открыть преступление, сделанное за столько времени? Не явно ли, что совесть, этот неумолимый судья, непрестанно тревожила их ум и смущала душу? Тот, кого они погубили, сидел тогда безмолвно и судил их; и когда еще не было произнесено против них никакого определения, они сами произнесли на себя обвинительный приговор. Так говорили они; а один из них оправдывался такими словами: «не рех ли вам, глаголя: не преобидите детища», не делайте ему никакого зла, так как он брат наш; «и се кровь его взыскуется от рук наших» ([Быт. XLII:22](#)). Говоривший это (Рувим) ничего не сказал об убийстве и насилии и сидевший (Иосиф) не спрашивал ни о чем таком, а только требовал к себе другого брата; но совесть их при этом случае возстала и начала терзать их душу и заставила их, без всякаго посторонняго принуждения, сознаться в преступлении. Тоже часто бывает и с нами по отношению к прошедшим грехам: подвергаясь несчастьям и горестным обстоятельствам, мы вспоминаем о прежних грехах наших.

7. Зная все это, мы, сделав что-нибудь худое, не будем ожидать несчастий и злоключений, опасностей и уз, но каждый день и час будем воздвигать у себя это судилище и произносить на себя приговоры; постараемся всячески оправдаться пред Богом, и ни сами не будем сомневаться в воскресении и суде, ни другим не позволим высказывать такие сомнения, но всячески будем заграждать им уста тем, что сказано. Если бы не предлежало нам дать отчет в грехах там, то и здесь Бог не поставил бы в нас этого судилища (совести). Но и это есть доказательство Его человеколюбия. Так как Он тогда потребует от нас отчета в грехах, то Он поставил этого неподкупнаго судию (совесть), чтобы он, осуждая нас здесь за грехи и исправляя, избавил от суда, имеющаго быть там. Об этом говорит и Павел: «аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были» от Господа ([1 Кор. XI:31](#)). Итак, чтобы нам тогда не быть наказанными и не подпасть суду, пусть каждый войдет в свою совесть, и, исследовав жизнь и тщательно рассмотрев все грехи, пусть осудит душу, соделавшую их, пусть обуздает помыслы, скорбит и сокрушается в сердце своем, и накажет себя за грехи самоосуждением, строгим покаянием, слезами, исповедию, потом и милостынею, воздержанием и любовью, дабы всеми способами отложив здесь свои грехи, мы могли отойти туда с великим дерзновением, чего да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

Слово на слова апостола: «не хочу же вас, братие, не ведети о усопших, да не скорбите» ([1 Сол. IV:13](#)), также об Иове и Аврааме

1. Четыре дня употребил я на изъяснение вам притчи о Лазаре, на исчерпывание сокровища, которое мы нашли в покрытом ранами теле (Лазаря), сокровища, содержащего в себе не золото и серебро и драгоценные камни, но любомудрие, мужество, терпение и великую твердость. Как с чувственными сокровищами бывает, что на поверхности их только терния, волчцы и жестокая земля, а если раскопать глубже, то открывается великое богатство; так случилось и с Лазарем: сверху раны, в глубине неизъяснимое богатство; тело разслабленное, а душа мужественная и бодрая; и здесь можно было видеть исполнение слов апостольских: «аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется» ([2 Кор. IV:16](#)). Можно бы и сегодня говорить о той же притче и бороться с еретиками, которые поносят Ветхий Завет, осуждают патриархов и изоцряют язык против Создателя всех — Бога; но чтобы речь не произвела в вас пресыщения, я отложу эту борьбу до другого времени, а теперь обращусь к иному предмету; однообразная пища производит пресыщение, а явства разнообразныя частою переменою усиливают позыв к еде. Посему, чтобы так не было и с слушанием, возвратимся сегодня, после долгаго времени, к блаженному Павлу; благовременно сегодня прочитано нам место апостольское, изъяснение котораго будет согласно с тем, о чем недавно говорено было. Итак вы слышали, как Павел сегодня взывал и говорил: «не хочу же вас, братие, говорил он, не ведети о усопших, да не скорбите, якоже и прочии неимуции упования» ([1 Сол. IV:13](#)). То — евангельское сказание о Лазаре, — это — апостольское изречение; но вещают они вполне согласно. И в той притче мы много разсуждали о воскресении и будущем суде, и теперь слово привело нас опять к тому же предмету. Таким образом, хотя мы станем разбирать апостольское место, но здесь найдем то же сокровище; ибо и тогда вся моя речь клонилась к тому, чтобы научить слушателей — считать за ничто блестящие предметы настоящей жизни, но устремлять надежды далее и ежедневно помышлять о тамошних приговорах, о страшном судилище и о неумолимом Судии. Это сегодня внушает нам и Павел в прочитанных словах. Внимайте же. «Не хочу, вам, братие не ведети о усопших (κεκοιμητων), да не скорбите, якоже и прочии неимуции упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе, тако и Бог усопшия во Иисусе приведет с Ним» ([1 Сол. IV:13—14](#)). Здесь наперед надобно обратить внимание на то, почему апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью, а когда говорит о нашей кончине, то называет ее не смертью, а успением. Не сказал: «о умерших»; но что? — «о усопших». И еще: «так и Бог усопшия во Иисусе приведет с Ним», а не сказал: «умершия». И еще: «мы живущии оставшии в пришествие Господне не имамы предварити усопших» ([1 Сол. IV:15](#)). И здесь не сказал «умерших», но во всех трех местах смерть их назвал успением; а о Христе не так, но как? «Аще бо веруем, яко Иисус умре». Не сказал: «успе», но: «умре». Почему же смерть Христову апостол назвал смертию, а нашу успением? Не просто и не без цели он употребляет эти различныя выражения, но имея в виду нечто мудрое и великое. Говоря о Христе, он употребил слово: «смерть», чтобы показать действительность Его страданий, а о нас — «успение», чтобы умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребляет слово: «смерть», а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово: «успение», самым названием и утешая нас и укрепляя благия надежды. Спящий конечно, встанет; а смерть есть не что иное, как продолжительный сон. Не говори мне, что умерший не слышит, ни говорит, ни видит, ни чувствует; ибо таково же состояние и спящаго. Если можно

сказать нечто странное, то и душа спящего как бы спит; а у умершего, напротив, бодрствует. Но умерший, скажешь, гниет и тлеет и превращается в прах и пепел. Что же из этого, возлюбленный? Поэтому самому и надобно особенно радоваться. Тот, кто хочет перестроить развалившийся и ветхий дом, наперед выводит из него живущих, потом разрушает этот дом и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, а еще радуются; потому что обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и невидимое, здание. Так и Бог разрушает наше тело, намереваясь создать его (вновь), и сперва изводит живущую в нем душу, как бы из какого дома, дабы, потом воздвигнув его в лучшем виде, опять ввести в него душу с большею славой. Будем же обращать внимание не на разрушение, а на будущую славу.

2. Также, если у кого статуя испортилась от ржавчины и от времени, и многия части ея отвалились, то он, разбив ее, бросает в горнило и, тщательно переплавив, делает ее лучшею. И как разрушение такой статуи в горниле не есть уничтожение ея, но возобновление, так и смерть наших тел не есть уничтожение, но обновление их. Итак, когда ты увидишь, что тело наше, как бы в горниле, разлагается и тлеет, то не останавливайся на этом внешнем виде, но ожидай обновления, и этою стороною примера не довольствуйся, но простирайся умом к более важному. Ваятель, ввергая (в горнило) медное тело, получает оттуда статую не золотую и бессмертную, но делает ее такою же медною, а Бог, ввергая (в землю) тело перстное и смертное, возвращает тебе статую золотую и бессмертную; ибо земля, приняв тело смертное и тленное, возвращает его нетленным и бессмертным. Итак, видя умершего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласным, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу, и от настоящего внешняго вида возведи помыслы к надежде будущаго. А ты, по привычке, при этом скорбишь и плачешь? Но не странно ли, — когда ты отдашь дочь в замужество и муж отправится с нею в далекую страну и там будет жить счастливо, — не считать этого бедствием, так как скорбь разлуки облегчается слухом о их благополучии, а здесь, — когда не человек, не подобный тебе раб, но сам Владыка берет к Себе твоего ближняго, — печалиться и сетовать? Как же, скажешь, возможно человеку не скорбеть? Я и не говорю этого; я отвергаю не скорбь, а чрезмерность скорби; скорбь естественна, но скорбь чрезмерная свойственна душе безразсудной, умоизступленной и слабой. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не негодуй; воздай благодарение Взавшему и, украсив отшедшаго, препроводи его к Нему в светлой погребальной одежде. Если станешь роптать, то оскорбишь и умершаго, и прогневаешь Взавшаго, и повредишь самому себе; но если будешь благодарить, то и его украсишь, и прославишь Взавшаго, и сделаешь пользу самому себе. Плачь, как Владыка твой плакал о Лазаре, показав нам меру, правила и пределы скорби, которых преступать не должно. Так и Павел сказал: «не хочу вас, братие, не ведети о усопших, да не скорбите, якоже и прочии неимущии упования». Скорби, говорит он, но не как язычник, не ожидающий воскресения, не имеющий надежды на будущую жизнь. Я стыжусь, поверьте мне, и краснею, когда вижу, как на торжище толпы женщин безчинствуют, рвут на себе волосы, ломают руки, царапают щеки, и притом — в глазах язычников. Чего не скажут они, чего не наговорят о нас? Это ли любомудрствующие о воскресении? Должно быть они; но дела их не согласуются с учением; на словах они разсуждают о воскресении, а на деле поступают, как неожиданные его; если бы они твердо убеждены были, что есть воскресение, то не делали бы этого; если бы уверены были, что умерший отошел к лучшей жизни, то не плакали бы. Это и еще больше этого говорят неверные, слыша такой плач. Постыдимся же, образумимся, и не станем делать столько вреда и себе и видящим это. Почему, скажи мне, ты плачешь так об отшедшем? Потому ли, что он был порочен? В таком случае должно благодарить, что положен предел его порокам. Или потому, что он был честный и добрый человек? И о нем надобно

радоваться потому, что скоро «восхищен», прежде нежели «злоба изменила разум его» ([Прем. IV:11](#)), и отошел в страну, где пребывает уже в безопасности, где нельзя опасаться никакой перемены. Или потому, что он был молод? И за то прославь Взывшаго, что скоро призвал его к лучшей жизни. Или потому, что он был стар? И за это опять благодари и прославь Взывшаго. Постыдись самага вида выноса: псалмопения, молитвы, сонм отцев и такое множество братий — не для того, чтобы ты плакал, скорбел и роптал, но чтобы благодарил Взывшаго. Как призываемых к власти многие провожают с почестями, так и верующих отходящих все провожают с великою славою, как призванных к высшей почести. Смерть есть успокоение, освобождение от житейских трудов и забот. Итак, когда увидишь, что кто-либо из ближних отошел отсюда, не ропщи, но умились сердцем, войди в самого себя, испытай совесть, помысли, что и тебя немного после ожидает такой же конец. Вразумись и убойся, видя смерть другого, отринь всякую беспечность, размотри свои дела, исправь прегрешения, изменись к лучшему. Мы тем и отличаемся от неверующих, что иначе судим о вещах. Неверующий видит небо — и поклоняется ему, потому что признает его за бога; видит землю — и чтит ее, и прилепляется к чувственным вещам. А мы — не так; но видим небо — и удивляемся Создавшему его; потому что веруем, что оно не бог, а дело Божие; вижу всю тварь — и чрез нее восхожу к Создателю. Неверующий видит богатство — и изумляется, благоговеет: я вижу богатство — и посмеваюсь; он видит бедность — и скорбит: я вижу бедность — и радуюсь. Иначе я смотрю на вещи, иначе он. Так поступаем и в отношении к смерти: он видит мертвого — и считает мертвым; я смотрю на умершаго — и взираю на смерть, как на сон. И как на буквы все мы, и знающие и незнающие грамату, смотрим одинаковыми глазами, но неодинаковою мыслию; незнающие, видя их, считают простыми буквами, а знающие искусно постигают заключающийся в них смысл; так и в жизни мы смотрим на события одинаковыми глазами, но не одинаковою мыслию и разумением. Итак, отличаясь от язычников во всем прочем, неужели мы сойдемся с ними в суждениях о смерти?

3. Помысли, к кому отошел умерший, и утешься; он отошел туда, где Павел, где Петр, где весь сонм святых; помысли, в какой славе и светлости он возстанет; помысли, что слезами и воплями ты не можешь исправить случившагося и крайне повредишь себе; помысли, кому ты в этом подражаешь, и убегай общения в грехе. Кому же ты подражаешь и соревнуешь? Неверным, не имеющим упования, как и Павел сказал: «да не скорбите, якоже и прочии неимуции упования». Обрати внимание на точность выражения; он не сказал: неимуции упования воскресения, но просто: «неимуции упования». Ибо не имеющий упования тамошняго суда, не имеет никакой надежды, не знает ни того, что есть Бог, ни того, что Он промышляет о всем настоящем, ни того, что над всем наблюдает божественная правда. А кто не знает и не помышляет об этом, тот бессмысленнее всякаго зверя, и изгнал из души своей законы, и суды и определения, и вообще все доброе; ибо кто не готовится отдать отчет в делах своих, тот будет уклоняться от всякой добродетели и предаваться всякому пороку. Размыслив об этом и разсудив о невежестве и безумии язычников, с которыми мы сходствуем в сетовании об умерших, будем избегать такого согласия с ними. Для того и Павел упомянул об них, чтобы ты, размыслив о безчестии, до котораго ты ниспадаешь, стал выше согласия с ними и возвратился к свойственному тебе благородству. И не здесь только, но и во многих других местах блаженный Павел часто делает это. Когда он хочет удалить нас от грехов, то показывает, с кем сообщаемся мы чрез грехи, чтобы, устыдившись качества этого лица, ты убегал от такого сообщества. Так в послании к Солунянам он говорил: «и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не в страсте похотней, якоже и языцы неведяции Бога» ([1 Сол. IV:4—5](#)). И в другом месте: «сие убо глаголю и послушествую о Господе, ктому не ходити вам, якоже и прочии языцы ходят всуετε ума их» ([Еф. IV:17](#)). Также и здесь: «не хочу вас, братие, не ведети о

успоших, да не скорбите, якоже и прочии неимущии упования». Обыкновенно не свойство событий повергает нас в печаль, а наше произволение, не смерть скончавшагося, а немощь сетующих; верующаго же ничто настоящее не может огорчить; он отличается от неверующих и тем, что, еще прежде будущих благ, в настоящей жизни получает немалыя блага от христианскаго любомудрия, доставляющаго ему величайшее благодущие и постоянную радость. Посему и Павел говорит: «радуйтесь всегда о Господе: и паки реку, радуйтесь» ([Филип. IV:4](#)). Таким образом, еще прежде воскресения, мы получаем немалую награду в том, что не упадаем духом ни в каком случающемся бедствии, но имеем великое утешение в надежде будущих (благ). Как мы получаем двойную пользу, так неверующий терпит двойной вред — и оттого, что в будущей жизни подвергается наказанию за неверие воскресению, и оттого, что в настоящей впадает в отчаяние, не ожидая после ничего добраго. Итак, мы должны благодарить Бога не только за воскресение, но и за надежду воскресения, которая может утешить сетующую душу и расположить к благодущию при разлуке с отшедшими, как имеющими воскреснуть и соединиться с нами. Если надобно скорбеть и плакать, то нужно плакать и сетовать о тех, которые живут во грехах, а не о тех, которые отошли с добродетелию. Так делает и Павел; в послании к Коринфянам он говорит: «да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих», — не сказал: умерших, но — «прежде согреших, и непокаявшихся о нечистоте и блужении и студоложествии, яже содеяша» ([2 Кор. XII:21](#)). О таких надобно плакать. Тому же поучает и другой такими словами: «над мертвым плачися, исчезе бо свет: и над буим плачися, исчезе бо разум. Сладчае плачися над мертвым, яко почил есть: буяго же лучше смерть, неже живот зол» ([Сир. XXVI:9—10](#)). Если же всегда достоин плача потерявший разсудок, то тем более — не имеющий праведности и оставивший надежду на Бога. Таких людей и мы будем оплакивать; такой плач полезен; своими слезами мы часто исправляем их. Сетование же об умерших бесполезно и вместе вредно. Итак, не станем превращать порядка, но будем плакать только о грехе; а все прочее — и бедность, и болезнь, и преждевременную смерть, и обиду, и клевету, и какое-нибудь другое из зол, постигающих человека, — все будем переносить благодущно. Эти бедствия послужат для нас поводом к получению многих венцов, если мы будем бодрствовать.

4. Но как можно, скажешь ты, человеку не скорбеть? Напротив я скажу: как можно скорбеть человеку, почтенному словом и разумом и надеждами будущих благ? Но кто, скажешь ты, не предавался этому чувству? Многие, и часто, и из нас, и из предков нашим. Послушай, что сказал Иов, когда лишился целаго сонма детей: «Господь даде, Господь отъят: яко Господеви изволися, тако бысть» ([Иов. I:21](#)). Дивны эти слова, когда и просто слышишь их; а если еще тщательно размотришь их, то они окажутся еще более дивными. В самом деле подумай, что диавол не половину детей взял у него, а другую половину оставил, не большую часть взял, а меньшую оставил; но он сорвал весь плод, а дерева не повалил; все море возмутил волнами, а ладьи не потопил; истощил всю силу, а столба не потряс; напротив, отвсяду потрясаемый, он стоял непоколебим; тучи стрел неслись, а его не поражали; или лучше — направлялись в него, но не уязвляли. Подумай, каково видеть погибель столь многих детей! Чего не доставало, чтобы поразить его? Все дети похищены, все вместе и в один день, в самом цвете лет, отличавшиеся великою добродетелию; окончили жизнь таким родом казни; после столь многих ударов нанесен этот последний удар отцу, который был сердобольный, а отшедшие — любезны ему. Если кто лишится детей порочных, то хотя и поражается скорбью, но не столь сильною: ибо порочность умерших не дает печали быть сильною; но если дети были добродетельны, то рана не закрывается, память о них не теряется, скорбь не имеет утешения, возбуждаясь двойною силою, — и чувством природы, и мыслию о добродетели скончавшихся. А что дети Иова были добродетельны, видно из следующего: отец так много об них заботился, что вставши от сна

приносил за них жертвы, опасаясь и за тайные грехи их; и важнее этой заботы для него ничего не было. А это доказывает не только добродетель детей, но и чадолюбие отца. Если же Иов был отец, и столь чадолюбивый, питавший к ним привязанность, возбуждаемую не только природою, но и благочестием, и умершие были так добродетельны, то отсюда происходит тройное пламя скорби. Опять, когда похищаются только некоторые из детей, в скорби есть еще некоторое утешение; потому что оставшиеся умеряют печаль об умерших; но когда умрут все дети, то на кого может посмотреть (отец) многочадный, вдруг сделавшийся безчадным? К этим можно еще присовокупить и пятый удар. Какой это? Тот, что все эти похищены внезапно. Если тогда, как умирают иные в три или пять дней, женщины и родственники все плачут особенно о том, что умерший так скоро и нечаянно похищен от взоров их; то тем более мог скорбеть Иов, не в три, не в два и не в один день, но в один час лишившийся всех детей. Бедствие, ожидаемое несколько времени, хотя бы было крайне тяжело, становится легче от самого ожидания; но случившееся сверх чаяния и внезапно бывает невыносимо. Когда бедствие и само по себе тяжело и еще увеличивается тем, что случилось неожиданно, подумай, как оно бывает невыносимо: оно выше всякаго описания! Хочешь ли слышать и шестой удар? Иов потерял всех детей в самом цветущем их возрасте. Вы знаете, как прискорбны преждевременныя смерти, и как много причиняют оне слез. А эта смерть была не только преждевременная, но и насильственная; это был седьмой удар: ибо они не на ложе изнемогли и испустили дух, но задавлены зданием. Представь же, каково было тому, кто, разрывая эту грудь, вынимал оттуда то камень, то часть своего сына, и видел то руку еще держащуюся за чашу, то другую лежащую на блюде, то самый труп обезображенный, с придавленным носом, с разбитою головою, вырванными глазами, раскиданным мозгом, — вообще весь образ оскаженный до того, что, за множеством ран, отцу нельзя было распознать черты любезных ему лиц. Вы смутились и плачете, слыша об этом; подумайте же, каково было ему это видеть. Если мы, после столь долгаго времени, не можем без слез слышать об этом печальном событии, и притом слышать о чужом несчастье; то какой адамант был тот, кто видел это своими глазами, и любомудрствовал не над чужими, а собственными бедствиями? Однако он не возроптал, и не сказал ничего такого: что это значит? Это ли награда за мою благотворительность? Для того ли я отворял дом странникам, чтобы видеть его гробом детей? Для того ли я прилагал о них всякое попечение, чтобы они потерпели такую смерть? Ничего такого он не сказал и не подумал; но перенес все великодушно, хотя и лишился их после такого о них попечения. Как искусный ваятель, отделявая золотыя статуи, украшает их весьма тщательно; так и Иов образовывал, улучшал и украшал души детей. И как трудолюбивый земледелец постоянно орошает пальмовыя или оливковыя деревья, ограждает, окапывает их и всячески ухаживает за ними; так и Иов не переставал, как бы какую плодоносную маслину, душу каждаго из детей усовершенствовать в добродетели; увидев же, что эти растения напором злого духа вырваны, повержены на землю и бедственно погибли, не только не произнес никакой хулы, но еще благодарил Бога, и тем нанес диаволу смертельную рану.

5. Но, скажешь ты, у Иова было много сыновей, а иной нередко лишается единственного сына, поэтому и скорбь неодинакова? Хорошо ты говоришь; и я скажу, что скорбь неодинакова, но скорбь Иова гораздо больше. Какую пользу принесло ему многочадие? Его несчастье было тем поразительнее и скорбь тем мучительнее, что он получил рану в лице многих детей. Если же хочешь видеть и другого святаго, который имел едиnorodнаго сына, и оказал такое же, и даже большее, мужество: то вспомни о патриархе Аврааме, который, хотя не видел Исаака умершим, но — что было еще мучительнее и прискорбнее — получил повеление (от Бога) самому заклать его и не воспротивился этому повелению, не возроптал и не сказал чего-нибудь подобнаго: за тем ли Ты сделал меня отцом, чтобы сделать детоубийцею? Лучше было бы прежде не давать его мне, чем давши отнять его таким образом. Ты хочешь взять его? Для чего

же повелеваешь мне самому заклать и обагрить мою руку его кровию? Не чрез этого ли отрока Ты обещал заполнить моими потомками вселенную? Как же произведешь плоды, вырвавши корень? Как обещаешь потомство, повелевая заклать сына? Кто видал, кто слышал это? Я обманут, я оболещен. Ничего такого он не сказал и не подумал, не попрекословил Повелевшему, не потребовал объяснения, но, услышав: «пойми сына твоего возлюбленного, егоже возлюбил еси, Исаака, и иди на землю высоко, и вознеси его тамо во всеожжение, на едину от гор, ихже ти реку» ([Быт. XII:2](#)), исполнил повеление с такою готовностью, что сделал еще больше повеления. Он скрыл это и от жены, утаил и от рабов, оставив их внизу горы, и взошел на нее, взяв с собою только жертву; так не против своей воли, но с великою готовностью он исполнил повеление. Представь же, каково было ему разговаривать с сыном наедине, без свидетелей, когда сердце сильнее разгорается и любовь бывает пламеннее, и это не в один или два дня, но в продолжение многих дней. Если бы он тотчас же исполнил повеление, то и это было бы удивительно и велико, однако не столь удивительно, как то, что он, в продолжение многих дней испытывая страдание и борьбу душевную, не показал человеческой слабости в отношении к отроку. Бог для того и продолжил подвиги и распространил место борьбы, чтобы ты вернее узнал ратоборца. По-истине это был ратоборец, сражавшийся не с человеком, но с самою силою природы. Какое слово может изобразить его мужество? Он возвел отрока на гору, связал, положил на дрова, взял нож и хотел нанести удар. Затем, как и что сказать, не знаю; знает только сам сделавший это; никакое слово не может изобразить, как не оцепенела рука, как не ослабела крепость мышц, как не смутил его любезный вид отрока. Достоин удивления здесь и Исаак. Как отец его повиновался Богу, так он — отцу; и как тот, когда Бог повелел ему принести жертву, не потребовал объяснения, так и этот, когда отец связывал его и возлагал на жертвенник, не сказал: для чего ты делаешь это? — но преклонился под отеческую руку. Здесь виден был отец и вместе жрец, жертва безкровная, всеожжение без огня, образ смерти и воскресения на жертвеннике; потому что отец и заклал сына и не заклал: не заклал рукою, но заклал произволением. И Бог дал ему такое повеление не потому, чтобы хотел видеть пролитие крови, но для того, чтобы показать тебе произволение Авраама, посреди всей вселенной возвестить о доблести его, и всех потомков научить, что заповеди Божии должно предпочитать и детям, и природе, и всему имуществу, и самой душе своей. Итак он сошел с горы, имея при себе Исаака, как живого мученика. Какое же прощение, скажи мне, какое оправдание будем иметь мы, если, видя этого доблестного с такою готовностью повинующимся Богу и во всем Ему покорствующим, сами будем роптать? Не говори мне о горести, ни о несносной тяжести несчастья, но размысли о том, что он и жестокою скорбь превозмог. Повеление было в состоянии смутить его ум, повергнуть его в недоумение и поколебать веру в предшествовавшие обетования. Кто из обыкновенных людей не почел бы обманом все сказанное о множестве потомков, обещанных ему? Но не таков был Авраам. Не менее должно удивляться и любомудрию Иова в несчастьи, особенно потому, что он после такой добродетели, после такого милосердия и человеколюбия, когда ни за собою ни за детьми не признавал ничего худого, а между тем испытывал столь великое, необычайное и неожиданное бедствие, какого ни с кем из крайне преступных людей не случалось, не огорчился, подобно обыкновенным людям, не помыслил, что добродетель бесполезна и сам он прежде поступал худо. Обоим этим мужам должно не только удивляться, но и соревновать и подражать их добродетели. Никто пусть не говорит, что они были дивные люди. Подлинно, они были дивны и велики; но от нас теперь требуется еще более любомудрия, нежели от них и всех живших в ветхом завете. «Яко аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидите в царствие небесное» ([Матф. V:20](#)). Итак, отвсюду получив вразумление и припомнив это и все, что сказано нами о воскресении и о тех святых, будем непрестанно повторять душам своим, не только во время печали, но и когда

бываем свободны от скорби. Поэтому и я, хотя никого не вижу в скорби, предложил ныне это слово, чтобы мы, когда подвергнемся подобному бедствию, припоминая сказанное, имели достаточное утешение; так и воины в мирное время занимаются воинскими упражнениями, чтобы, при наступлении войны, когда потребуется опытность в деле, благовременно показать искусство, в котором они усовершенствовались во время мира. Приготовим же и мы себе оружие и врачество во время мира, чтобы, когда настанет борьба с неразумными страстями, или печалию, или унынием, или другим чем-либо подобным, мы, хорошо вооружившись и оградившись со всех сторон, могли с великою опытностью отражать нападения лукавого и верными мыслями, вещаниями Божиими, примерами праведных мужей, и вообще всеми способами защищать самих себя. Таким образом мы можем и настоящую жизнь провести благодушно, и сподобиться царства небеснаго о Христе Иисусе, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

Слово о землетрясении, и о богатом и Лазаре, и о том, откуда произошло рабство

1. Видели вы Божию силу, видели Божие человеколюбие? Силу в том, что Бог потряс вселенную; человеколюбие в том, что падающую ее остановил: а лучше, в том и другом — и силу и человеколюбие; и потрясти и остановить — дело силы и человеколюбия; потому что Он поколебал вселенную и утвердил ее, и колебавшуюся ее и готовую упасть возстановил. Но, хотя землетрясение миновало, страх пусть остается; колебание прошло, а благоговение пусть не проходит; три дня мы молились, но не прекратим нашего усердия. За то (постигло нас) землетрясение, — за нерадение наше; мы вознерадели — и вызвали землетрясение; исправились — и отклонили (Божий) гнев; не будем же опять предаваться нерадению, чтобы опять не вызвать гнева и наказания; Бог не хочет «смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему» ([Иез. XXXIII:11](#)). Видели вы бренность рода человеческого? Когда происходило землетрясение, я размышлял сам с собою так: где хищничество? где любостяжание? где могущество? где высокомерие? где господство? где угнетения? где разграбления бедных? где тщеславие богатых? где власть начальников? где угрозы? где страхи? Одна минута времени — и все расторглось легче паутины, все это разстроилось; и был плач в городе, и все бежали в церковь. Подумайте, что было с нами, если бы Богу угодно было все ниспровергнуть. Говорю это для того, чтобы постоянно жив был в вас страх от случившагося и укреплял умы всех. Потряс (Господь землю), но не ниспроверг; потому что, если бы хотел ниспровергнуть, то не потряс бы; но так как Он того не хотел, то землетрясение, как глашатай, предвозвещающий всем гнев Божий, предварительно произошло, чтобы мы, от страха сделавшись лучшими, отклонили от себя наказание на деле. Так поступил Он и с иноплемениками: «еще три дни, и Ниневия превратится» ([Ион. III:4](#)). Почему же не превращаешь? Грозишь ниспровергнуть: почему же ты не ниспровергаешь? — Так как Я не хочу ниспровергнуть, то и угрожаю. — Для чего же говоришь? — Чтобы не сделать того, что говорю; пусть словом предупреждено и отвращено будет дело. «Еще три дни, и Ниневия превратится», говорил тогда пророк, а ныне издают голос стены. Говорю это и не перестану говорить и бедным и богатым; подумайте, как велик гнев Божий, как все Ему легко и удобно; отстанем же от пороков; в краткую минуту времени Он так сокрушил душу и ум каждого, и потряс основания сердца; подумаем же, что в тот страшный день, когда будет не одна минута времени, но бесконечные веки, и потоки огня, и грозный гнев, и силы, влекущая на суд, и страшный престол, и нелицеприятное судилище, и дела каждого предстанут пред очи, и никто не будет заступником, ни сосед, ни ритор, ни сродник, ни брат, ни отец, ни мать, ни иноплеменик, ни кто-либо другой, — что тогда, скажи мне, мы будем делать? Навожу на вас страх, чтобы устроить ваше спасение. Я сделал учение более резким, чем железо, чтобы каждый из вас, имеющий язву, освободился от нея. Не всегда ли я говорил, и ныне говорю, и не перестану говорить: доколе вы будете привязаны к настоящему? Ко всем говорю, но особенно к недужным и невнимающим тому, что говорится; или лучше, это слово полезно тому и другому: больному — для выздоровления, здоровому — для избежания болезни. Доколе деньги? Доколе богатство? Доколе великолепие зданий? Доколе неистовство в бездушной любви к удовольствиям? Вот пришло землетрясение; какую пользу принесло богатство? Труд того и другого пропал, погибло имущество вместе с владением, дом вместе с строителем. Город сделался общим для всех гробом, устроенным внезапно не руками мастеров, но несчастным случаем. Где богатство? Где любостяжание? Видите ли, как все оказалось ничтожнее паутины?

2. Но скажешь мне: какая польза от слов твоих? Есть польза, если кто слушает меня. Я делаю свое; сеятель сеет. Вышел сеятель сеять; и пали семена — одни подле дороги, другия на

камень, иныя на терние, а иныя на добрую землю ([Матф. XIII:3—8](#)); три части (семян) погибли, одна только сохранилась; однакоже (сеятель) не отстал от земледелия; но так как одна часть сохранилась, то и не перестал трудиться над землею. И теперь невероятно, чтобы семя, повергаемое в такое множество (слушателей), не принесло мне колоса; если не все послушают, половина слушает; если не половина, то третья часть; если не третья часть, то десятая; если не десятая, то хотя один из такого множества слушает, лишь бы послушал. Немаловажно спасти и одну овцу; так и тот пастырь ([Матф. XVIII:12](#)), оставив девяносто девять овец, пошел за одною заблудшею. Я не пренебрегаю человеком; хотя бы он был один, но это — человек, живое существо, любезнейшее Богу; хотя бы он был раб, я не считаю его достойным презрения; потому что не звания ищу, а добродетели, не господства, не рабства, а души; хотя бы он был один, но это — человек, для которого небо распростерто, и солнце сияет, и луна течет, и воздух разлит, и источники бегут, и море расширено, и пророки посылались, и закон дан, но для чего перечислять все? — для которого едиnorodный Сын Божий соделался человеком. Владыка мой был заклан и пролил кровь Свою за человека, и я ли буду пренебрегать им? Какое будет мне прощение? Не слышите ли, что Господь разговаривал с самарянкою и изрек множество слов? Он не презрел ее за то, что она была самарянка, но оказал к ней внимание, потому что она имела душу; не пренебрег ею за то, что она была блудница, но приложил великое о ней попечение, потому что и она могла быть спасена и показала веру. Не перестану говорить и я, хотя бы никто не слушал: я врач, и предлагаю врачество; я учитель, и должен увещевать, потому что говорит (Господь); «стража дах ты дому израилеву» ([Иез. III:17](#)). Никого не исправлю? Что же такое? Я не лишусь награды. Впрочем это сказал я по преувеличению; невероятно, чтобы в таком множестве никто не исправился. Но таковы отговорки и предлоги нерадивых слушателей. Каждодневно, говорят, я слушаю, и не делаю. Слушай, хотя бы ты и не делал; потому что от слушания доходят и до делания; хотя бы ты и не делал, но будешь стыдиться за грех; хотя бы и не делал, но переменишь образ мыслей; хотя бы и не делал, но будешь осуждать себя за то, что не делаешь. А откуда это твое осуждение самого себя? Оно — плод моих слов. Когда ты скажешь: увы! я слышал, и не делаю! — это «увы» есть начало перемены к лучшему. Ты согрешил и поплакал? Этим ты загладил грех; потому что (написано): «глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися» ([Иса. XLIII:26](#)). Лишь бы ты печалился и скорбел; эта скорбь ведет ко спасению не по своему свойству, но по человеколюбию Владыки. Для имеющего грехи немалым служит облегчением скорбь о самом себе; ибо «видех», говорит (Господь), «яко опечалися и поиде дряхл, и исцелих его» ([Иса. LVII:17, 18](#)). О неизреченное человеколюбие! неизъяснимая благодать! Он опечалился, и Я исцелил его! Что же особенного в том, что он опечалился? Ничего особенного; но Я нашел в тои повод исцелить печали его. Видите ли, как Он в краткую минуту времени все совместил? Размышляйте же непрестанно о том вечере землетрясения. Все другие устрашились землетрясения, а я устрашился причины его. Понимаете, что я сказал? Другие боялись, чтобы не обрушился город и чтобы они не погибли; а я устрашился того, что Владыка гневается на нас; потому что не умереть тяжело, но тяжело — разгневать Владыку. Так я убоялся не землетрясения, а причины землетрясения; причина землетрясения есть гнев Божий, а причина этого гнева — грехи наши. Никогда не бойся наказания, но бойся греха, навлекающего наказание. Трясется город? Что же такое? Пусть только не колеблется душа твоя; так и в случае болезней и ран мы оплакиваем не тех, которые лечатся, но больных неизлечимо. А грех есть то же, что болезнь и рана, и наказание — то же, что отсечение и врачевание.

3. Поняли вы, что я говорю? Будьте внимательны; хочу преподать вам любомудрое наставление. Почему мы оплакиваем наказываемых, а не согрешающих? Не так тяжело наказание, как тяжек грех; потому что грех есть причина наказания. Итак, когда ты увидишь

какого-нибудь человека, имеющего гнилую рану, у которого из тела выходят черви и гной, и который оставляет без внимания эту язву и гниение, а — другого такого, который, страдая тем же, пользуется пособием врачей, допускает прижигания и отсечения, и пьет горькия лекарства, то которого из них ты будешь оплакивать, скажи мне, — того ли, который болен — и не лечится, или того, который болен — и лечится? Очевидно того, который болен — и не лечится. Подобным образом, пусть будут два грешника, один наказываемый, а другой не наказываемый. Не говори: этот блажен, потому что богат, грабит сирот, утесняет вдов, не болеет, и при грабительстве своем пользуется хорошим мнением, наслаждается почестию и властью, не испытывает ни одного из человеческих бедствий, ни горячки, ни чахотки, ни другой какой-либо болезни; у него сонм детей, маститая старость; но его-то преимущественно и оплакивай, потому что он и болен, и не лечится. Как? Я скажу. Если увидишь человека, одержимаго водяною, у которого от болезни в селезенке раздулось тело, но который не спешит к врачу, а постоянно употребляет холодное питье, имеет роскошную трапезу, каждый день упивается, окружен прислужниками, и усиливает свою болезнь, то, скажи мне, блаженным ли считаешь его, или несчастным. А если увидишь другого, одержимаго водяною, но пользующагося пособием врачей, изнуряющаго себя голодом, отказывающаго себя во многом, постоянно принимающаго горькия лекарства, которыя хотя неприятны, но этою неприятностию способствуют здоровью, то не станешь ли ты ублажать этого человека более, чем того? Разумеется, потому что тот болен — и не лечится, а этот болен — и пользуется врачеванием. Но лечение неприятно? За то конец его полезен. Так бывает и в настоящей жизни. Перенесись мыслию от тел к душам, от болезней к грехам, от горечи лекарств к наказаниям и суду Божию; ибо наказание от Бога есть то же, что и лекарство от врача, отсечение и прижигание. Как огонь, чрез многократное прикосновение, прижигает рану и останавливает ея развитие; и как железо отсекает гнилость, причиняя боль, но доставляя пользу; так и голод, и моровыя язвы и все кажущиеся бедствия насылаются на душу вместо железа и огня, чтобы остановить, как это бывает с телами, развитие ея болезней и сделать ее лучшею. Опять, пусть будут два блудодея — допустим это на словах для примера — два блудодея: но один богатый, а другой бедный. Который из них имеет больше надежд на спасение? Разумеется, бедный. Не говори же: этот богач блудодействует и богатеет, и поэтому ублажаю его. Скорее надлежало бы тебе ублажать его тогда, когда бы он, блудодействуя, был беден и терпел голод; потому что он невольно имел бы в бедности учительницу любомудрия. Когда ты увидишь порочнаго благоденствующим, плачь; потому что здесь два несчастья: и болезнь и неисцельность. Когда же увидишь порочнаго в несчастьи, утешайся, не потому только, что он становится лучшим, но и потому, что заглаждаются здесь многие из грехов его. Слушай внимательно мое слово. Многие из людей и здесь наказываются и там осуждаются; другие только здесь, а иные только там. Пойми это учение; потому что, если хорошо выразишь слова мои, они избавят ум твой от многих смятений. Но, если угодно, представим сперва такого человека, который там наказывается, а здесь наслаждается веселием. Пусть и богатые и бедные внимают моим словам; ибо это учение полезно и тем и другим. Что многие осуждаются и здесь и там, об этом послушай, как говорит Христос: «в онъже аще град или весь видите, входяще в дом целуйте его, глаголюще: мир дому сему. И аще убо будет дом достоин, приидет мир ваш нань: аще ли же не будет достоин, мир ваш к вам возвратится. И иже аще не примет вас, ниже послушает словес ваших, исходяще из града того, отрясите прах ног ваших. Аминь глаголю вам: отраднее будет земли содомстей и гоморрстей в день судный, неже граду тому. В онъже аще град или весь видите, испытайте, кто в нем достоин есть: и ту пребудете, дондеже изыдете» ([Матф. X:11—15](#)). Отсюда явно, что жители Содомы и Гоморры и здесь осуждены и там наказываются; ибо, когда говорит (Господь), что отраднее будет содомлянам, чем этим людям, то показывает, что те хотя и наказываются, но не так, как эти.

4. Еще есть такие, которые называются только здесь, как тот прелюбодей, о котором, блаженный Павел, в послании к Коринфянам, говорил так: «отнюд слышится в вас блужение, и таково блужение, яковоже и во языцех не именуется; яко некоему имети жену отчую; и вы разгордесте, и не паче плакасте, да измется от среды вас содеявыйй дело сие. Зане аз убо, аще не у вас сый телом, ту же живыйй духом, уже судих, яко тамо сый, содеявшего сице сие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, собравшимся вам и моему духу, предати такового сатане во измождение плоти, да дух спасется в день Господа нашего Иисуса Христа» ([1 Кор. V:1—5](#)). Видишь ли, как этот здесь наказывается, а там не наказывается? Так как здесь наказано было тело его, то там он уже не наказывается. Наконец хочу показать такого человека, который здесь веселился, а там наказывается. «Человек некий бе богат» ([Лук. XVI:19](#)). Вы уже наперед видите ход этого повествования, но подождите окончания слова. Конечно, мне честь, а вам похвала за то, что, когда только еще сеются начатки, вы уже собираете колосья. Постоянное слушание поучений сделало вас учителями; но так как с вами вошли сюда и некоторые чужие, то не спешите, но подождите храмлющих. Церковь есть тело; есть в ней глаз, есть и голова. Как если пяду уколеть терние, глаз преклоняется вниз, потому что он есть член тела, и не говорит: я возседаю на высоте, презираю низший член; но преклоняется, оставляя свою высоту; что ниже пяди, или благороднее глаза? — однако это неравенство исправляется сочувствием, и все соединяется любовью. Так и ты поступай; если ты быстр и приготовлен к слушанию, но имеешь брата, который не может следовать за тем, что предлагается, глаз твой пусть преклонится к пяде, пусть окажет сострадание к храмлющему члену, чтобы он от твоей быстроты и своей медлительности не остался без научения. Не злоупотребляй твоим разумением к его гибели, но благодари Бога за свою быстроту. Ты богат? Радуюсь и восхищаюсь; но тот еще беден: пусть же не остается он в бедности вследствие твоего богатства. У него есть терние — беспокойный помысл: снизойди же к нему и исторгни терние. Что же говорит (Господь)? Человек «некий бе богат», по имени, а не на самом деле. «Некий бе богат и облачашеся в порфиру», предлагал роскошную трапезу, имел чаши с вином, украшенные венками, устраивал каждый день пиршества. Другой же «некто бе нищ, именем Лазарь». А где имя богача? Нигде, он без имени. Сколько богатства, — а у самого нет и имени! Какое же это богатство? Это — дерево, красующееся листьями, но не имеющее плода; дуб, распростершийся в высоту, но дающий желуди в пищу безсловесным; человек, не имеющий плода человеческого. Где богатство и хищничество, там виден волк; где богатство и свирепость, там вижу льва, а не человека; он погубил свое благородство неблагородством пороков. «Некий бе богат и» каждодневно «облачашеся в порфиру», а в душе был покрыт паутиной; дышал благовониями, а исполнен был зловония; предлагал роскошную трапезу, кормил тунеядцев и льстецов, утучнял рабыню — плоть, а госпожу — душу оставлял изнуряться голодом; дом у него был украшен венками, а основание состояло из извести греха; душа была погружена в вине. Итак этот богач имел роскошную трапезу и украшенные венками чаши вина, кормил тунеядцев и льстецов — это непотребное сборище дьявольское, этих волков, которые пленяют многих из богачей, насыщая собственное чрево, устраивают их гибель, великою услужливостию и лестию истребляют их богатство. Не погрешит, кто назовет волками таких людей, которые, выставя богача пред всеми, как овцу, превозносят его похвалами, надмевают величаниями, и не дают ему увидеть собственную рану, но ослепляют его ум и увеличивают его гнилость. Потом, как наступит перемена обстоятельств, эти друзья убегают, и остаемся состраждущими мы, обличающие, а те притворныя личности скрываются, как это и ныне часто бывает.

5. Итак этот богач кормил тунеядцев и льстецов, обратил дом свой в театр, наполнял каждого вином, жил в великом благоденствии; а другой некто Лазарь, покрытый ранами, сидел у ворот богача и желал крупы от трапезы его. Возле источника он томился жаждою; подле

изобилия голодал. И где он брошен был? Не на распутии, не на улице, не в переулке, не среди площади; но в воротах богача, которыми этот должен был и входить и выходить, дабы не говорил: я не видал, не заметил, мои глаза не досмотрели. При входе твоём лежит жемчужина в грязи, и ты не видишь? Врач у ворот, и ты не лечишься? Кормчий в пристани, и ты терпишь кораблекрушение? Кормишь тунеядцев, а бедных не питаешь? Это было тогда; но бывает и теперь. Для того и написано это, чтобы потомки научились от этих событий и не подверглись тому, чему подвергся богач. Итак лежал в воротах бедный, бедный по внешности, но богатый внутренне; лежал покрытый ранами на теле, как сокровище, у которого наверху терния, а внизу жемчужины. Какой ему вред от болезни тела, когда душа здорова? Пусть слышат это бедные, и не сокрушаются унынием; пусть слышат богатые, и отстанут от нечестия. Для того и предложены нам эти два образца, богатства и бедности, жестокости и мужества, любостыжательности и терпения, чтобы ты, когда увидишь бедного в ранах и пренебрежении, не называл его жалким, и, когда увидишь богатого в блеске, не считал его блаженным. Прибегай к этой притче; когда будет смущать тебя колебание помыслов, беги в эту пристань; получи утешение от этого повествования; представь Лазаря пренебрегаемого, представь богача благоденствующего и наслаждающегося роскошью, и никакое событие в жизни пусть не смущает тебя. Если ты будешь иметь верное суждение, то не потопят тебя волны; не погрузится ладья твоя, если благоразумным суждением будешь различать свойства вещей. Для чего ты говоришь мне: тело мое в бедственном положении? Был бы ум твой не поврежден. Такой-то богат и нечестив: что же такое? Нечестие не подлежит чувствам. Не суди о человеке по внешности, но по внутренним его качествам. Когда ты видишь дерево, что рассматриваешь в нем — листья, или плод? Так и в отношении к человеку; когда видишь человека, то суди о нем не по внешним, а внутренним его качествам, рассматривай плод, а не листья: не дикая ли это маслина, хотя и считается настоящею маслиною; не волк ли это, хотя и считается человеком. Узнавай человека не по (телесной его) природе, но по произволению, не по виду, но по образу мыслей; и не только по образу мыслей, но разведай и жизнь его. Если он нищелюбив, то он — человек; если же предан торговым оборотам, то он — дуб; если свиреп сердцем, то он — лев; если хищник, то — волк; если коварен, то — аспид. Но скажешь: я человека ищу; для чего же ты показываешь мне зверя вместо человека? — Познай, в чем состоит доблесть человека, и не смущайся. Итак Лазарь лежал при воротах, покрытый ранами, мучимый голодом. Псы приходили и лизали раны его: псы были человеколюбивее человека, лизали раны Лазаря, снимали и очищали гной. А он лежал, поверженный, как золото в печи, делаясь более блестящим; не говорил, как говорят многие из бедных: это ли промышление? — разве Бог взирает на дела человеческия? Я при праведности беден; а этот при неправедности богат. Ничего подобного он не помыслил, но предавался непостижимому человеколюбию Божию, очищая свою душу, перенося страдания, являя терпение; лежа телом, но стремясь умом, окрыляясь мыслию, готовясь получить награду, удалившись от зла и сделавшись образцом добра. Он не говорил: тунеядцы наслаждаются до излишества, а я не устаиваюсь и крупниц; но что? Благодарил и прославлял Бога. «Бысть же умрети им». Умер богач, и был похоронен; отошел и Лазарь; не скажу: умер; потому что смерть богача была действительно смертию и погребением, а смерть бедного — отношением и представлением к лучшему, переходом с поприща борьбы к наградам, из моря в пристань, от сражения к торжеству, от подвигов к венцу. Отошли оба туда, где предметы имеют истинный вид; театр закрылся и маски сняты. На здешнем театре в самый полдень употребляются завесы, и многие являются на сцене в чужом виде и с масками на лице, пересказывают старую басню и повествуют о тогдашних делах; иной представляется философом, не будучи философом; иной царем, не будучи царем, но только имея вид царя по содержанию басни; иной — врачом, не умея управиться и с деревом, но только

надевши платье врача; иной — рабом, будучи свободным; иной — учителем, не зная и грамоты; представляются не тем, что они суть на самом деле, а что они действительно, тем не показываются: показывается врачом тот, кто вовсе не врач; показывается философом тот, кто только на маске имеет философскую прическу; показывается воином тот, у кого только платье воина; но как ни обманчив вид маски, он не изменяет природы, которой действительность извращает; маски держатся, пока увеселяющиеся сидят (в театре); но когда наступит вечер, театр закроется, и все разойдутся, тогда маски сбрасываются и кто в театре представлялся царем, вне его оказывается медником; маски сброшены, обман прошел, открылась истина: и оказывается вне театра рабом, кто внутри его представлялся свободным; внутри (театра), как я сказал, обман, а вне — истина; настал вечер, кончилось зрелище — и открылась истина. Так и в жизни и при кончине. Настоящее — театр; здешние предметы — обманчивая внешность, и богатство, и бедность, и власть, и подвластность, и тому подобное; а когда окончится этот день и наступит та страшная ночь, или лучше — день: ночь для грешников, а день для праведников; когда закроется театр; когда обманчивые виды будут отброшены; когда будет судим каждый с своими делами, не с богатством своим, не с властью своею, не с почестями и могуществом своим, но каждый с делами своими — и начальник и царь, и женщина и мужчина; когда (Судия) спросит нас о жизни и добрых делах, а не о важности званий, не о низком состоянии бедности, не о высоком состоянии надменности, (и скажет): подай Мне дела, хотя ты был раб, лучшая чем у свободного, хотя ты была женщина, более мужественная, чем у мужчины; когда отброшены будут обманчивые внешности: тогда обнаружится и богатый и бедный. И как здесь, по окончании театра, иной из сидевших вверху, увидев в театральном философе медника говорить: э, не был ли этот в театре философом? — а теперь вижу его медником; этот не был ли там царем? — а здесь вижу в нем какого-то низкаго человека; этот не был там богачем? — а здесь вижу его бедным; так будет и там.

6. Не распространяю речи, чтобы слушателя не привести в замешательство обилием сказанного; но хочу представить обманчивость зрелища только в двух лицах. Я представлял два лица, чтобы чрез них проложить вам дорогу и дать направление. Я расширил мысль вашу изображением настоящей жизни, чтобы каждый мог познать различие вещей. Итак два лица: одно представлял богатый, а другое бедный; лице бедного — Лазарь, лице богатаго — богач; видимые предметы — мнимые лица, а не действительные. Оба они отошли туда, и богатый и бедный; Лазаря приняли ангелы, после псов — ангелы, после ворот богача — лоно Авраамово, после голода — нескончаемое изобилие, после скорби — непрестанная радость; а богача после богатства постигла бедность, после роскошной трапезы — наказание и мучение, после наслаждений — невыносимая скорби. И посмотри, что делается: они отошли туда — и зрелище прекратилось, маски сняты — и являются наконец действительные лица. Оба они отошли туда, и богач, сгорая в огне, видит Лазаря в лоне Авраамовом, благодуществующим, наслаждающимся, веселящимся, и говорит: «отче Аврааме! Посли Лазаря, да концем перста своего устудит язык мой, яко стражду во пламени». Что же Авраам? «Чадо! восприял еси благая твоя и Лазарь злая своя; и ныне сей утешается, ты же страждеши. И над всеми сими между нами и вами пропасть утвердися, яко да хотящие прейти отсюда к вам, не возмогут» ([Лук. XVI:24—26](#)). Будьте внимательны, потому что слово об этом полезно: оно устрашает, но и очищает; огорчает, но и исправляет. Прими то, что говорится. Богач, находясь в муках, взглянул и увидел Лазаря, — увидел новые предметы. В твоих воротах был он каждый день; не раз ты входил и выходил, и не видел его; а теперь, находясь в пламени, видишь издали? Когда ты жил в богатстве, когда в твоей воле было видеть, ты не хотел видеть его: от чего же теперь ты так зорко видишь? Не в воротах ли твоих он был? Как же ты не видел его? Вблизи не видел его, а теперь издали видишь, когда между вами такая пропасть? И что он делает? Авраама называет

отцем! Как ты называешь отцем того, кому не подражал в гостеприимстве? Этот называет его отцем, а тот его — чадом; имена родственные, но помощи никакой. Впрочем (Господь) произносит эти названия, чтобы вы знали, что от родства нет никакой пользы. Благородство не в знатности предков, но в добродетельных нравах. Не говори мне: отец у меня консул. Что мне в этом? Не о том речь; отнюдь не говори мне: отец у меня консул. Хотя бы твоим отцом был апостол Павел, а братьями мученики, но если ты не подражаешь их добродетели, то нет тебе никакой пользы от такого родства, а скорее оно повредит тебе и послужит к осуждению. Мать моя, говоришь, милосердная. А что от этого тебе безчеловечному? Ея человеколюбие увеличивает виновность твоего злонравия. Что говорит Иоанн Креститель к народу иудейскому? «Сотворите плоды достойны покаяния и не начинайте глаголати: отца имамы Авраама» ([Лук. III:8](#)). Ты имеешь знаменитого предка? Если ты будешь подражать ему, то получишь пользу; но если не будешь подражать, то знаменитый предок будет твоим обвинителем, за то, что ты от добраго корня вышел горьким плодом. Никогда не называй блаженным человека, имеющего родственником праведника, если он не подражает его нравам. Мать у тебя святая? Тебе ничего от этого. Мать у тебя порочная? И из этого тебе ничего. Как добродетель той не приносит тебе пользы, если не подражаешь ей добродетели: так и порочность этой не вредит тебе, если ты не предан порокам. Как там больше осуждения тебе, потому что, имея у себя образец, ты не подражал добродетели; так и здесь больше тебе похвалы, что, имея порочную мать, ты не подражал ея порокам, но от горькаго корня вышел сладким плодом. Не знаменитость предков требуется от нас, а добродетельный образ жизни. Я и раба назову благородным, и господина достойным цепей, когда узнаю образ жизни; и знатный для меня не благороден, если имеешь рабскую душу; ибо кто действительно раб, кроме совершающего грехи? Другое рабство зависит от неблагоприятных обстоятельств; а это рабство заключается в развращении сердца; так как и в начале отсюда произошло рабство.

7. В древности не было раба; Бог, созидая человека, сотворил его не рабом, но свободным. Он сотворил Адама и Еву, и оба они были свободны. Откуда же произошло рабство? Род человеческий уклонился от праваго пути, и, преступив меру в желаниях, дошел до развращения; а как это, послушай. Настал потоп, общее крушение вселенной, отворились окна (небесныя) и разверзлись бездны ([Быт. VII:10](#)), все стало водою, все видимое разложилось на стихии и разлилось, земли не видно было, но все стало морем, на основании гнева Божия; повсюду были волны, повсюду моря; высоко поднимались горы, но море и их покрыло; и было только море и небо; род человеческий погиб, и осталась лишь искра рода нашего — Ной, искра посреди моря, однако не погасшая, заключающая в себе начатки рода нашего, жену и детей, с голубем и вороном и всеми прочими существами. И были все внутри ковчега, а ковчег носился поверх воды среди бури, и не подвергся крушению; потому что кормчим его был Владыка всего; не доски спасли, а крепкая десница (Божия). И посмотри на чудо. Когда омылась земля, когда потреблены были делавшие зло, когда укротилась буря — явились верхи гор, ковчег сел, Ной выпустил голубя. Но в изложенном событии заключались тайны; прошедшее было прообразом будущаго; именно: ковчег — церковь, Ной — Христос, голубь — Дух Святой, масличная ветвь — человеколюбие Божие. Кроткое животное было выпущено и удалилось от ковчега; но то образ, а ныне — истина; посмотри же на превосходство истины. Как ковчег спасал среди моря бывших внутри его, так и церковь спасает всех блуждающих; но ковчег только спасал, а церковь делает нечто большее; например: ковчег принял в себя безсловесных, — и спас их безсловесными; церковь приняла неразумных людей, и не только спасает их, но и преобразует; ковчег принял ворона, и выпустил ворона; церковь принимает ворона, а выпускает его голубем; принимает волка, а выпускает его овцой. Когда войдет сюда человек хищный, корыстолюбивый, и послушает вещаний божественнаго учения, то переменяет образ мыслей и из волка делается

овцой: волк похищает и чужое, а овца уступает и свою шерсть... Ковчег остановился и отворились его двери; Ной вышел, спасшись от потопления, и увидел землю опустошенную, увидел гробницу, образовавшуюся из грязи, общую гробницу для скотов и людей, в которой все тела лошадей, и людей, и всякого безсловесного скота, вместе были зарыты. Посмотрел он на это печальное зрелище, посмотрел на землю, преисполненную бедствий, и впал в великое уныние; все погибли; ни человек, ни скот, ни другое какое-либо из существ, оставшихся вне ковчега, не спаслись; он видел только небо. Мучимый унынием и удручаемый скорбью, он выпил вина, и предался сну, чтобы облегчилась рана уныния. Лежал он на ложе, предавшись сну, как врачу, чтобы произвести в уме забвение о случившемся, как это бывает с состарившимся, пьющим вино и предающимся сну. Надобно сказать в оправдание праведника, что случившееся с ним произошло не от пьянства и страсти; но он просто врачевал свою рану. Так и Соломон говорил: «дадите сикера сущим в печалех, и вино пити сущим в болезнях» ([Притч. XXXI:6](#)). Посему многие из людей, особенно во время похорон, когда кто лишится сына или жены, когда скорбь терзает, и уныние одолевает, и сознание этого оказывает свою силу, берут друзей в дом свой и устрояют обильный пир, и подается вино опечаленному, чтобы облегчилась рана его. То же случилось тогда и с этим старцем: мучимый унынием, он употребил вино, как лекарство, и от вина склонился ко сну. Но вам надобно узнать, откуда произошло рабство. Спустя немного времени вошел проклятый сын его, сын его по природе, а не сын по нраву (опять называю благородством не знатность предков, но добродетельный нрав); вошедши, сын увидел наготу отца. Следовало бы прикрыть ее, накрыть платьем, ради старости, ради горя, ради несчастья, ради того, что это — отец его; а он вышедши разгласил и сделал из того печальное зрелище. Но прочие его братья, взяв одежду, вошли, смотря назад, чтобы не видеть того, о чем тот разглашал, и прикрыли отца. Отец вставши узнал все, и начал говорить: «проклят Ханаан отрок: раб будет братьям своим» ([Быт. IX:25](#)). Смысл слов его такой: ты будешь рабом, потому что обнаружил срамоту отца своего. Видишь ли, что рабство — от греха, что от нечестия произошло рабство? Хочешь ли, я покажу тебе освобождение от рабства? Был некто Онисим, раб, презренный беглец; он убежал и пришел к Павлу, принял крещение, омыл грехи и остался у ног апостола. Павел пишет к господину его: «Онисима, иногда тебе непотребного, ныне же тебе и мне благопотребна, приими сего, якоже мене». Что же произошло? «Егоже родих во узах моих» ([Филим. ст. 10—12](#)).

8. Видишь ли благородство? Видишь ли, что нрав доставляет свободу? Раб и свободный — суть простыя названия. Что такое раб? Одно название. Сколько господ лежат пьяные на постеле, а слуги стоят подле них трезвые! Кого же назвать рабом, — трезваго, или пьянаго? Раба ли, служащего человеку, или пленника страсти? У того рабство внешнее; а этот внутри себя носит невольничество. Говорю это, и не перестану говорить, чтобы вы имели понятие о вещах, соответствующее природе их, и не увлекались заблуждением толпы, но знали, что такое раб, что бедный, что неблагородный, что блаженный, что страсть. Если вы научитесь различать это, то не подвергнетесь никакому смятению. Впрочем, чтобы слово, слишком распространяясь, не уклонилось к постороннему, обратимся к предмету. Итак этот богач наконец стал бедным; или лучше, он был беден и тогда, как был богат. Ибо что пользы человеку, если он имеет чужое, а своего не имеет? Что пользы человеку приобрести деньги, и не приобрести добродетели? Для чего ты берешь чужое, а свое теряешь? Я имею, скажешь ты, землю плодоносную? Что же такое? Но не имеешь души плодоносной. Имею рабов? Но не имеешь добродетели. Имею одежды? Но ты не приобрел благочестия. Чужое имеешь, а своего не имеешь. Если бы кто верил тебе залог, разве я мог бы назвать тебя богатым? Никак. Почему? Потому, что ты владеешь чужим; потому, что это — залог; и о, если бы это было только залогом, а не прибавлением к твоему наказанию! Итак, богач, увидев Лазаря, говорит: «отче Аврааме,

помилуй мя» ([Лук. XVI:24](#)). Слова бедного, нищего, убогаго! «Отче Аврааме, помилуй мя». Чего ты хочешь? «Посли Лазаря». Мимо кого тысячу раз ты проходил, на кого и взглянуть не хотел, того теперь просишь послать к тебе для спасения? «Посли Лазаря». А где теперь твои виночерпии? Где ковры? Где тунеядцы? Где льстецы? Где надменность? Где гордость? Где закопанное золото? Где одежды, изъеденные молью? Где серебро, почитаемое тобою? Где блеск и наслаждение? То были листья; настала зима — и все они посохли; то было сновидение; наступил день — и сновидение улетело; то была тень; пришла действительность — и тень исчезла. «Посли Лазаря». Но почему богач видит не другого какого праведника, не Ноя, не Иакова, не Лота, не Исаака, но Авраама? Почему? Потому, что Авраам был странноприимный и привлекал прохожих в свою палатку; любовь его к странникам становится более сильною обвинительницею безчеловечия богача. «Посли Лазаря». Слыша это, возлюбленные, убоимся, как бы и нам, увидев бедных, не пройти мимо их, чтобы вместо одного Лазаря не было у нас тогда многих обвинителей. «Посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой, яко стражду в пламени сем». Но какую мерою мерите, такую возмерится вам ([Матф. VII:2](#)); ты не дал крупиц, не получишь и капли. «Посли Лазаря, да концом перста устудит язык мой, яко стражду во пламени». Что же ему Авраам? «Чадю, восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая своя; и ныне же zde утешается, ты же страдаеши» ([Матф. VII:25](#)). Здесь опять он не сказал: «приял», но: «восприял». Большую разность делает приложение предлога. Много раз говорил я вам, возлюбленные, что надобно нам принимать во внимание и слоги, потому что сказано: «испытайте писаний» ([Иоан. V:39](#)); часто и одна иота или одна черта возбуждает мысль. Если же хочешь убедиться, что и прибавление одной буквы дает мысль, то этот патриарх Авраам прежде назывался Аврамом, и сказал ему Бог: «не будет имя твое Аврам, но Авраам» ([Быт. XVII:5](#)); прибавил букву «а», и сделал его отцем многих народов. Вот, как прибавка одной буквы показала великое благородство (патриарха). Итак не пробегайте этого без внимания. Он не сказал: «приял еси благая твоя», но: «восприял»; а кто восприемлет, тот получает должное ему. Обрати внимание на то, что я говорю. Иное дело — принять, а иное — воспринять. Восприемлют то, что имели; а принимают иногда то, чего не имели. «Восприял еси благая твоя, и Лазарь злая своя». Вот, и богач восприял благая своя, и Лазарь злая своя! Все это сказано мною в виду тех, которые наказываются здесь, а не там, и тех, которые здесь веселятся, а там наказываются. Внимай же тому, что я говорю. «Восприял еси благая твоя, и Лазарь злая своя», — должное им, что следовало им. Обратите внимание на этот предмет, а я (по пословице) «спешу к месту, дай мне окончить ткань». Но не смущайтесь при самом начале: когда я говорю что-нибудь подобное, подождите конца. Хочу изошрить ваш взор, и не поверхностно занимать вас, но низвести в глубину божественных Писаний, в глубину, недоступную бури, глубину более безопасную, чем тихая поверхность. Чем ниже спустишься, тем большую найдешь безопасность; потому что здесь не беспорядочное волнение вод, а стройное расположение мыслей. «Восприял еси благая твоя, и Лазарь злая своя; и ныне же zde утешается, ты же страдаеши». Здесь — важный предмет для исследования. Я сказал, что восприемлет тот, кто получает должное. Что Лазарь был праведен, как и действительно был, это показали лоно Авраамово, венец, награды, покой, наслаждение, твердость, терпение; но богач был грешник, нечестивый, безчеловечный, преданный удовольствиям и пьянству, предлагавший роскошную трапезу, живший в таком распутстве и непотребстве; почему же ему говорит (Авраам): «яко восприял еси»? Что следовало воздать ему, — человеку богатому, развратному и безчеловечному? Что следовало воздать ему? Почему Авраам не сказал: «приял еси», но: «восприял»?

9. Обрати внимание на эти слова: ему следовали мучения, ему следовали наказания, ему следовали скорби. Почему же не сказал (Авраам): ты принял их, но: «восприял еси благая своя

прежняя», т. е. ту жизнь, «и Лазарь злая своя»? Напряги же ум твой; я спускаюсь в глубину мыслей. Из всех существующих людей одни — грешники, другие — праведники. Заметь различие между праведниками; один праведен, а другой еще праведнее; выше стоит этот, а иной и его превосходит. И как есть много звезд, и солнце, и луна; так есть различие и в праведниках; «ина слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам» ([1 Кор. XV:41](#)); одне выше славою, а другия ниже. Каковы тела небесныя, таковы и тела земныя. И как между этими телами иное — олень, иное — собака, иное — лев, иное — какой-нибудь другой зверь, иное — аспид, иное еще что-нибудь подобное: так есть различие и в грехах. Итак между людьми одни праведные, другие грешные; но и между праведниками великое различие, и между грешниками великое и безпредельное. Послушай же: хотя бы кто был праведен, хотя бы был тысячу раз праведен и достиг до самой вершины, так что отрешился от грехов, он не может быть чист от скверны; хотя бы он был тысячу раз праведен, но он — человек. «А кто похвалится чисто имети сердце; или кто дерзнет рещи, чиста себе быти от грехов» ([Притч. XX:9](#))? Посему и повелено нам говорить в молитве: «остави нам долги наша» ([Матф. VI:12](#)), чтобы мы, постоянно употребляя эту молитву, вспоминали, что мы там подлежим наказаниям. Даже Павел апостол, сосуд избранный, храм Божий, уста Христовы, лира Духа, учитель вселенной, обошедший землю и море, исторгший терния грехов, посеявший семена благочестия, тот, который был богаче царей, могущественнее богачей, сильнее воинов, мудрее философов, красноречивее риториков, который, ничего не имея, обладал всем, тению своею разрешал узы смерти, одеждами своими прогонял болезни, поставил трофеи на море, восхищен был до третьяго неба, входил в рай и проповедал Христа Бога, — и он говорит: «ничесоже в себе всем, но ни о сем оправдаюся» ([1 Кор. IV:4](#)), — он, который стяжал так много и таких добродетелей, говорит: «востязуяй же мя Господь есть». Итак, «кто похвалится чисто имети сердце; или кто дерзнет рещи, чиста себе быти от грехов»? Невозможно человеку быть безгрешным. Что ты говоришь: такой-то праведник, милосерд, нищелюб? Но и он имеет какой-нибудь недостаток: или обижает несправедливо, или тщеславится, или делает другое что-нибудь подобное; нет нужды исчислять все. Иной милосерд, но часто не целомудрен; а иной и целомудрен, но не милосерд; этот славится одною добродетелию, а тот — другою. Пусть будет кто-либо праведен, но часто и праведный, имеющий все добродетели, и начинал гордиться этою праведностию, и гордость вредила его праведности. Фарисей, постившийся дважды в неделю, не был ли праведен? А что он говорит? «Несмы, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы» ([Лук. XVIII:11](#)). Нередко человек с чистою совестью впадает в гордость; и если не повредил ему грех, то вредит гордость. Не может человек быть совершенно праведным так, чтобы быть чистым от греха; и с другой стороны не может ни один человек быть столь злым, чтобы не иметь какого-нибудь, хотя малаго, добра. Например: такой-то похищает, предается любостыжанию, вредит; но иногда подает милостыню, иногда бывает целомудрен, иногда говорит доброе слово и хотя одному человеку оказал помощь, иногда плакал, иногда сокрушался. Таким образом нет праведника без греха; нет и грешника без всякаго добра. Что было нечестивее Ахава? Он сделал и похищение и убийство: однако, так как он стал сокрушаться, Бог говорит Илии: «видел ли еси, како умилися Ахав» ([3 Цар. XXI:26](#))? Видишь ли в какой бездне грехов нашлось еще некоторое малое добро? Что хуже Иуды предателя, пленившагося сребролюбием? Однако и он сделал потом некоторое, хотя малое добро: «согреших», говорит он, «предав кровь неповинную» ([Матф. XXVII:4](#)). Порочность, как я говорил, не такова по свойству своему, чтобы добродетель при ней не имела места. Овца никогда не может быть свирепою, потому что она от природы кротка; волк никогда не может сделаться кротким, потому что он свиреп от природы. Законы природы не нарушаются и не колеблются, но остаются неизменными. Но во мне этого нет; я бываю и свирепым, когда захочу, и кротким, когда пожелаю, потому что я не связан природою, но одарен свободным

произволением. Итак нет, как сказал я, ни столь доброго человека, который бы не имел ни малаго пятна, и нет столь злого, который бы не имел ни малаго доброго. Так, за все есть воздаяние, и за все есть возмездие; хотя бы кто был убийца, хотя бы нечестивец, хотя бы корыстолюбец, но сделал что-нибудь доброе, будет ему воздаяние за это доброе, и за пороки, которые он совершил, доброе не останется без награды. Также, хотя бы кто совершил тысячу добрых дел, но сделал что-нибудь худое, будет ему возмездие за это худое. Удержи это, соблюди твердо и непоколебимо: нет доброго человека без греха, нет и злого без добродетели. Повторяю опять то же, чтобы укоренить это, чтобы насадить и положить в глубине души вашей. Дьявол наводит на душу какия-нибудь заботы, чтобы ввести ваш ум в заблуждение и изгладить из него слова мои; поэтому я внедряю их в глубину. Если здесь сбережешь их верно, то, и вышедши отсюда, не можешь утратить их. Как, положив золото в кошелек, я завязываю и запечатываю его, чтобы вор и в мое отсутствие не взял золота; так я поступаю и относительно вас, возлюбленные: непрерывным повторением учения закрепляю и запечатываю, ограждаю ваш ум, чтобы он не растерялся от беспечности, но чтобы мне, лучше сохранив его, здешнею тишиною отклонить внешнее смятение. Итак сказанное мною есть не многословие, но слова заботливости, любви и желания учителя, чтобы слова его не пропали. Говорить об этом «мне убо неленостно, вам же твердо» ([Филип. III:1](#)). Я хочу научить, а не просто показать себя. Итак нет праведника, который бы не имел греха, и нет грешника, который бы не имел добра, а так как есть воздаяние за все, то смотри, что бывает. Грешник получает за добрыя свои дела соразмерное воздаяние, как бы ни было мало его добро; и праведник получает за грех свой соразмерное осуждение, хотя бы сделал какое-нибудь малое зло. Что же бывает, и что делает Бог? Он определил быть возмездием за грех и в настоящей жизни, и в будущем веке. Если кто праведен, но сделал что-нибудь худое и, пострадав здесь, подвергся наказанию, ты не смущайся, но подумай в самом себе и скажи: этот праведник когда-нибудь сделал какой-либо малый грех, и получает возмездие здесь, чтобы там не быть наказанным. Опять, если увидишь грешника, предающагося хищению и корыстолюбию и делающаго множество зла, и однако благоденствующаго, то подумай: он сделал когда-нибудь нечто доброе, и получает здесь блага, чтобы там не требовать награды. Так и праведник, если терпит какое-нибудь бедствие, то получает возмездие здесь, чтобы здесь сложить с себя грех, и отойти туда чистым; и грешник, преисполненный зла, имеющий множество неисцельных болезней, предающийся хищению и корыстолюбию, для того наслаждается здесь благоденствием, чтобы там не требовать награды. Так как и Лазарю случалось совершать некоторые грехи, и богачу нечто доброе, поэтому Авраам и говорит: здесь ничего не ожидай: «восприял еси благая твоя там, и Лазарь злая своя». А чтобы тебе убедиться, что я не без основания говорю это, но что действительно так, (Авраам) говорит: «восприял еси благая твоя». Какия? Ты сделал какое-нибудь добро? За то и «восприял» свое богатство, здоровье, веселье, власть, честь: тебе ничего уже не следует в воздание; «восприял еси благая твоя». А Лазарь ни в чем не согрешил? Нет, согрешил, и «восприял злая своя». Когда ты получал «благая», тогда и Лазарь — «злая»; поэтому «ныне» он «утешается, ты же страждеши». Итак, когда увидишь, что праведник наказывается здесь, почитай его блаженным, и говори: этот праведник или сделал грех и наказывается за него, и отходит туда чистым, или наказывается сверх меры грехов его, и избыток праведности вменится ему. Там бывает расчет, и говорит Бог праведнику: моего у тебя столько-то; например, Бог вверяет ему десять оболов, и в счет ему ставит десять оболов. Если же он употребит на дело шестьдесят оболов, то Бог говорит ему: десять оболов засчитываю тебе за грех, а пятьдесят вменяю в праведность. А чтобы тебе убедиться, что остальное вменяется ему в праведность, (припомни): Иов был праведен, непорочен, справедлив, благочестив, удалялся от всякаго порочнаго дела; но тело его наказано было здесь, чтобы там он мог требовать наград; ибо что говорит ему Бог?

«Мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив» ([Иов. XL:3](#))? Итак, если и мы покажем терпение, подобное терпению праведных, если и мы покажем искусство, соразмерное с добродетельною их жизнью, то получим блага, уготованная святым, любящим Бога, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Слово против тех, которые ушли на воинския ристалища, и о евангельском изречении: «внидите узкими вратами, яко пространная врата и широкий путь вводят в пагубу, и мнози суть входящие им» ([Мф. VII:13](#)), а к концу о богатом и Лазаре

1. Хочу опять приняться за обычное учение и предложить вам духовную трапезу; но медлю и удерживаюсь, видя, что вы не извлекаете никакого плода из непрестанного учения. И земледелец, после того, как щедрою рукою бросит семена в недра земли и не увидит произрастаний, соответственным трудам, уже не с прежнею охотою принимается за обработку земли; потому что всегда надежда на плодородие облегчает тяжесть трудов. Так и я легко бы перенес этот великий труд учения, если бы знал, что от моего увещания что-нибудь прибавляется для вашей пользы. А теперь, когда я увидел, что, после столь многих моих увещаний, после столь многих внушений и угроз (ибо я не переставал постоянно напоминать вам о страшном судилище и неизбежных наказаниях, и об огне неугасающем, и о черве неумирающем), некоторые из слышавших это (не против всех изрекаю осуждение, да не будет!), забыв все это, опять предались сатанинскому зрелищу конского ристалища, с какою еще надеждою примусь за те же труды и предложу им это духовное учение? Видя, что они не извлекают отсюда никакой для себя пользы, но просто по привычке и рукоплещут словам моим, и показывают будто с удовольствием принимают мои слова, а после того опять бегут на конское ристалище и еще больше и с неудержимым неистовством рукоплещут возницам, и с великою стремительностью стекаются, часто препираются между собою и говорят: этот конь не хорошо пробежал, а тот споткнувшись упал, и один берет сторону того возницы, другой — другого, а никогда не подумают и не вспомнят о моих словах, ни о духовных и страшных таинствах, здесь совершаемых, но, как бы плененные сетями диавола, проводят там целые дни, предаваясь сатанинскому зрелищу и выставляя себя на позор и иудеям и язычникам, и всем, кто хочет осмеивать наше (учение), — кто, хотя бы он был совсем каменный или безчувственный, может перенести это без скорби, а не только мы, старающиеся показать отеческое о всех вас попечение? Нас печаливает не только то, что наш труд оказывается для вас бесполезным, но гораздо более мы сокрушаемся, когда помыслим о том, что так поступающие навлекают на себя тягчайшее осуждение. Мы за труды свои ожидаем награды от Владыки; так как сделали все свое — предложили серебро, раздали вверенный нам талант и не опустили ничего, что следовало нам сделать; но получившие это духовное серебро какое будут, скажи мне, иметь оправдание, какое прощение, когда потребуются от них не только это серебро, но и прибыль от него? Какими глазами они будут смотреть на Судию? Как они перенесут тот страшный день, те нестерпимые казни? Разве они могут сослаться на неведение? Каждый день мы взываем, увещиваем, убеждаем, показываем гибельность обольщения, великость вреда, обманчивость сатанинского празднества, и однако не могли тронуть вас! Но что я говорю о том страшном дне? Займемся пока здешним. Как, скажи мне, могут участвовавшие в том сатанинском зрелище придти сюда с дерзновением, когда их совесть возстает против и вопиет громко? Или не слышат они, что говорит блаженный Павел, учитель вселенной: «кое общение свету ко тьме, или кая часть верну с неверным» ([2 Кор. VI:14, 15](#))? Какого не заслуживает осуждения то, что верный, участвовавший в совершаемых здесь молитвах и страшных таинствах и духовном учении, после здешняго священнодействия уходит и садится на сатанинском зрелище вместе с неверным, — с блуждающим во мраке нечестия озаренный светом Солнца правды? Как же, скажи мне, можем мы заградить уста язычникам или иудеям? Как станем вразумлять их и убеждать обратиться к

благодетелию, когда они видят, что принадлежащие к нашему обществу смешиваются с ними на этих гибельных и всякой мерзости исполненных зрелищах? И для чего, скажи мне, ты, побыв здесь и очистив ум и настроив душу к бодрствованию и сокрушению, уходишь туда и снова оскверняешься? Или не слышишь, что говорит один премудрый: «един созидая, а другой разоряя, что успеет более, токмо труд» ([Сир. XXXIV:23](#))? Тоже бывает и теперь. Когда построенное нами здесь посредством непрестанного учения и увещания духовного, ты, ушедши туда, все вдруг разрушишь и сравнишь, так сказать, с землею: какая польза в том, что мы снова созидаем здание, а вы снова разрушаете? Не крайне ли это безразумно и безумно? Скажи мне: если бы ты увидел, что кто-нибудь делает это с вещественными зданиями, строяемыми из камней, то не смотрел ли бы ты на него, как на безумного, который тщетно и напрасно трудится и тратит все свои средства не надлежащим образом? Так же рассуждай и заключай и об этом духовном строении. Вот я, с тех пор как поставлен на это (служение) благодатию Божию, каждый день воздвигаю в высоту это духовное здание, и стараюсь привести вас к учению о добродетели; а некоторые из приходящих сюда возведенное с великим трудом строение, по неизъяснимому легкомыслию, в одну минуту времени, почти собственными руками, разрушают до основания, причиняя чрез то мне великую скорбь, а себе величайший вред и невыносимую потерю.

2. Может быть я сделал слишком строгое обличение; оно слишком строго по моей любви к вам, но по важности прегрешения еще не довольно сильно. Впрочем, так как должно подавать руку и падшим, и являть отеческую заботливость о дошедших до такой беспечности, то я и теперь не отчаиваюсь в их спасении, только бы они решились не впадать опять в те же проступки, не простираť дальше свою беспечность и отказаться от хождения на конския ристалища и от всякаго подобнаго сатанинскаго зрелища. Мы имеем человеколюбиваго, кроткаго и попечительнаго Владыку, Который, зная немощь нашей природы, когда мы, по беспечности преткнувшись, впадем в какой-нибудь грех, требует от нас только того, чтобы мы не отчаивались, но отстали от греха и поспешили к исповеданию. И если мы сделаем это, Он обещает нам скорое помилование; ибо сам Он говорит: «еда падаяй не востает; или отвращаяйся не обратится» ([Иер. VIII:4](#))? Итак, зная это, не будем невнимательными к человеколюбивому Владыке, но преодолеем вредную привычку, и не будем ходить пространными вратами и широким путем, как сегодня слышали вы от общаго всех Владыки, Который в евангелии предлагает такое увещание: «внидите узкими враты; яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им» ([Матф. VII:13](#)). Слыша о пространных вратах и широком пути, не обольщайся таким началом, и не смотри на то, что многие идут по этому пути, но помысли о том, что в конце он делается тесным. И о том разумно подумай, что здесь говорится не о чувственных вратах и не просто о пути, но предлагается увещание касательно всей жизни нашей, и касательно добродетели и порока. Потому Господь и начал речь словами: «внидите узкими враты», называя так врата добродетели; потом, сказав: «внидите узкими враты», объясняет нам и причину, по которой Он делает такое увещание. Хотя, говорит Он, и тесны эти врата и весьма трудно войти в них, но если немного потрудитесь, то выйдете на великую широту и простор, который может доставить вам великую отраду. Итак, говорит Он, не смотрите на то, что эти врата тесны, пусть не смущает вас начало, и теснота входа пусть не делает вас нерадивыми; потому что пространная врата и широкий путь ведут к погибели. Так многие, обольстившись началом и входом, и не посмотрев наперед, что будет далее, пришли к погибели! Посему Он и говорит: «яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им». И справедливо назвал Он пространными врата и широким путем, ведущие к погибели. Те, которые спешат идти на конския ристалища и на другия сатанинска зрелища, небрегут о целомудрии, нисколько не пекутся о добродетели, хотят распутствовать,

предаются веселию и пресыщению, каждодневно истощаются безумною и неистовою страстию к деньгам и прилепляются к делам настоящей жизни, действительно идут пространными вратами и широким путем; когда же они, далеко ушедши вперед и собравши себе великое бремя грехов, придут к концу пути изнуренными, то уже не могут идти дальше, так как теснота пути задерживает их, и они, обремененные тяжестью грехов, не в состоянии пройти по нему; потому неизбежно низвергаются в самую пропасть погибели. Какая же польза, скажи мне, прошедшим недолго широким путем, подвергаться вечной погибели, и повеселившимся, так сказать, во сне наказание терпеть в действительности? Подлинно, вся настоящая жизнь в сравнении с ожидающим нас наказанием и мучением есть то же, что сновидение одной ночи. Неужели все это написано для того, чтобы мы только читали? Действием благодати Духа вещания Господа преданы письмени для того, чтобы мы, получая отсюда предохранительныя врачевства против наших страстей, могли избежать угрожающего нам наказания. Посему и тогда Владыка наш Христос, прилагая врачевства, соответствующия ранам, предложил такое увещание: «внидите узкими враты». Узкими назвал Он эти врата не потому, чтобы оне по своему свойству были узки, а потому, что наша воля, наклонная больше к безопасности, считает их узкими. И не для того Он назвал их тесными, чтобы нас отвратить (от них), но для того, чтобы мы, уклонившись от других широких врат и узнав тот и другой пути по их концу, скорее избрали для себя путь тесный.

3. Но, чтобы речь была для всех ясна, теперь, если угодно я представлю таких людей, которые вошли в пространныя врата и шли широким путем, и мы посмотрим, каков был у них конец; представлю и таких, которые вошли узкими вратами и шли скорбным путем, и мы узнаем, каких благ они достигли. Для этого я представлю вам одного из вошедших в пространныя врата, и одного из шедших по пути узкому и скорбному, и докажу истину слов Господа, при посредстве опять той же притчи Господней. Итак, кто это вошедший в пространныя врата, и шедший широким путем? Наперед надобно сказать, кто это такой, и какое пространство пути он прошел, идя по широкому пути, а затем объяснить вам, к какому он пришел концу. Знаю, что вы, как сведущие, уже поняли, что будет сказано; однако и мне необходимо сказать. Припомните же того богача, который каждодневно одевался в порфиру и виссон, устраивал блистательныя пиршества, кормил тунеядцев и льстецов, наливал много вина, пресыщался каждый день, предавался великому веселью, вошел в пространныя врата, и постоянно был в удовольствии и радости житейской. Все к нему притекало, как бы из источников, — многочисленная прислуга, неописанное веселье, телесное здоровье, избыток денег, почет от народа, похвалы от льстецов, и ничто пока не печалило его. Кроме того, что, живя среди такого изобилия в напитках и лакомствах, он не только наслаждался телесным здоровьем и всяким удовольствием, но и мимо беднаго Лазаря, лежавшаго в воротах, покрытого ранами, окруженнаго и облизываемаго псами и терзаемаго голодом, он проходил безжалостно и не подавал ему даже крупиц. Так этот богач, вошедши в пространныя врата, шел по широкому пути веселья, распутства, смеха, утех, объядения, пьянства, изобилия в деньгах, изнеженности в одежде. И долго, во все время настоящей жизни, шел он по широкому пути, не испытывая никакой печали, но постоянно стремясь как бы с попутным ветром; и так как он шел всегда по широкому пути, то и стремился с великою приятностию. Нигде не было ни скал, ни стремнин, ни подводных камней, ни кораблекрушения, ни необычайнаго переворота, но, как бы идя постоянно по твердой и ровной дороге, так он прошел настоящую жизнь; хотя он был каждодневно заливаем волнами пороков, но этого не чувствовал; хотя каждодневно терзаем был гнусными пожеланиями, но еще услаждался этим; хотя был постоянно осаждаем невоздержностию, пресыщением, безумною страстию к деньгам, но нисколько не чувствовал этих зол, и не мог предвидеть, чем кончится его путь: напротив, наслаждаясь только

приятностию настоящего, он и не думал о вечной скорби, но, так сказать, в очаровании шел по широкому пути, стремясь к самой пропасти, которой не мог видеть от великого опьянения. Успех во всех житейских делах, отуманив его ум, ослеплял мысленное око его и он, как потерявший зрение, шел, не зная, куда направляется. А может быть он и не помышлял уже о человеческой природе, видя, что ему не было ни в чем неудачи. Он не только веселился, но и был богат; не только был богат, но и пользовался телесным здоровьем; не только пользовался телесным здоровьем, но и услугами других; и при этой большой услужливости, видя, что все притекает к нему, как бы из источников, жил в непрерывном удовольствии. Видите ли, возлюбленные, какими удовольствиями наслаждался человек, который вошел пространными воротами и шел постоянно по широкому пути? Но никто из слушающих это пусть не решается ублажать его прежде конца, но пусть подождет окончания дел, и тогда произнесет приговор. Теперь, если угодно, я представлю и того, кто вошел узкими воротами и шел скорбным путем, и тогда, посмотрев на конец того и другого, мы произнесем надлежащее мнение о каждом. Кого же другого можно представить теперь, как не Лазаря, который лежал в воротах богача, покрыт был ранами, видел, как языки псов касались язв его, и не имел силы даже прогнать их? Как тот, вошедши пространными воротами, шел по широкому пути; так этот, блаженный (уже называю его блаженным за то, что он решился войти узкими воротами) вошел узкими воротами, во всем противоположными широким. Как тот непрерывно веселился, так этот непрерывно боролся с голодом. Тот, при роскоши и телесном здоровье, наслаждался и избытком денег, и тратил все время в пресыщении и пьянстве; а этот, при голоде, изнуряясь крайнею бедностию, постоянною болезнию и невыносимыми ранами, не имел даже необходимой пищи, но желал крупиц от трапезы богача, и тех не удостоивался.

4. Видишь ли, как этот, вошедши узкими воротами, постоянно шел по тесному пути? Видишь ли, как тот проходил чрез пространная врата и по широкому пути? Посмотрим же на конец их обоих, как тот пришел к тесному концу, а тот к широкому и исполненному великой отрады, чтобы, хорошо узнав это, нам не домогаться всячески широкаго пути и не стараться входить пространными воротами, но искать врат узких и идти по пути тесному, дабы достигнуть добраго и отраднаго конца. Когда пришел конец жизни каждого (богатого и Лазаря), посмотри что говорит (Господь) прежде о том, который шел скорбным путем. «Бысть же умрети нищему, и несену быти ангелы на лоно Авраамле» ([Лк.XVI:22](#)). Может быть, ангелы отводили его, предшествуя ему и окружая его, а после многих скорбей и теснаго шествования препровождая в страну покоя. Видишь ли, какой простор открывается в конце узких врат и теснаго пути? Посмотри потом и на гибельный конец широкаго пути. «Умре же», говорит (Господь), «и богатый, и погребоша его». Никто не предшествует ему, никто не окружает, никто не путеводит его, как Лазаря. Так как он всем этим наслаждался на широком пути, имел много окружавших его и угождавших ему, т. е. льстецов и тунеядцев; то, когда пришел к концу, лишился всего и остался одиноким после многих прежних удовольствий, или лучше, после краткаго довольства и благоденствия; потому что вся настоящая жизнь кратка в сравнении с будущим веком. Итак после кратковременнаго довольства, которым он наслаждался, идя по широкому пути, он вступил в страну тесноты и скорби. Тот покоился на лоне патриарха, получая воздаяние за труды и многия страдания, и после голода, ран и лежания в воротах, наслаждался неизреченною и неизъяснимою отрадою; а этот, после веселья и довольства, после великаго пресыщения и пьянства, подвергшись неизбежному наказанию, страдал в пламени. И, чтобы тот и другой из них на деле узнал, первый — пользу теснаго пути, а последний — вред и гибельность широкаго, они видят друг друга на большом разстоянии. Послушай, как: «и во аде, возвед очи свои, сый в муках, узре Авраама издалеца, и Лазаря на лоне его» ([Лк.XVI:23](#)). Думаю, что богач почувствовал сильнейшую скорбь, когда увидел столь внезапную перемену обстоятельств, как

тот, который лежал в воротах и был тревожим языками псов, пользуется таким дерзновением и пребывает на лоне патриарха, а сам он покрыт таким стыдом, и притом еще горит в огне. Таким образом, видя, что обстоятельства пришли в противоположное состояние, что сам он, так сказать, повеселившись во сне и тению, теперь терпит невыносимое наказание, и что широкий путь и пространная врата привели его к такому тесному концу, а с (Лазарем) произошло противное тому, и он за здешнее терпение наслаждается тамошними неизреченными благами, богач, пришедший в смущение и узнавши по опыту, что он подвергся полному обольщению, избрав широкий путь, обращается с просьбою к патриарху и произносит слова жалкия и исполненные слез. Тот, кто прежде не хотел и обращаться к Лазарю и смотреть на этого бедняка, лежавшаго в воротах, и, можно сказать, гнушался им по причине зловония ран его и по причине собственной изнеженности, в какой постоянно жил он с веселием, теперь умоляет патриарха и говорит: «отче Аврааме, помилуй мя, и послы Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой; яко стражду в пламени сем» ([Лк.XVI:24](#)). Слова эти могли бы привести в жалость; однако он и таким образом не помог себе; потому что исповедание было не своевременное, и молитва приносилась не в надлежащую пору. Пошли, говорит он, Лазаря, этого бедняка, которым прежде я гнушался, которому не уделял и крупниц; в нем я нуждаюсь теперь и ищу того перста, который лизали псы. Видишь ли, как смирило его наказание? Видишь ли, к какому тесному концу привел широкий путь? Он обращается с просьбою не к Лазарю, а к патриарху; и справедливо: потому что на бедного он и взглянуть не смел. Думаю, что он вспомнил о собственном безчеловечии, и, размыслив, как безжалостно поступал с Лазарем, думал, что этот, может быть, не удостоит его даже ответом. Поэтому и не обращается к нему с просьбою, но умоляет патриарха. Однако он и таким образом не получил никакого успеха: так велико зло — неблаговременность и злоупотребление временем жизни, которое дано нам Божиим человеколюбием на дело нашего спасения. Какого адаманта не смягчили бы эти слова и не расположили бы к жалости и состраданию? Однако и при этом патриарх не склоняется на просьбу, но хотя удостоивает его ответом, объясняет ему, что сам он был виновником своих бедствий. Патриарх говорит ему: «чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая; ныне же zde утешается, ты же страждещи. И над всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии прейти отсюда к вам не возмогут, не иже оттуду к нам преходят» ([Лк.XVI:25—26](#)). Страшны эти слова и могут тронуть имеющих ум. Чтобы дать богачу понять, что хотя он с своей стороны оказывает ему сострадание и преклоняется на жалость, видя тяжесть его наказания, но не может ничего сделать к его облегчению, патриарх, как бы оправдывая себя, говорит ему: хотел бы я подать тебе руку помощи, облегчить твои страдания и уменьшить силу мучений, но ты сам заранее лишил себя этого утешения. Посему и говорит: «чадо, помяни». Посмотри на благость патриарха: чадом называет его! Но это хотя и может показать кротость Авраама, однако не доставляет богачу никакой помощи, потому что он предал сам себя. «Чадо», говорит, «помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём». Приведи на мысль прошедшее, не забудь, каким ты наслаждался веселием, каким довольствием, какою пышностию, как провел всю жизнь в пресыщении и пьянстве, думая, что в этом состоит вся жизнь и считая это благами. Он сделал богачу ответ сообразно с его же мнением; ибо не помышляя ни о чем высоком, и не имея пред глазами ожидавших его будущих бедствий, он почитал эти наслаждения благами.

5. И ныне многие из пристрастившихся к роскоши и пресыщению, когда хотят выразить весьма великое довольство, имеют обычай говорить: мы имеем много благ. Не называй, человек, только эти вещи благом, рассуждая так, что оне даны от Владыки на то, чтобы мы, пользуясь ими с умеренностию, поддерживали жизнь и подкрепляли немощь тела, но — есть другия истинныя блага. Ничто из здешняго не есть благо — ни веселие, ни богатство, ни драгоценная

одежда, но все это имеет только название блага. Что я говорю: имеет только название блага? Часто эти предметы бывают еще причиною нашей гибели, когда мы будем пользоваться ими не надлежащим образом. Так богатство тогда было бы благом для обладателя, когда бы он тратил его не на веселье только, не на пьянство и вредныя удовольствия, но, умеренно пользуясь весельем, остальное раздавал бы бедным на пропитание: тогда богатство — благо! Если же кто будет предаваться веселью и другому распутству, то богатство не только не принесет ему никакой пользы, но и низведет его в глубокую пропасть, что и случилось с этим богачем. Посему патриарх и говорит ему: «чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём». Что считал ты истинными благами, то и восприял; «и Лазарь такожде злая»; — не потому, чтобы Лазарь считал это злом, — да не будет! — но применительно ко мнению богача сказал (Авраам) и эти слова. Ибо он составил себе такое мнение, что богатство, веселие, пресыщение и изнеженность считал благами, а бедность, голод и тяжкую болезнь признавал злом. Посему, как сам ты полагал, имея такое ложное суждение, то припомни, что ты, согласно твоему мнению, восприял эти блага, когда шел по широкому и пространному пути, и Лазарь — зло, также по твоему суждению, когда он шел узкими воротами и тесным путем. Между тем как ты имел в виду только начало пути, он смотрел и на конец, не делаясь безопаснее по началу пути; поэтому ныне здесь он утешается, а ты страждешь; конец у того и у другого из вас вышел противоположный. Видели вы на самом деле конец широкаго и пространнаго пути; узнали, как, чрез узкия врата и тесный путь, избравший их пришел к благому концу; выслушайте же и, еще более страшное. «И над всеми сими, между нами и вами пропасть велика утвердися, да хотящии прейти отсюда туда, не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят». Не пройдем, возлюбленные, этих слов без внимания, но размыслим о точности выражений и о том, какую честию и высоким местом пользуется лежавший в воротах, презренный, нищий, постоянно боровшийся с голодом, покрытый ранами, доступный псам. С охотою обращаюсь так часто к этому предмету, чтобы никто из живущих в бедности или в болезнях и голоде не презирал себя и не считал несчастным, но, перенося все с терпением и благодарностию, питался благими надеждами и ожидал тех неизреченных наград и воздаяний за труды. «И над всеми сими». Что это такое — «над всеми сими»? Сказав богатому: ты восприял в настоящей жизни все, что считал благом, а Лазарь восприял то, что ты считал злом, Авраам присовокупил эти слова, внушая ему, что каждый из них и достиг соответственного конца, сверх всего сказаннаго: ты — скорби, тесноты и неугасимаго огня после наслаждения тем, что почитал благом, а он — отрады и наслаждения благами и пребывания со святыми, после борьбы в течение всей жизни с тем, что ты считал злом. И так как каждый из вас достиг соответственного конца — тебя пространныя врата и широкий путь привели к этой тесноте, а его узкия и тесныя врата к этой отраде, то и «над всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися». Посмотри: бедняк, который был покрыт ранами (опять говорю об этом), отнесен к патриарху и приобщен к сонму праведников; «между нами и вами», говорит он. Видишь ли, какой участи сподобился тот, кто с терпением и благодарностию переносил тяжкую болезнь и голод? «Между нами и вами», говорит, «пропасть велика утвердися». Многие, говорит, разделяет нас, и не просто пропасть, но великая; потому что действительно велико расстояние и велико различие между добродетелию и пороком: последний пространен и широк, а первая узка и тесна; роскошь пространна и широка, а бедность и нужда узка и тесна. Посему, как здесь пути противоположны, и один идет по пути узкому и тесному, соблюдая целомудрие, предпочитая нестяжательность и презирая тщеславие; другой же, спеша идти по пути пространному и широкому, предаётся пьянству и веселию, безумной страсти к деньгам, невоздержанию и губительным зрелищам, а велико различие между тем и другим! — так и во время наказания и награды окажется великое различие в воздаяниях. «Пропасть», говорит, «велика утвердися между нами», то есть, праведными, добродетельными,

сподобившимися этой участи, «и вами», то есть, проведшими жизнь в нечестии и грехе. И столь велика эта пропасть, что «хотящие прейти отсюда к вам не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят». Видишь ли великость пропасти? Видишь ли ответ более тяжкий, нежели геенна? Когда вы в начале слышали о благоденствии богача и о большой услужливости, какую пользовался он окружаемый всеми и каждодневно предававшийся веселию; не считали ли вы его блаженным; также, видя лежавшаго в воротах и страдавшаго от жестоких ран, не считали ли жизнь его жалкою? Но вот теперь при конце всего мы видим противное, — того в пламени после веселья и пьянства, а этого в лоне патриарха после крайней бедности и голода! Впрочем, чтобы не слишком продолжить слово, можно окончить здесь поучение и попросить вас, возлюбленные, не искать пространных врат и широкаго пути и не домогаться всячески удовольствий, но помышлять о конце того и другого пути и представляя в уме участь постигшую богача, широкаго пути избегать, а искать врат узких и пути теснаго, чтобы после здешней скорби придти в страну отрады. Убегайте же, увещаю вас, сатанинских зрелищ и вреднаго посещения конских ристалищ; ибо по поводу тех, которые увлеклись и пошли по широкому пути, я и был вынужден сказать это, чтобы они вразумившись, оставили этот путь и пошли путем тесным, т. е. путем добродетели, и таким образом удостоились, подобно Лазарю, лона Авраамова, и чтобы всем нам вообще избавившись от геенскаго огня, насладиться теми неизреченными благами, «ихже око не виде, и ухо не слыша» ([Кор. II:9](#)), чего да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

Примечания

Т. е. мучеников Ювентина и Максимиана.